

A full-page illustration for a book cover. A woman with long, flowing red hair stands in a dark, misty forest. She wears a blue, off-the-shoulder gown and holds a sword with a golden hilt. Three ravens are depicted in flight around her. The background is a dense forest with tall, thin trees and a soft, golden light filtering through the canopy. The title 'СОН И ПЕПЕЛ' is written in large, stylized letters at the bottom, and the author's name 'АЛЕКС АНЖЕЛО' is in the top right corner.

АЛЕКС
АНЖЕЛО

СОН
И
ПЕПЕЛ

Annotation

Когда Люций Моран открыл на материке новый портал в Серый мир, это стало катастрофой — энергия тьмы снова вырвалась наружу. С тех пор прошло больше четверти века... Дэвлат изменился: его земли заполонила нечисть, а великие королевства стоят на пороге войны.

В это время, в сердце леса, студентка Академии Снов, пропавшая двадцать семь лет назад и считавшаяся погибшей, открывает глаза после долгого сна. Она не помнит последние месяцы своей жизни, но все отчетливее понимает, что причастна к возникновению портала. Теперь ей предстоит выяснить свое прошлое, понять, кто на самом деле друг, а кто враг, и возможно, спасти весь свой мир от гибели...

Его имя вызывает ужас в двух королевствах. В ее честь люди построили храмы. Но их прошлое — обман, который вскоре раскроется. Правду не спрятать...

-
- [Глава 1. Склеп в лесу](#)
 - [Глава 2. Столкновение с настоящим](#)
 - [Глава 3. Люций Моран](#)
 - [Глава 4. Северный орден](#)
 - [Глава 5. Легкомыслие, что едва не привело к трагедии](#)
 - [Глава 6. Воронятины не желаете?](#)
 - [Глава 7. Военный совет](#)
 - [Глава 8. Подземелье](#)
 - [Глава 9. Академия Снов](#)
 - [Глава 10. Исчезнувший орден](#)
 - [Глава 11. Забота](#)
 - [Глава 12. Прошлое](#)
 - [Глава 13. Мы идем по одному пути...](#)
 - [Глава 14. Обвинения](#)
 - [Глава 15. Подготовка к путешествию](#)
 - [Глава 16. Мертвый лес](#)
 - [Глава 17. Кервель](#)
 - [Глава 18. Двое во тьме](#)

- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Глава 1. Склеп в лесу

Покидая мир, боги света и тьмы оставили после себя стражей, поручив им хранить равновесие сил. Дазв — небесный страж.

«Легенды Дэвлата». Библиотека Академии Снов

Земля идет трещинами, подобно замерзшей глади озера. Толчки, будто под ногами бьется чье-то сердце. Оно точно сотрясает весь Дэвлат. Каждый удар — часть отсчета до того момента, когда этот мир изменится раз и навсегда.

«Это конец», — думаю я прежде, чем полностью осознаю.

Эта мысль не покидает меня ни на секунду, даже когда ровное поле под ногами, что простиралось на милю вокруг, трескается, а куски почвы с изумрудными островками травы исчезают в вихре темной энергии.

Я бегу, зная, что позади разворачивается бездна, и с каждым мгновением лишь сильнее чувствую ту тьму, что прорывается наружу.

Но он рядом — следует по моим пятам. И поэтому я не боюсь. Лишь в одиночестве умирать страшно...

Новый подземный толчок едва не сбивает с ног, и гул, висевший в воздухе, взрывается. Мы несколько лет изучали портал в Серый мир в Академии Снов, но никто не думал, что кто-то из нас двоих его создаст.

Как никто и не предполагал, что этот раскол все же нас убьет.

Я оборачиваюсь. Поле исчезает, куски грунта проваливаются, начиная с центра. Края бездны расширяются столь быстро, что всего за несколько секунд достигают нас. Я прыгаю и каким-то чудом оказываюсь на твердой поверхности — раскол не спешит расширяться, будто раздумывает, следует ли ему идти дальше.

Но он не успел. И я кидаюсь к краю, откидываю прочь меч и падаю грудью на землю. Хватаю его за руку — за секунду до того, как под его пальцами крошится край обрыва.

Я едва успеваю.

Наши взгляды пересекаются, и я вижу в его глазах сожаление, боль и что-то еще... Благодарность? Лицо как никогда бледное. Он пережил слишком много утрат и остался почти один.

— Отпусти, — говорит он.

— Нет, — упрямо шепчу я, ведь обещала себе, что пройду с ним этот путь до конца.

Край земли, на котором распростерлось мое тело, дрожит, медленно ползет вниз и обещает вот-вот сорваться в пропасть.

Но я лишь крепче сжимаю его ладонь, стискиваю зубы, и не позволяю слезам катиться по щекам, даже когда он пытается разжать мои пальцы, а мое сердце замирает.

— Отпусти меня, Сара. Иначе мы упадем вместе, — становится последними словами, которые я услышала перед смертью.

Он избавляется от моей руки, но уже поздно... Еще мгновение я вижу, как его тело падает вниз, в самую тьму, а потом, когда очередной толчок сотрясает раскол, я срываюсь следом.

Не кричу... Даже когда темная энергия портала окутывает тело. Прикрываю глаза, готовая заснуть навек.

Я примирилась со своей смертью. По крайней мере, я прожила эту жизнь не зря. До конца оставаясь верной себе.

* * *

Спустя 27 лет

Сара

Чужое дыхание стало первым услышанным мною звуком — частое, с придыханием, выдающим волнение. И когда оно приблизилось, я открыла глаза, увидев склонившуюся надо мной девушку. Лицо пухлое, со слегка курносом носом и кожей, по которой нещадно прошли белилами.

Зрачки незнакомки расширились. Губы задрожали. Я почувствовала, как в секунду вспотела ее рука, что сжимала мое запястье.

А через миг она закричала — громко, надрывно. Ее голос разнесся эхом, резонируя в пустой каменной комнате, стены и потолок которой сплошь усеивали листки с кровавыми печатями.

Она стремительно отшатнулась, точно собираясь пуститься в бегство, но от шока так и не отпустила мою руку, потянув за собой. Дернула, ударяя ею о каменный бортик, — я лежала в каком-то каменном углублении.

Я поморщилась — больше от ее крика, что сотрясал и без того не оформившиеся мысли в моей голове, чем от боли. Незнакомка продолжала держать меня, от потрясения не осознавая, что не дает ей сбежать.

Спокойнее. Не кричи. Не бойся.

Я ожидала ощутить знакомое присутствие дара, тепло по коже, но вместо него откликнулось что-то чужеродное, обжигающее жаром и холодом одновременно.

Разлившийся из ниоткуда свет застил глаза.

И все вокруг поменялось местами... Крик затих.

Пошатнувшись, чувствуя, как с непривычки подкашиваются ноги, я вцепилась пальцами в края саркофага, которому не хватало лишь крышки. Сердце в груди забилося так быстро, что не хватало воздуха.

Я подняла голову и вдруг поняла, что смотрю на свое собственное тело. Оно лежало в каменном гробу, что тоже был, как и все вокруг, обклеен кровавыми печатями, — кровь на них запеклась и побагровела, почти прожигая кусочки бумаги насквозь. Знаки больше не имели силы, что-то уничтожило их.

Очередной вопль сотряс стены. Я в недоумении поморгала, лишь теперь в полной мере осознавая, что уже на моем собственном лице кривились губы, а в холодном взгляде обычно ничего не выражающих глаз плескался страх.

Мы поменялись телами...

И я знаю, что это невозможно.

— Не кричи. Не бойся, — повторила уже вслух, удивляясь, как непривычно звучит голос, — хрипло, в то же время выдавая мягкие ноты.

Незнакомка замолчала так же внезапно, как вновь начала кричать. А мой взгляд упал на сверток из темно-коричневой кожи, лежащий в саркофаге у ее ног.

Меч. Мой Туманный...

Я нетерпеливо дернула рукой и замерла, разрываясь между желанием коснуться оружия и надобностью поговорить с девушкой, убрать испуг в карих глазах. Мне понадобилось не больше секунды, чтобы принять правильное решение. Подумала, что с клинком в руке доверия незнакомки будет гораздо сложнее добиться.

Я посмотрела на свое настоящее тело, облаченное в закрытое платье с воротником, на котором мерцали бусины цвета грозового неба, — белая ткань была гораздо длиннее моего роста, так что ступни оказались обернуты подолом.

Траурный наряд. Меня собирались похоронить?

Для даэвов света белый цвет имел сакральное значение. Он соединял две стороны жизни — рождение и смерть. В светлую ткань оборачивали младенцев и облачали мертвецов. Или тех, кто находился на пороге смерти, надеясь задержать их на границе.

— Как тебя зовут? — спросила я, видя, как девушка приподнимается и забивается в угол саркофага. От звука моего голоса ее плечи вздрогнули. Она надолго замолчала, медленно подняв на меня взгляд.

Я была не сильна в утешении кого-то, хоть и часто занималась этим в последние несколько лет. Но все это время я прибегала к своему дару, а не подбирала подходящие слова. Последнее мне всегда давалось тяжело.

— Майя, — наконец-то тихо прошептала она.

Сказала уже без прежнего страха — видимо, поняла, что убивать ее никто не собирается.

— Майя, где мы?

Ее взгляд вновь запрыгал. Девушка облизала пересохшие губы.

А я снова осмотрелась. Из комнаты вел лишь один коридор. На полу лежал факел, и трепыхающийся огонь отбрасывал отблески на стены, а через крохотное отверстие в потолке попадал яркий солнечный свет.

Я совершенно не понимала, как оказалась в подобном месте. И почему на мне белое платье для похорон, а стены покрыты печатями, начертанными кровью. Светлые для этого используют чернила, кровь — прерогатива теневых.

— Я... я не знаю. Я собирала ягоду. Раньше здесь всегда был какой-то барьер, который не давал пройти.

Мой взгляд скользнул по многочисленным выгоревшим знакам на стенах.

— А потом преграды не стало? — продолжила за нее я.

Помедлив, она кивнула. Майя все так же жалась в углу саркофага, подтянув к груди колени и обняв их.

Я вздохнула.

— На чьих мы территориях? Это земли светлых?

— Нет. Мы в Арксасе, отсюда до Третьего королевства очень далеко, — растерянно отозвалась Майя, поднимая длинный подол платья.

— Я оказалась так далеко от дома... — прошептала я, отшагнув в глубину комнаты.

Память сыграла со мной злую шутку. Чем упорнее я искала, тем больше находила темных пятен. Казалось, я знаю все и одновременно ничего. Кусочки воспоминаний были в неправильной последовательности. Детство и юность оставались цельными, но с Академии Снов начинался беспорядок, в конечном итоге обрывавшийся пустотой.

Я молчала несколько минут и очнулась лишь от шороха ткани — Майя решила выбраться из саркофага. Делала она это неуклюже, подняв лишь один край длинной юбки. Ее нога зацепилась за подол, и девушка полетела вперед лицом, грозясь разбить голову о каменный пол.

Я инстинктивно кинулась к ней, совсем забыв про нетренированное тело, что было подобно мягкому куску мяса, — никаких мышц. Схватила ее, но не удержала и сама упала, послужив ей подушкой для комфортного приземления. Перед глазами рассыпались искры.

Майя пискнула и быстро сползла с меня, в панике шепча извинения. Я вновь успокоила ее и поднялась, а девушка опасливо вжалась в угол комнаты. Взирала на меня словно на что-то невозможное. Ненастоящее...

Но ее взгляд уже не казался таким испуганным, скорее изучающим и любопытным. Она точно не робкого десятка, раз сама вошла в место, что раньше защищала магия. Обычно люди боялись

неизвестного, считая это опасным. И мало кто бродил по лесу в одиночку — это действительно могло стоить человеку жизни.

Я опять глянула на девушку.

Непосредственная. Сейчас она занималась тем, что вытянула ладонь и рассматривала ее, сжимая и разжимая длинные худые пальцы. И пусть это тело было все еще моим, поменяв владелицу, оно выглядело иначе, показывая гораздо больше эмоций. Отсутствие которых часто вменяли мне.

Майя смутилась, заметив мой взгляд.

Я же отвернулась, сама ощущая себя странно и неуютно. Обратила внимание на саркофаг и, недолго думая, подошла к нему. Скользнула пальцами по прохладному камню, опустила руку внутрь и дотронулась свертка на дне.

«Без сомнений, Туманный», — узнала его сразу, стоило коснуться эфеса клинка.

Даэвы никогда не расстаются со своим мечом надолго, по крайней мере по собственной воле. Ведь за годы тренировок между оружием и владельцем возникает связь. И на создание новой могут понадобиться десятилетия.

Моя привязанность к этому мечу даже среди даэвов выходила за рамки. Но, так или иначе, когда он был рядом, я чувствовала себя гораздо увереннее и сильнее.

Я улыбнулась, с любовью глядя на сверток.

— Ты сможешь вывести меня к городу? Лучше к тому, что ближе к границе? — обратилась к Майе.

— Да, смогу. Тронг. Мы рядом с ним, — пролепетала она.

— Замечательно, — кивнула я, вспоминая карту. Если память не изменяла мне, то до границы с Феросией останется чуть меньше суток пути на лошадях.

Ситуация переставала быть такой сложной.

Обхватив рукоять оружия, я замерла, вдруг ничего не почувствовав. Сталь не отзывалась. И было в этом молчании что-то выжидающее, точно подходящий момент еще не настал.

Еще никогда мой собственный меч не был для меня столь тяжелым. Рывком перекинув его через край саркофага, я, сжимая обеими руками клинок, с трудом вытащила его. Острый край оружия с грохотом упал на каменный пол.

Майя вздрогнула, во все глаза наблюдая за мной.

А я не то что сражаться им не могла, даже нести Туманный было сложной задачей.

— Майя... Попробуй его поднять, пожалуйста, — попросила я, хотя смутно догадывалась, что это ничего не изменит. Самое главное — дух, клинок привязывается к сущности, а не к материальной оболочке.

Девушка встала на ноги, приблизилась и взяла из моих рук клинок, но не удержала, и тот снова рухнул на пол. Повторная попытка не принесла никаких результатов — она не могла оторвать его от пола даже на несколько сантиметров, только подтверждая, что вся проблема заключалась лишь во мне.

И в моей магии... Сила чувств не отзывалась, а вместо нее явилось что-то чужеродное, поменявшее нас телами.

И на этом я окончательно перестала понимать случившееся.

— Может, оставить эту железку? — вдруг предложила Майя после нескольких минут молчания.

— Железку? — Меня возмутило то, как она назвала мой клинок. — Эта вещь бесценна. Никакой даэв не потерпит, чтобы так называли его оружие. Я скорее оставлю здесь свое тело, чем Туманный! — Смягчившись, я добавила: — Это его имя. Меча.

— Извини. Я не думала, что он так важен, — тихо прошептала она.

— Нет. Это я не права, не должна была так реагировать.

Она человек. И ничего удивительного, что не знает наших обычаев.

После того как покинула родной дом, я определенно слишком мало разговаривала с людьми...

Я задумчиво глянула на подол надетого на Майе платья, который приходилось приподнимать, чтобы не волочился по полу. С таким длинным по лесу не походишь. Надо укоротить...

Я медленно подошла к ней, присела, сжимая в руках мягкую невесомую ткань, что не шла ни в какое сравнение с той, из которой было сшито темно-коричневое платье, теперь надетое на мне. Дешевое. Неприметное. Материя грубая и неприятная к телу.

— Сделаю так, чтобы было удобно идти, — произнесла, прежде чем сжать пальцами подол и порвать. Получилось не сразу — с

третьей попытки. Мне понадобилось две минуты, чтобы аккуратно оборвать юбку погребального платья.

Ткань оказалась прочной, и я собиралась ее использовать.

— У тебя есть родные? Кто-то станет тебя искать? — спросила и лишь потом поняла, как звучали мои слова со стороны. Опасно. Будто я собираюсь ей навредить. — Поход до Тронга, скорее всего, займет время. Родители могут беспокоиться о тебе...

— У меня только отец. Живет в пригороде Дельтраса, — тихо сказала Майя, назвав столицу королевства. — Но я могу отправить ему весточку в Тронге. Иногда я не успеваю добраться домой дотемна, он не будет слишком беспокоиться.

— Спасибо. — Мне оставалось лишь принять. В любом случае мы не сможем сделать круг, надо как можно скорее добраться до границы, ведь я неспроста оказалась на землях, где много веков живут теневые даэвы. — Как только я окажусь дома, то заплачу за все. Возмещу все неудобства, — пообещала ей.

Связав края ткани и зацепив ее за рукоять, я повесила Туманный за спину.

Даже так идти будет тяжело, но это лучше, чем в руках...

Когда мы вышли наружу, нас ослепил солнечный свет — яркий, непривычно режущий глаза. Я с наслаждением вдохнула полной грудью, точно давно не имела этой возможности. Ветерок обдувал лицо, неся за собой ароматы леса, звучало мелодичное пение птиц, а пушистые высокие ели выстроились плотным рядом, обступая поляну со склепом и скрывая ее от посторонних взглядов.

Меня спрятали... Даже защитили печатями. И сделал это темный — светлые не используют для начертания знаков собственную кровь.

Но даже если так, очень странно, что меня все же не отыскиали. Брат бы не оставил моих поисков. Это на него не похоже. Даже в первый год, когда мы только встретились, у него была удивительная способность находить меня повсюду.

Неподалеку от склепа на земле лежала плетеная корзинка, накрытая некогда белоснежной тканой салфеткой, что теперь усеивали темно-фиолетовые пятнышки. Заметив, куда направлен мой взгляд, Майя подхватила свою поклажу.

— И как ты только решилась зайти сюда одна? — покачала я головой и, немного подумав, коснулась рукою лица. На пальцах

остались следы белил, что обильно покрывали кожу. — Какое сегодня число?

— Второе сентября.

— А год? — рассеянно спросила, понимая, что совсем не помню лета. Лишь весну своего последнего семестра в Академии Снов. И то даже в этих воспоминаниях я оказалась не уверена — они были слишком размытыми.

Я вновь осмотрела маленькую поляну, на которой прятался склеп. Почва под ногами была мягкой, а растительность все еще имела насыщенный цвет. Холода пока не наступили.

— Тысяча двести пятидесятый год после появления Первого раскола, — раздалось позади.

— Что? — прошептала я, будто примерзая к земле. В голове всколыхнулись сотни вопросов и сомнений. Хранимое в душе спокойствие исчезло. — Ты уверена?

Мои руки задрожали. Я обернулась, а Майя быстро закивала.

Как такое возможно?

Я не могла поверить, что с моего последнего воспоминания прошло столько лет. Ведь если верить ее словам, то минуло больше четверти века.

Пламя плясало в воздухе. Искры слетали с веток, уносясь вверх. До Тронга оставалось еще полдня пути, поэтому мы остановились на ночлег. Бродить по лесу ночью было еще опаснее, чем днем, и я даже не представляла, как Майе хватало смелости делать это прежде.

Я еще помнила времена, когда ревенанты просыпались по ночам и пожирали всех живых, до кого успевали добраться. Не в своем теле и без клинка мне тяжело будет справиться даже с одним.

Майя пыталась меня убедить, что в королевстве, издавна облюбованном даэвами тени, порождения Серого мира почти не встречались. Здешние ордена сразу разбирались со всеми тварями. Но этот довод звучал слабо и неправдоподобно.

— Второй раскол находится слишком далеко отсюда, — беспечно заявила девушка, пока мы шли по лесу.

— Подожди, второй раскол? — Сердце подпрыгнуло в груди, а по позвоночнику прошел холодок. — Здесь, на материке, я правильно тебя поняла?

Майя кивнула. Освоившись и перестав меня бояться, она оказалась крайне разговорчивой.

— Он открылся... — Она задумалась, возводя взгляд к небу. — Кажется, двадцать семь лет назад. Да, точно, двадцать семь. Отец говорил недавно, что три года осталось до круглой даты. Как ты могла о нем не слышать? О нем все знают.

— Так вышло, что в мое время он еще не появился, — сказала я без посторонней мысли, даже не рассчитывая, что моя собеседница поймет, что именно я имела в виду.

Но она остановилась, заставляя тоже прекратить путь, посмотрела на меня, а потом ее глаза стремительно расшились.

— Ты ведь не просто не помнишь об этом? — Она накрыла рот ладонью, замолчав на несколько секунд. — Но... как? Как?! Неужели все это время ты... ты...

— Спала? Возможно.

— Тогда тебе... Сколько тебе лет тогда?!

Прошло уже несколько часов, как мы отошли от места с саркофагом, и я успела все тщательно обдумать.

— Если ты назвала мне правильную дату, то сорок девять. В следующем году должно исполниться пятьдесят, — произнесла спокойно, будто сущую мелочь. Но на самом деле, как бы я ни пыталась, свыкнуться со своим возрастом не могла. Если моя жизнь на эти годы просто остановилась, то для других она шла своим чередом. И я пока совершенно не понимала, как к этому относиться. Я чувствовала растерянность, но в то же время не позволяла себе более основательно задуматься над своими чувствами и эмоциями, напрочь их игнорируя.

Для начала мне надо хотя бы вернуться домой...

Я сжала в руке веточки лаванды. Нам повезло наткнуться на небольшое поле, где я насобираала маленький букет. Подобные посевы встречались часто — люди заготавливали цветы на зиму.

— Ничего себе, — прошептала девушка позади. — А она хорошо сохранилась.

— Я все слышу, — оглянулась я.

— Ой, извини! — вскрикнула она, догоняя меня.

Я тяжело выдохнула, возводя взгляд к спокойному небу, по которому плыли неплотные невесомые облака. Все же как я могла

потерять столько времени? Неужели все, кого я когда-то знала, постарели? Даэвы живут чуть дольше людей, но даже для нас четверть века — это немалый срок.

А еще эти печати на стенах... Я никак не могла выкинуть их из головы. Все знаки одновременно лишились силы, и это означало, что либо их магию кто-то уничтожил, либо начертавший их даэв уже мертв.

— Сара?

— Да?

— Почему у тебя нет звезд? — Девушка оттянула ворот платья и рассматривала ключицы на моем теле. Любопытство на ее лице сменилось разочарованием.

«Она очень молодая. Наверное, едва восемнадцать исполнилось», — вспомнила я ее облик, что теперь стал моим.

Хотя я сама ненамного старше ее, если забыть про многолетний сон. Но у даэвов такая жизнь — мы гораздо раньше познаем опасность этого мира.

— Разве у вашего народа нет звезд на коже? — продолжила Майя.

— Их наносят. И они не вечны. Мастер использует сок морозия, но он постепенно исчезает. Обычно его хватает на десять-пятнадцать лет. Мои просто уже стерлись.

— А сколько их было?

Я некоторое время молчала. Академия Снов славилась своим обучением, поэтому даэвы света и тени даже жили под одной крышей ради этих знаний. Каждый студент заслуживал свои звезды кровью, потом и талантом. В этом месте понимаешь, как важно, чтобы предки с лихвой одарили тебя. Старались и занимались все, а вот выделялись и достигали успеха немногие.

— Кажется, пять. По крайней мере, в последнем моем воспоминании их было столько, — бесцветно произнесла я.

Говорить расхотелось, и я молча прибавила шаг.

Теперь, когда умиротворяющие языки пламени плясали, освещая небольшую опушку, я поняла, что успокоилась. Сумела прогнать растерянность, для которой просто не оставалось места.

Аккуратно подкидывая то и дело в костер веточки лаванды, подумала, что неплохо бы начертать на деревьях печати, — обычно я так не поступала, для этого использовали специальную бумагу. Ведь со

временем все символы прожигали материал, на который были нанесены. Другими словами, знаки на древесине, даже когда теряют силу, подобно глубоким шрамам останутся на их стволах навсегда.

Это плохо. Неоправданный вред.

Но иначе мы станем легкой добычей.

— Знаешь, Сара, я только сейчас подумала... — сказала Майя, подходя ко мне.

Я же обратила внимание на свои волосы — они, кажется, отрасли.

Выглядят точно длиннее, чем я помню.

— Что? — отозвалась, ворочая веткой угли.

— Ты не должна мне никаких денег. Если я расскажу отцу, что помогла дэве, он будет безумно рад. — Она села на корточки, положив руки на ноги, и мечтательно глянула на огонь.

— Почему?

— Что?

— Почему будет безумно рад? — Я склонила голову.

Девушка на мгновение растерялась.

— Так ты же даэв.

— И?

— Ну, вы же спасаете нас от темной силы, что испускает портал. Благодаря вам мы можем жить спокойнее.

Странно. В мое время так не рассуждали. Скорее относились как к должному, порой даже обвиняли, когда мы не успевали кого-нибудь спасти, и одновременно с этим боялись, стремясь держаться от нас подальше.

И я никогда не видела подобного восхищения, что читался в глазах Майи, когда она смотрела на меня.

Наломав веток, мы устелили ими землю, а сверху присыпали травой. В корзине Майи отыскался маленький ножик — лезвие не длиннее указательного пальца, со следами земли на металле. Там же обнаружили и два гриба, что цеплялись друг за друга кончиками ножек, — видимо, срезанные с одной грибницы.

Ягод не было — наверное, не успела собрать.

Пройдясь около костра, я взглядом прикинула размер круга — нельзя было, чтобы он получился слишком большим, иначе защита окажется слабее и сила печатей рассредоточится по большему участку.

Подойдя к первому дереву и поудобнее перехватив ручку ножа, я стала вырезать первую печать.

«Кольцо света» — универсальная связка знаков, не пропускающих через границу любые проявления теневой силы. Она останавливала даже даэвов тени, но ненадолго — пока кто-то из них не использовал противодействующую печать.

— Ничего себе, он мерцает! — воскликнула Майя, глядя на вырезанный символ словно на чудо.

Я же встряхивала ладонь, на внутренней стороне которой остались красные следы от рукояти. Мне предстояло вырезать еще семь печатей, и если к тому моменту я все еще буду чувствовать свою руку, то очень удивлюсь. Наши тела при постоянных тренировках становились гораздо сильнее человеческих. Как говорил Фредерик, у нас огромный потенциал, который мы развиваем. Если же последнего не делать, то нас и от людей практически не отличить. Но теперь я лишилась своих сил и успела позабыть, каково это — быть слабой.

Оказывается, это очень неудобно.

— Да, мерцает, — согласилась я.

Только от него должно исходить ровное непрерывное сияние...

— Майя, ты знаешь теневой орден, на территории которого мы находимся? — корпя уже над пятой печатью, спросила я.

Королевство Акракс всегда имело тесные связи с теневыми даэвами. Поэтому и самые крупные ордена расположились на этих землях. Светлые сюда не совались. Лишь по особому случаю. Единственным исключением оставались приграничные города, в которые порой забредали подобные мне. Как раз таким и являлся Тронг.

Если мне повезет, я встречу там кого-нибудь из своих, а уже потом, используя имя своей семьи, преодолею срединное королевство и попаду в Итонию — пристанище светлых.

На первый взгляд все выглядело довольно просто. Главное, чтобы и на практике так оказалось.

— Да, конечно, — отозвалась девушка. Она уже некоторое время сидела на подстилке, подтянув к себе ноги в белых тканевых тапочках, подошва которых была крайне тонкой, совсем не предназначенной не то что для путешествий по лесу, а для ходьбы вообще.

Надо будет оторвать еще немного ткани и обвязать ей ноги.

— Северный, у них форт рядом со столицей.

— Северный? — Рука сорвалась, и я прочертила на коре лишнюю линию, а боковую сторону ладони обожгло.

— Ага. Слышала о них?

— Да, — скупой сказала я, решив много не болтать. Чем меньше Майя будет знать, тем лучше.

«Северный...» — повторила про себя. Название давно противоречило сути, ведь этот орден уже больше полувека, как перебрался на юг, и похоже, его влияние лишь возросло.

Завершив работу над печатями, я с удовлетворением увидела, как разрастается купол магии, слегка искажавший лес за ним. Когда же все завершилось, вновь стало как прежде, и ничего, кроме символов на коре деревьев, не свидетельствовало о колдовстве.

Теперь мы могли ложиться спать.

Я опустилась на лежанку, посмотрела на звездное небо, что проглядывалось сквозь пушистые толстые ветки. Чужое сердце в груди билось часто.

«Мне кажется, мое собственное никогда не стучало столь быстро...» — подумала и удивилась собственным мыслям.

За весь день у меня не было времени, чтобы размышлять о чувстве потерянности, засевшем глубоко внутри. Неизвестность не пугала, но беспокоила.

И на подсознательном уровне я понимала: что-то во мне поменялось. Смирение, добродетель и справедливость — три столпа, которые являлись сутью светлых даэвов. Все годы обучения в ордене и потом в Академии Снов меня заставляли следовать этим основам, под конец я и помыслить не могла о том, чтобы когда-то поступить *неправильно*.

Но теперь я в остатках своих воспоминаний казалась самой себе чужой.

Прогнав бесполезные мысли из головы, я прикрыла глаза. Завтра еще один день пути. Необходимо набраться сил.

Сначала я открыла глаза, чувствуя сухость во рту и горечь. А спустя мгновение в нескольких метрах от места нашего ночлега хрустнула ветка. Я еще несколько секунд невидяще смотрела вверх и лишь потом, зевая, перевернулась, уперев напряженный взгляд в умиротворенное лицо Майи. *Мое лицо...* Прямой, слегка вздернутый

нос, светлая бархатистая кожа, розоватые губы, и волосы каштановые, с медным отливом.

Красивая. Но по меркам даэвов скорее обычная.

Моя ладонь аккуратно скользнула в сторону, безошибочно находя припрятанный у настила ножик.

Нас потревожили люди. Ни одно создание темной силы не подкрадывается к своей добыче настолько бесшумно. Голод и инстинкт подчиняют даже порождений с зачатками разума.

Я сжала рукоятку ножа и уже в который раз пожалела, что Туманный стал для меня бесполезен и просто лежал рядом, завернутый в кожу. Готовясь ко сну, я всегда оставляла меч у кровати. В обители или в академии — не имело значения. Это даже не привычка, а нечто большее. Потребность, без которой я не могла жить.

Шаги послышались явственнее — кто бы это ни был, они больше не считали нужным скрываться.

Мое дыхание стало медленным, время словно растянулось на мгновения, и мне осталось лишь застыть в ожидании подходящего.

— Туз, у нас здесь подарки, — уже совсем не таясь раздался голос — хриплый, прокуренный, навскидку принадлежащий какому-то здоровяку.

— Еще какие.

— Поделитесь?

В этот миг Майя открыла глаза, и я словно испытала дежавю. Девушка мгновенно приподнялась, с ужасом взирая на людей, вышедших из леса за моей спиной, и вдруг закричала — громко, надрывно, сразу беря высокую ноту. И умудряясь в перерыве между криком звать меня по имени.

— Заткните ее кто-нибудь!

— Надо просто чем-то занять ее прекрасный ротик. — Слова вызвали отвращение, и я ощутила отголоски темных дел.

Легкая добыча для спектров. Костяшки пальцев на моей руке побелели.

— Только зубы выбей, а то откусит, — хохотнул один из незнакомцев.

Майя задрожала. Теперь и мое настоящее лицо смотрелось так, будто по нему прошли белилами. В лунном свете оно точно принадлежало мертвецу.

Один из разбойников подошел так близко, что его нога оказалась неподалеку от моей головы.

Маленькое лезвие взметнулось в темноте, вонзившись в сапог, прорезая кожу как масло и проникая в плоть. Следующий удар, произошедший в унисон с вскриком мужика, пришелся в лодыжку.

Провернув лезвие, я вытащила кинжал, отскакивая от мерзавца.

Пусть тело было слабым, но мышечная память, развитая интуиция, ничего не исчезло.

Минус один.

Остались трое. И еще один, что застыл у края барьера, шаря по нему руками с крайне озадаченным видом. Преступлений и тьмы в нем оказалось достаточно, чтобы печати не пропустили его внутрь.

Один из мужчин кинулся вперед, выбрасывая руку, сжатую в кулак. Я же, поднырнув вниз, ушла вбок. Мой ножик вскользь прошелся по рукаву его дублета, но короткое лезвие лишь попортило ткань. Вместе этого я вытащила кинжал из чужого пояса.

Мне хватило взгляда, чтобы понять: длинное искривленное лезвие затуплено. Это далеко не Туманный. Хотя и без того не одно обычное оружие не смело сравниться с мечами даэвов, выплавленными из руды ограждающих скал.

Новым оружием я не подрезаю, а скорее рву сухожилия на ногах мужика, и тот валится на землю.

Краем глаза замечаю, как Майя вытаскивает что-то из корзинки и бросает в одного из незнакомцев. Раздается новая порция ругательств — отборных, витиеватых. Если бы я в свое время не жила в человеческой деревне, то, возможно, отыскала бы для себя пару новых словечек. Даэвы, даже теневые, ругаются мало, по крайней мере не строят из ругательств целые словесных конструкции.

«Перцовый порошок», — мгновенно догадалась я.

— Стоп, стоп, остановись! — Незнакомец у границы печатей примирительно поднял руки. — Мы осознали свою ошибку. Давай разойдемся мирно.

Его улыбка показалась мне ядовитой, хитрой. Я ни на миг не поверила ему. Но в то же время я была не уверена, что справлюсь со всеми.

Я выжала из этого тела максимум, и легкое головокружение лишь подтверждало, что долго оно не выдержит.

— Хорошо. Разойдемся, — ответила, не выпуская из руки чужой кинжал. Майя подкралась ко мне и теперь стояла, прижавшись к моей спине и содрогаясь мелкой дрожью. — Но без шуток.

Поначалу разбойник улыбнулся. Но затем его улыбка сползла с лица, и он добавил:

— Да, конечно. Мы не хотим привлекать ничье внимание.

Я наблюдала, как один за другим мужчины выползали за пределы охранного круга.

«Они думали, что мы легкая добыча. Поэтому напали», — осознала я, провожая взглядом, пока их спины не исчезли среди деревьев.

Как только они пропали из виду, я медленно сползла на землю, поддерживаемая Майей.

— Что с тобой? Что такое?

— Немного устала. Сейчас пройдет.

Конечности ныли, кажется, я потянула запястье. Головой я знала, что смогу справиться с этими разбойниками. Даже выборочная потеря воспоминаний не могла вытравить все знания и многие годы тренировок. Но мне понадобилось убедить в этом чужое тело, и теперь оно запоздало говорило мне «нет».

— Подожди, у меня есть кое-что из трав. — Майя на некоторое время пропала, кинувшись к своей корзинке, а я через силу следила, как она копается в ней с тихим шорохом.

Потом вернулась и сунула мне несколько листьев, требуя их пожевать.

— Взбодрись. Они горькие, но сознание не потеряешь. Где-то болит?

— Да. Кажется, запястье, — поморщилась я, и лишь чуть задрал рукав, увидела, как оно опухло.

От трав во рту вязало. Будто я ела хурму, которую подавали дома по праздникам, а не жевала какую-то траву.

Майя пережевывала другую порцию листьев.

— Ты говорила ночью ходить относительно безопасно? Но как тогда мы наткнулись на этих людей? — нерадостно спросила я, добавляя: — По крайней мере, у одного из них руки точно запачканы кровью. В любой другой ситуации я должна была схватить их и передать...

Плюх.

Я замолчала. Майя, смотревшая на меня с видом внимательного слушателя, размазывала по моему запястью пережеванную ею массу.

— Кому передать? Паладину?

— Неважно, — пробормотала я.

Запястье пульсировало, но действительно успокаивалось.

— Так почему они были здесь?

— Я... Не знаю. Правда. — Майя немного отползла от меня. — Возможно, бежали подальше от портала. Говорят, на юге в третьем королевстве попадаете все больше переродившихся. Но это естественно, там же раскол.

Выбрали меньшее из двух зол. Лучше скрываться от даэвов тени и паладинов короны, они хотя бы материальны и, наверное... менее пугающие, чем перспектива стать перерождением.

Уму непостижимо. Я до сих пор не верила, что на материке правда появился портал в Серый мир. Если бы кто-нибудь рассказал мне об этом двадцать семь лет назад, я бы посчитала все его слова бредом, и не важно, человек бы это был или даэв.

В Сером мире правит темная магия, там нет никакого деления, да и жизни как таковой нет. Лишь магия тьмы, кормящаяся нашими грезами, страхами, кошмарами и преступлениями. Но все проблемы начинаются в момент, когда отдельные сгустки этой энергии попадают в наш мир.

Спектры и ревенанты — вот плоды этой силы. Первые — призраки, ведомые лишь одним инстинктом — обратить как можно больше существ в тень, чтобы растерять свою магию и стать вновь ничем. Ревенанты — живые мертвецы, что жаждут крови. Иногда обращенных людей еще можно спасти, но далеко не всегда.

Поэтому портал на материке, да еще и на территории светлых орденов — бедствие. Но судя по рассказам Майи, все вокруг привыкли с ним жить. И в моей голове это никак не укладывалось. Мне казалось, спокойная жизнь в таких обстоятельствах просто невозможна.

Второе, чего я совершенно не понимала: даже зная, что грехи погружают душу во тьму, делая ее гораздо уязвимее для силы Серого мира и, что еще ужаснее, делая изменения в случае перерождения необратимыми, некоторые все равно идут по кривой дорожке.

Глупцы, выносящие приговор самим себе.

— Нам пора, — сказала я, поднимаясь. Благодаря стараниям Майи, мне действительно стало гораздо лучше. — Не стоит здесь оставаться, они могут вернуться.

На небе уже давно брезжили первые лучи солнца, а среди темных стволов деревьев, словно кутая мелкие кустарники в одеяло, расползся туман.

Похолодало.

Руки замерзли настолько, что было тяжело сжимать пальцы.

— И извини, Майя, что тебе приходится через все это проходить, — проговорила я, понимая, что за последние сутки девушка пережила слишком многое.

— Да нет, ничего, — умудряясь испытывать в подобной ситуации стыд, отозвалась она.

Ее волосы разметались, и в них застряли мелкие листики. Со стороны она была похожа на лесную нимфу. Мое лицо с ее сущностью выглядело куда мягче и невиннее в сравнении с тем, когда я являлась его владелицей.

— Не «ничего». Я запомню это. И отплачу за твою помощь. Деньгами или, если ты того захочешь, услугой.

— Услугой? — ошарашенно переспросила она. Судя по ее виду, она знала, что я предлагаю. Помощь в будущем. Невыплаченный долг.

— Да. Поэтому подумай об этом. — Я остановилась у своего меча, со смешанными чувствами глядя на сверток.

Туманный — часть меня. Но теперь он меня не принимал, вызывая какую-то детскую обиду.

Я подняла оружие, вновь повесив себе на спину.

Какой же тяжелый...

— Пора, — произнесла, делая первый шаг. — И да, Майя, теперь расскажи мне все, что знаешь о появлении второго раскола...

Глава 2. Столкновение с настоящим

Даэвам даровано четыре вида внутренней магии. Темные даэвы обладают силой воплощений и силой исхода и называются мортемами и скардами соответственно. Среди светлых же распространены эмпаты, управляющие чувствами, и сомниумы, чей дар связан со снами.

Каждый даэв рождается с одной из четырех сил. Но способности к управлению своим даром, как правило, не равны.

«Энциклопедия 1 уровня». Библиотека Академии Снов

Мои ладони оказались непривычно мягкими, ни намек на загрубевшие мозоли, от которых не спасали никакие мази травников. Я свыклась с ними. И давно перестала обращать внимание. Но теперь, сжимая руки, принадлежавшие Майе, не могла себе отказать в удовольствии потрогать нежную кожу. Будто я и не упражнялась ежедневно на протяжении многих лет с Туманным.

Мы совсем недавно вышли за пределы леса и забрались на холм, чтобы отыскать главный тракт, ведущий к городу.

Майя тихо засмеялась, поведя плечами.

— Щекотно.

Я сосредоточенно кивнула, перемещая свои пальцы к ее запястьям.

Помня, что мы поменялись, когда девушка держалась за меня, я все же пришла к выводу, что, возможно, это произошло по моей вине. Хотя каким именно образом, пока даже не предполагала. За все годы жизни я ни разу не слышала о магии, способной обменять тела.

Колдовство имело четкие границы — четыре врожденных дара. У каждого даэва была предрасположенность к одному из них. У светлых — силы чувств и сновидений, их обладателей называли эмпатами и сомниумами, а у тeneвых, мортемов и скардов — дар воплощений и дар исхода...

Но теперь, вновь пробуя внушить Майе спокойствие, я почувствовала пустоту, и где-то в глубине — едва отзывающийся холод. Чего-то недоставало, будто я сосуд, наполненный лишь на треть.

— Сара, ты молчишь уже несколько часов. Ты что-то вспомнила? — заглядывая в мое лицо, спросила девушка. — Когда я рассказывала тебе о расколе.

— Я... Мне просто надо время, чтобы осмыслить это, — призналась я, пытаясь отделить охватившие меня грусть, скорбь и недоверие друг от друга. Я привыкла препарировать свои эмоции. Порою сильное влияние на чужие чувства требовало, чтобы я просто забирала их себе.

Уныние, горе, страх, гнев, зависть — я задохнулась бы, если бы не могла с ними справляться. И это неизменно повлияло на мое поведение. Я редко улыбалась, смеялась и плакала. Моя сила иссушала мои собственные эмоции.

Хотя, по правде, мало кто из подобных мне способен был на такое глубокое влияние.

Майя выжидательно смотрела на меня, и я неожиданно для самой себя поделилась:

— Я не понимаю, почему даэвы вдруг восстали друг против друга. Это неправильно.

Наверняка людская молва за двадцать семь лет исказила случившееся, но сомневаюсь, что стычка между даэвами тени и света была выдуманной, как и слова о множественных жертвах с обеих сторон.

С того момента прошло много лет, и между ними вновь воцарилось перемирие. И временно опустевшая Академия Снов успела выпустить не менее пары сотен выпускников. Внушительное число, ведь на поток поступало всегда не больше тридцати — сорока студентов, а иной раз и гораздо меньше.

Поэтому я не сомневалась, что знала лично по крайней мере нескольких из тех, кто погиб в тот злополучный день.

Об этом я и рассказала Майе. Она долго молчала, прежде чем спросить:

— И Люция Морана тоже знала? Дива, что создал раскол.

В памяти всплыло лицо: белая кожа, высокие скулы, серые, будто дым костра, глаза, которые становились темнее, когда парень колдовал, и короткие белые волосы, точно свежесвыпавший снег. Иной раз казалось, что орден, основанный его предками, назван Северным именно по этой причине.

Вся внешность Люция Морана состояла из контрастов, как и его характер, — будто хорошего и плохого в нем ровно половина к половине. Порой он был слишком беспечным, непредсказуемым и наглым, доставляя проблемы. А порой вызывал доверие и уважение, которые я испытывала далеко не ко многим. Но, к сожалению, первого было гораздо больше.

— Да. Сталкивались, — призналась я.

Вдруг лес позади нас словно содрогнулся. Вдалеке над верхушками поднялась стая черных птиц. Они кружили, закручиваясь в какую-то жуткую воронку, что расширялась кверху и постепенно растворялась, когда существа разлетались в стороны.

Мои брови сошлись на переносице, я задумчиво поглядела на небо.

— Поспешим. — Я отпустила руки Майи и направилась к главному тракту.

Тронг окружало высокое, выстроенное из серого кирпича ограждение. Резные деревянные ворота, возле которых кружили стражники, были распахнуты.

Вокруг города росла лаванда, простиравшаяся на много миль от поселения. Ее аромат делал людей невидимыми для порождений тьмы и темной энергии. Совсем скоро ее соберут, чтобы жечь по ночам в домах. Самое опасное время наступало весной, когда запас цветов подходил к концу и любая веточка стоила дорого, настолько, что не каждый мог себе позволить.

Внутри города кипела жизнь, даже издалека я видела прогуливавшихся по улице людей.

Дорога прорезала город насквозь, чтобы путники, направляющиеся к границе, могли войти, пополнить запасы и покинуть его с обратной стороны, где вновь начинался лес.

— Зайдем сначала к ювелиру, — предупредила я Майю.

Еще вчера я сняла бусины с воротника платья, что теперь было надето на девушке. Если я не ошиблась, то их сделали из драгоценных

камней. Сапфиры. Они стоили баснословно дорого. Я даже сомневалась, что местный мастер предложит мне подходящую за них сумму. Скорее всего, таких денег у него не будет.

Мы отыскиали ювелира без труда — прямо от ворот к его лавке заботливо вели путешественника указатели. Поселение небольшое, поэтому все основные заведения располагались по краям главной дороги: постоянные дворы, магазины ремесленников, что изготавливали все, от одежды до оружия, и винные лавки.

Майя отставала, засматриваясь на вывески, и под конец, когда к ней пристал парнишка с попыткой познакомиться, мне пришлось вмешаться — избавиться от него и увести за руку ее.

У ювелира мы пробыли недолго.

Лавка пустовала, в воздухе летали частички пыли, что взметнулись к потолку, стоило нам пройти сквозь узкую, но длинную дверь. Хозяин сидел за стойкой, склонив голову и рассматривая что-то в руках. Бросив на нас мимолетный взгляд, он вернулся к своему делу, лишь глухо произнеся:

— Слушаю.

— Сколько дадите за это? — Из ладони на стойку скатилась пара бусин.

Мужчина со вздохом поднялся, внимательнее взглянув на мой товар.

Его лицо не изменилось, но вот рука дрогнула. Он потянулся к своему окуляру, лежавшему на внутренней стороне стойки у кучки золотых монет. Не затертых, свежечеканенных монет с отчеканенным ликом.

— К вам недавно заходили даэвы света? — спросила я.

У всех трех королевств была своя валюта, и обычно, чтобы не заморачиваться с обменом, богатые ордена, отправляясь за пределы Исонии, брали с собой драгоценный металл.

Хозяин нахмурился, накрывая горстку салфеткой.

— Их слуги.

Слуги? С каких пор у нас появились слуги?

Нет, в главной обители всегда имелись те, кто за всем приглядывал. Но их никогда не звали так. И никогда никого из них не брали в далекие путешествия. Мы не аристократы при короле и не зазнавшиеся торговцы, купающиеся в своем богатстве.

Это против сложившихся порядков.

— Так сколько дадите? — перешла я к делу.

— Сколько у вас таких? — невзначай поинтересовался мужчина, поднося к окуляру одну из бусин.

Я запустила руку в карман, доставая еще несколько.

Количество произвело на него впечатление.

Из-за горящей свечи, что стояла на краю его стола, в бусинах словно поселилось пламя — искрящее, загадочное.

— За все... — Взгляд хозяина скользнул по нашей с Майей одежде. На девушке его внимание задержалось гораздо дольше. Единственное, что я сумела сделать, — это оттереть со своего лица немного уже посеревших белил. Наверное, поэтому люди шарахались от меня даже на улице, а стражник у ворот долго думал, прежде чем пропустить. — Тридцати медяков.

— Не пойдет, — покачала я головой. — Мне предлагали больше.

— Где? — резко спросил он, вперив в меня острый взгляд. Теперь я не сомневалась, что он собрался нас облапошить.

— Разве это важно? Я не хочу создавать никому проблем. У вас городок маленький. Лучше просто вернусь и заключу более выгодную для себя сделку. — Невозмутимо повернувшись спиной, я направилась к выходу.

— Подождите! Один серебряный!

— Десять, и вы мне рассказываете о даэвах, что продали вам золотые монеты, — сказала, с сомнением останавливаясь.

— Десять?! Вы с ума сошли, девушка?!

Я задумалась.

— Хорошо, восемь. Но не меньше.

— Ладно, — сокрушенно сдался мужчина. — Но вы же их не украли?

— Нет, что вы. — Посмотрела на Майю, что сидела на табурете у окна. — Сняли с платья моей подруги. Не беспокойтесь.

— Это ведь много? — рассеянно поинтересовалась я, не оборачиваясь и пересчитывая монеты.

Майя стояла рядом, нетерпеливо перекатываясь с пятки на носок и обратно.

— Конечно! Мой отец зарабатывает такую сумму лишь за пару месяцев.

— Это хорошо, — кивнула я. — Хватит на первое время. Если что-то пойдет не так, обменяем еще немного бусин в Феросии.

Торгуясь с ювелиром, я действовала вслепую. За всю свою не слишком длинную сознательную жизнь я не бывала на землях Акракса. Лишь читала о нем, слышала по рассказам учителей и...

На мгновение в голове воцарилась пустота, а потом я вдруг вспомнила...

Люций Моран. Он рассказывал мне о своей родине. Я помнила даже ту ослепительную улыбку, что тогда была на его лице.

Как теперь его называют на земле светлых? Ангел тьмы? После стольких преступлений это прозвище казалось даже излишне мягким. Почтительным. Его определенно боялись.

Простые люди, должно быть, слагали сказки о его злодеяниях — жуткие, какие любят только они, что хуже кошмаров, с морем крови и жертв. Так, чтобы напугать и не оставить сомнений: излишней осторожности не бывает.

Им всегда оставалось лишь сочинять эти рассказы.

Ювелир почти ничего не знал о даэвах, остановившихся в Тронге, кроме того, что они были светлыми и уже завтра намеревались отправиться в срединное королевство.

Мы могли не спешить. Именно поэтому я потратила несколько часов, чтобы купить нам обеим новую одежду, сходить в почтовую лавку, где Майя отправила послание отцу, а потом снять комнату в ближайшем постоялом дворе.

Развернув сверток из темной кожи на узкой постели с тонким матрасом, я пыталась понять, что произошло с Туманным.

Сталь блестела, и хватало одного взгляда, чтобы понять: он не затупился. Но некогда белоснежный металл с легким голубым отливом посерел, будто его одолела тяжелая болезнь. Темное серебро, нечто среднее между клинками светлых и темных.

Я сглотнула. Мне было жаль сталь.

Что с тобой случилось за все эти годы?

— Сара. — Майя, завернутая в халат, вышла из соседней комнаты, где стояла бадья с водой. — Вот. Он висел у тебя на шее.

Я сощурилась, рассматривая медальон, цепочка которого оказалась зажата в ее пальцах. Кулон в форме полумесяца гипнотически покачивался из стороны в сторону, выглядя слишком

миниатюрным, по сравнению с темными звеньями цепочки, удерживающими его. Что неудивительно, ведь ни то, ни другое изначально не предназначалось друг для друга.

— Хорошо. Пусть временно остается у тебя, — произнесла я, решив, что не имеет смысла пока забирать его обратно.

Это украшение было одной из двух вещей, что оставалось от моей настоящей, не приемной семьи. И тот, кто поместил меня в склеп, знал о его ценности, как и о важности меча, что всегда лежал у моей кровати, когда я спала.

Будто, оставив рядом со мной Туманный, мне пожелали приятных снов. Но вся загвоздка в том, что и о моей одержимой привязанности к оружию, и о важности кулона знали лишь давно умершая бабушка и мой брат Фредерик.

Мы покинули постоянный дом, когда уже начало смеркаться. День неминуемо угасал, а на фоне кораллового заката над городом кружили с десятков темных точек. Птицы летали высоко над домами, будто опасаясь опускаться ниже.

— Что бы ни случилось, всегда держись ближе ко мне. Если нас попытаются разделить, требуй, чтобы я была рядом, — предупредила Майю, поправляя кожаный ремень. Спина уже давно ныла от постоянной ноши, как и плечо, на котором успел появиться синяк. Девушка ростом была практически на голову ниже меня, поэтому меч нести было очень тяжело. И даже купленные у мастера дешевые заплечные ножны для переноски обычных клинков не помогали делу.

— Поняла. Нас могут разделить? — Майя теребя капюшон. Я намеренно раздобыла ей плащ, чтобы скрыть лицо.

— Я не знаю, что произошло за эти четверть века. Поэтому говорю на всякий случай, — отозвалась я, заставив себя промолчать о многом другом.

Возможно, мое имя ничем мне не поможет. И тогда наше путешествие продолжится. Мне понадобится найти самого главного, того, кто вникнет в ситуацию. Сейчас я представлялась себе целым букетом из необъяснимого. Невозможного. Даже противоестественного.

Провал в памяти на много лет — внешне я никак не изменилась, поэтому все указывало на то, что я их действительно «проспала». Меч, связь с которым я не могла восстановить. Врожденная способность к

силе чувств, что покинула меня, сменившись чем-то чужеродным. Лишь иногда я, кажется, стала улавливать эмоции Майи. Но скорее всего, все из-за тела, которое занимала девушка теперь.

Мне придется быть крайне убедительной, чтобы привлечь внимание.

Мы с Майей прошли город насквозь к богатому постоялому двору с каменными колоннами у входа и кадками цветущей розовой лаванды, висевшими под длинными арочными окнами.

Над нашими головами, словно провожая, в небе кругами летали птицы.

И стоило подняться на ступеньку, как мне преградил путь мужчина в темно-синих одеждах.

— Все комнаты выкуплены до завтра. Поищите другое место.

— Кем выкуплены? — Я остановилась.

— Извините, но я не могу вам ответить. Уходите. — Он спустился на ступеньку ниже и настойчиво повторил: — Уходите.

Не оставалось сомнений: если понадобится, незнакомец заставит уйти силой.

Обычный человек, я бы справилась с ним даже теперь. Но пустая драка была ни к чему.

— Что происходит? — раздался звучный мужской голос.

Я обернулась, едва не столкнувшись лицом к лицу с дивом в светло-голубом одеянии с широкими рукавами. Ткань украшала неброская вышивка. Мантия была создана таким образом, чтобы в момент опасности скинуть ее и остаться в не стесняемой движения одежде.

От него пахло лавандой, словно не хватало того, что это растение росло здесь повсюду. Я жадно вгляделась в лицо юноши: прямой нос, острый подбородок, тонкие губы, темный взгляд, что мазнул по мне и вновь переключился на моего недавнего собеседника.

Меч даэва висел на поясе, как и у двух его провожатых, что стояли позади. Майя отошла в сторону, чтобы пропустить их.

— Господин Сезар, извините за беспокойство. Они уже уходят. — Человек склонился в глубоком поклоне.

— Сезар? — вымолвила я, взметнув взгляд.

Он сразу показался мне знакомым. Но ничего удивительного, что я не узнала мальчишку, которого видела в последний раз, когда ему

было лишь одиннадцать.

Он очень вырос. Я помнила еще того нелюдимого мальчугана, которому читала сказки в семейной библиотеке.

— Вы меня знаете? — Мужчина снова посмотрел на меня и оглянулся на Майю, чье лицо так и скрывал капюшон.

Я молчала слишком долго, меня вновь дезориентировало то, сколько прошло лет. Даэв обогнул меня, собираясь скрыться в постоялом дворе.

Наблюдая за его удаляющейся спиной, я наконец очнулась.

— Сезар Шоу. — Он замер, так и не пройдя в распахнутую служащим дверь. Но потом вновь сделал шаг. — Твой меч. Нэглинг... Помнишь, кто помогал выбрать тебе его название?

Сезар порывисто обернулся. Одевания его взметнулись в воздух, словно огромные крылья птицы. На мгновение в выражении его глаз я вновь увидела мальчишку, каким он остался в моей памяти, а не мужчину, которым див стал теперь.

Время застыло. Я слышала каждый его шаг, будто они повторялись эхом в моей голове. Он приблизился ко мне вплотную, оказавшись гораздо выше тела, в котором я находилась.

— Кто ты? — тяжело спросил Сезар. Дыхание его сбилось. Он потерял самообладание. — Кто сообщил тебе его имя?

Я не могла сказать прямо, нужны были доказательства.

Отступила, снимая под пронзительным взглядом свою ношу со спины. Присутствующие на крыльце наблюдали за разворачивающейся картиной с легким недоумением, тихо переговариваясь между собой.

Мне пришлось опустить сверток на землю — он был настолько тяжелым для меня, что я не могла развернуть его на весу. Див возвышался надо мной, точно скала над тихой водной гладью.

Развязав бечевку, я осторожно приоткрыла сверток, чтобы показать эфес. Он был уникальным, единственным в своем роде. Мастера никогда не куют одинаковых.

Я подняла голову, одновременно убирая последний слой кожи и наблюдая, как дергается кадык на его шее, а мужские ладони сжимаются в кулаки.

— Это невозможно... Этот меч... — Его мантия разметалась, собирая всю дорожную пыль, когда он присел перед оружием и протянул руку, не касаясь рукояти. — Ничего ведь не осталось.

На моем лице застыла маска. Я вдруг увидела, что глаза дива заблестели.

По мне горевали... Зажигали погребальный костер. И в день памяти посещали мою пустую могилу. Сезар правда думал, что я погибла. Мне стало горько от того, сколько боли я причинила своим родным. Они давно похоронили меня, а теперь я словно восстала из пепла.

Голова заболела. Но слезы не шли — я давно уже разучилась плакать.

— Я... — Коснулась кожи, которой был обернут Туманный, собираясь вернуть ее на место. Не в силах найти оправдание, сказала: — Извини.

— За что вы извиняетесь? — Сезар поднял голову. Его взгляд шарил по моему лицу — настойчиво, упрямо.

— За то, что не смогла прийти раньше, — прошептала в ответ.

Див вдруг схватил мою руку, и я ощутила тепло — он считывал мои эмоции. Мою печаль, что сливалась с его и становилась невыносимой, настолько, что мужчина через несколько секунд отдернул ладонь.

Сезар выглядел потрясенным.

— Я не понимаю, что происходит, но идемте. — Он сам быстро завернул меч и передал мне лямку от ножен.

Див шагнул к ступенькам, я же обернулась на Майю, беззвучно призывая идти рядом.

Многие даэвы были красивы, но внешность некоторых сражала и покоряла. Что-то в них казалось ненастоящим. Мой взгляд часто не мог оторваться от волос моего брата Фредерика, что даже при свете костра блестели как золотые нити, но особенность Сезара оказалась куда глубже — он шел словно плыл, природная грация и изящность вызывала неестественное чувство благоговения.

Ничего удивительного, что Майя оцепенела. А когда я подошла ближе, вцепилась в мою руку, дрожа.

Мы прошли мимо остальных воинов, что смотрели на нас внимательно и настороженно, но в то же время никто не спешил задавать Сезару вопросов.

Глава 3. Люций Моран

Мортемы используют для воссоздания существ свою внутреннюю тьму. Чем больше в них темной силы, тем могущественнее их магия.

Но ни одно тело не способно вместить в себе слишком много темной энергии, не начав разрушаться. Именно поэтому их силы весьма ограничены.

«Энциклопедия 1 уровня». Библиотека Академии Снов

— Расскажи мне сама, прежде чем я начну говорить глупости. — Заперев дверь, Сезар повернулся к нам.

Я оглянулась: в комнате стояла лишь кровать с резными столбиками и тумбочка. Аскетично. Ничего лишнего. В дальних путешествиях ценилась чистота и удобство, а не внешний лоск.

Подойдя к постели, я положила Туманный на покрывало. Внимание мужчины вновь сосредоточилось на мече.

— Он тяжел для тебя, — произнес див, лишь констатируя факт.

— Да, — отозвалась я.

— Но все же ты можешь его поднять, — добавил он, словно насквозь прожигая меня взглядом.

Мы остались наедине, пусть это вызвало вопросы у остальных, но никто не смел их задавать — Сезар добился высокого положения, обусловленного не только покровительством моей семьи.

Я обернулась к Майе, одним взглядом говоря «пора», к счастью, она уже успела прийти в себя.

Отойдя в сторону, я медленно следила за тем, как ее капюшон с шорохом спадает, обнажая лицо. Лишь теперь я подумала, что, возможно, шоком станет и то, что я совсем не изменилась. Теперь я выгляжу даже младше того мальчика, что, как и я, рано лишился родителей, но, в отличие от меня, его не приняли в семью и не подарили свою фамилию, а просто взяли на воспитание.

— Сара, — выдохнул мужчина. Медленно, шаг за шагом, он становился все ближе, словно боясь спугнуть. Сосредоточенный лишь на моем настоящем лице, он даже не заметил, что Майя, запаниковав, стала пятиться к стене.

Я преградила ему путь.

— Сара я, а не она, Сезар. Поверь мне, ты ведь знаешь, я никогда бы не соврала.

С каждым моим словом взгляд дива прояснялся. Он остановился всего в паре десятков сантиметров от меня. Долго сохранял молчание, а мой взор оставался на уровне его мерно поднимающейся и опускающейся груди.

Аромат лаванды, висевший в воздухе, стал как никогда ярким.

— Как такое возможно? — хрипло спросил мужчина, нарушив тишину.

— Не знаю. Я очнулась в склепе неподалеку от Тронга. В Миртовом лесу, кажется... — Я оглянулась на Майю. Девушка кивнула, подтверждая мои слова. — Она была рядом, держала меня за запястье, когда мы вдруг поменялись телами.

Сезар посмотрел на Майю, а та быстро посмотрела в сторону, то ли смутившись, то ли испугавшись.

— Удивительное совпадение, — заметил он.

Повисло напряжение, девушка молчала.

— Кто-то нанес печати в склепе. Кровью. Там были разные знаки: и ограждающие, и защитные, и даже те, что согревали его стены. Но когда я очнулась, они все были выжжены.

— Нанесены кровью?

— Да. Учитывая, что мы на земле теневых, все более чем очевидно.

На скулах Сезара заиграли желваки. Но всего на несколько секунд, до того момента, как див прикрыл глаза, вдохнул, а когда вновь посмотрел на мир, его лицу вернулось прежнее непроницаемое выражение.

— По словам Майи, раньше, когда собирала ягоду в тех местах, она постоянно натыкалась на незримый барьер, — снова заговорила я. — Но вчера преграды вдруг не стало.

— Значит, к ее появлению печати уже были выжжены, — заключил страж и вновь посмотрел на девушку за моей спиной. — И

вы не побоялись преодолеть те границы и даже войти в склеп? Одна? В место, которое ограждало магия?

Слова дива звучали как приговор и даже меня заставили задуматься над ситуацией. Люди опасались колдовства словно хвори. Далеко не все понимали разницу между нашей силой и темной энергией, что вырывается из расколов в Дэвлат.

И от этого поступок Майи выглядел еще более подозрительным.

— Я... я... Я надеялась, что отыщу там что-то ценное. Поэтому не позвала никого. Хотела отца порадовать, помочь ему. Мне было стыдно, да и страшно тоже, поэтому не призналась сразу, — практически прошептала она.

«Отыскать что-нибудь ценное...» — повторила я про себя. Нахмурилась.

— Майя, деньги не стоят жизни. А в этот раз ты рискнула ей дважды. — Девушка подняла на меня взгляд — с надеждой, понимая, что я не злюсь, и в то же время внимательно слушая. Но и разозлить меня было сложно, практически невозможно. — Ты вошла в склеп одна. Неизвестно, какое порождение тьмы могло спрятаться там на день. Не говоря уже о магии, способной тебя убить. Но в самый первый раз ты подвергла свою жизнь опасности, когда замыслила воровство. Даже будь там что-то ценное, это вовсе не означает, что у этого нет владельца или хозяина. — Я на несколько секунд замолчала, прежде чем продолжить: — Майя, каждое преступление или зловредная мысль очерняет душу. Я не пытаюсь запугать тебя. Просто, возможно, когда-нибудь именно чистота помыслов спасет твою жизнь.

Едва я закончила, как в комнате раздался тихий смех. Я с недоумением оглянулась. Сезар стоял, накрыв половину лица — подбородок и губы — ладонью, а другой уцепившись за столбик кровати.

Я застыла, ведь раньше почти не видела его улыбки. Зато теперь, став взрослым, Сезар так просто предавался веселью.

В первое время, когда его только привезли в обитель, он был угрюмым, прячущимся ото всех ребенком. Брать в семью чужих детей у даэвов было делом обычным — не каждая охота на порождения тьмы проходила благополучно, бывало, умирали целые отряды. И у Сезара погибли оба родителя, поэтому он оказался на воспитании в ордене Сорель.

— Я узнаю этот строгий тон. Раньше он пугал меня.

— Пугал?

— Потому что он просто не оставляет места для шалости, Сара.

— Сезар перестал смеяться, а в глазах его будто поселилось грозное небо.

А я в который раз подумала, что от того мальчишки мало что осталось.

Сколько ему лет? Должно быть, не меньше тридцати семи. Даэвы живут дольше из-за своей силы, и поэтому стареем мы медленнее. Если бы не его манера держаться, Сезар бы выглядел как двадцатипятилетний парень.

— Это чудо... Фредерик сказал, что ты погибла в день второго раскола, как и многие другие. Что тот див тени убил тебя, утянув за собой в бездну, — проговорил он, касаясь моей щеки. Кожу опалило жаром и оцарапало мозолями — как и все даэвы, он постоянно упражнялся с мечом. — В первое десятилетие он так часто бывал на твоей могиле. И даже сейчас...

— Я участвовала в том сражении? — Опушенный было взгляд взметнулся вверх.

Сезар кивнул.

— Разве ты не помнишь?

— Нет. Не знаю почему, но я многое позабыла, — отозвалась я, но мои мысли были не со мной.

Фредерик сказал... Значит, брат видел мою смерть?

Второй портал в Серый мир появился весной тысяча двести двадцать третьего года после появления Первого раскола. Если это так, то я успела окончить Академию Снов и пройти все испытания, более того, после моего выпуска минуло чуть меньше года.

Я не помнила гораздо больше, чем предполагала. Из моей памяти начисто исчезли события последних месяцев и это не считая выборочных темных пятен.

Я пошатнулась, но устояла. Заставила взять себя в руки.

«Это мелочь, я справлюсь», — сказала самой себе.

— Но я ведь жива. Все же меня не убили.

— В то время от рук Морана погибли многие. Большинство из них сгинули в открывшемся расколе, других он убил собственной рукой.

— Но почему он их убил? Что заставило его это сделать? — остекленевшим голосом спросила я.

— На его орден напали. Он дал тьме поглотить себя, — лишь произнес див.

— Нет. Это невозможно, — возразила я, даже не задумываясь.

В отличие от нас, светлых, в даэвах тени изначально по полному праву присутствовала тьма. Но она не властвовала над ними, как над обычными людьми. Если только кто-то из них сознательно не отдавал власть над собой.

Хотя последнее полнейший бред. Так поступают лишь те, кто решил раз и навсегда распрощаться с жизнью.

Я могла поверить, что Люций Моран стал мерзавцем или даже убийцей. Но также я могла поклясться собственной жизнью в том, что парень никогда не был слабаком. Он убил своего первого ревенанта в шестнадцать лет, и это случилось на моих глазах.

* * *

Лагерь у озера Спокойствия, тридцать три года назад...

Стоит нам пройти через главные ворота, как внимание привлекает толпа даэвов, собравшихся дальше по дорожке, неподалеку от одного из многочисленных домиков. Они что-то кричат, поднимая руки вверх, и находятся в постоянном движении, то сужая, то расширяя импровизированный круг в центре.

Все в черных одеяниях, что различаются лишь цветом вышивки по краям туник. Свои первые мантии даэвы получают в восемнадцать лет, вместе с поступлением в Академию Снов.

За всю жизнь я лишь пару раз видела взрослых темных, но никогда — своих сверстников. Весь последний год Фредерик подогревал мое любопытство, рассказывая про даэвов тени. В основном слова брата далеки от лести, но магия, которой даэвы тени обладают, определенно завладевает его мыслями. С самого рождения даэвы тени взаимодействуют с темной энергией — сила исхода и воплощения обязывает к этому. Тогда как светлым для развития сил этого не требуется.

Я невольно останавливаюсь, как и остальные из нашего ордена. В этом году на обучение из ордена отправили восемь даэвов. Такое количество считается довольно большим, но и наша обитель — самая крупная во всей Исонии.

Каждый юный воин, который в будущем собирался учиться в Академии Снов, должен был в течении двух лет перед поступлением прибывать на пару недель в это место.

Фредерик качает головой.

— Снова, — произносит юноша, но его осуждающий тон не способен меня обмануть. Его глаза горят. Ему интересно, чем закончится поединок.

— Почему они дерутся? — спрашиваю я, разглядывая мельтешащие внутри круга фигуры.

— Не знаю, наверное, просто так. Но сейчас им влетит, — хихикает Айвен, прикрывая рот ладошкой и показывая на разгневанного дива, мчащегося к нам с другого конца двора.

Темный идет быстро, яростно потряхивая рукой, в которой сжимает длинный прут. Толпа, заметив угрозу, немного рассеивается, и я наконец-то вижу дерущихся — двое тeneвых дивов сражаются на мечах.

Юноши борются с запалом, ожесточенно. Даже без своего дара я вижу это на их лицах.

Сталь поет, неся в мир свою яростную мелодию.

Моя ладонь невольно скользит к Туманному.

Это не тренировочный бой. Потасовка. Чтобы выпустить пар.

Их эмоции пропитывают воздух и будто пощипывают кожу. В этот момент, чтобы ощутить чужие чувства, мне даже не требуется касания. Я впервые сталкиваюсь с подобным, ведь светлые стараются держать себя в руках, подавляя эмоции и не давая им изливаться в мир таким беснующимся, всепоглощающим потоком.

Происходящее начинает казаться абсурдным и даже раздражающим — все равно что кто-то бы кричал в ночной тишине, не давая никому уснуть. Но в то же время я медлю и не отгораживаюсь от их эмоций, что, словно воды буйной речки, окутывают меня. Взгляд притягивает один из дерущихся.

Юноша, что с невиданной легкостью сжимает клинок. Уже в таком юном возрасте тeneвой див установил идеальную связь со своим

оружием. И насколько темна сталь меча, настолько, в противовес этому, белы волосы его владельца. Почти как снег. Когда парень движется, кажется, что они даже блестят. Лишь гораздо позже я пойму, что ночью чуть отросшие локоны парня становятся цвета пепла, остающегося после погребального костра.

Он определенно отличается от остальных. И сражение приносит ему удовольствие. Ему нравится это насилие.

Осознав это, я с отвращением отгораживаюсь от энергии, бурлящей в воздухе. А спустя секунду даже с удивлением понимаю, что не просто отгородилась, а подавила. Отняла эмоции, что так будоражили дерущихся и окружающую их толпу.

Напряжение, что висело в воздухе, мгновенно испаряется. Запал исчезает.

Даэвы хмурятся, до конца не понимая случившегося, но смутно чувствуя мое вмешательство. А юноша останавливается, все еще крепко сжимая в ладони клинок. Вдруг смотрит на меня и щурится, а в серых глазах начинает клубиться тьма.

«Сила воплощений», — догадываюсь я, не отводя взгляда, рассматривая его так же пристально, как он меня.

Насилие — грех. Меня несколько лет учили этому. И тому, как важны помыслы. Сражаться, чтобы оттачивать навыки во время занятий, и в свободное время на тренировочных площадках — это одно, и совсем другое — обнажать клинок там, где это запрещено, и с таким удовольствием бросаться в битву.

Даэвы защитники и хранители этого мира. Поэтому и вести себя должны соответственно. Иначе в наших рядах настанет хаос, и жертв среди людей будет намного больше.

Но, похоже, у теневых даэвов все иначе, и я этого искренне не понимаю. Мне кажется это дикостью, а подобное поведение — слишком беспечным.

Я отворачиваюсь, сохраняя беспристрастное выражение лица. Но одновременно с этим слышатся крики — теневой даэв, один из наставников лагеря, опуская и поднимая руку с тонким прутиком, яростно разгоняет собравшихся, что теперь кидаются врассыпную.

«Варвары», — думаю я в тот момент, а уже через мгновение Фредерик хватается меня за руку.

— Бежим, — бросает он и тянет меня за собой.

— Мы же не дрались! — в панике восклицает Айвен, следуя за нами и не забывая оглядываться.

— Похоже, ему все равно.

Наши, облаченные в бело-голубые одежды, мгновенно теряются среди теневых даэвов. А я чувствую смутение и стыд. Сама ситуация кажется мне позорной. И в этот момент среди воцарившегося гомона я отчетливо различаю издевательский смех.

* * *

Мы встретились с Люцием Мораном, когда нам обоим было по шестнадцать, и в тот день я дала себе два обещания: держаться от этого дива как можно дальше и никогда не иметь с ним ничего общего.

Но совсем скоро я нарушила их оба.

— Сара. Нам лучше сегодня же отправиться в путь. В обители мы сможем разобраться с тем, как вернуть тебя в настоящее тело. — Голос Сезара вернул меня к реальности. Мужчина оглянулся на Майю. — Вам придется отправиться с нами, сожалею. Мы возместим вам все неудобства.

— Сара пообещала мне услугу, — тихо вымолвила девушка.

Бровь Сезара изогнулась.

— Опрометчиво.

— Я посчитала, что так будет правильно, — отозвалась я.

Никакие деньги не могли купить жизнь, а я подвергла Майю опасности. Поэтому и награда должна быть соответствующей.

Фредерик называл меня бескомпромиссной. Слишком усердно играющей по установленным правилам. Возможно, в чем-то он был прав.

«Остальной мир не столь праведен, Сара. И порой даже нам на некоторые вещи лучше закрыть глаза», — однажды сказал мне брат. И именно с этой точкой зрения я в корне была не согласна. Закрывать на что-то глаза — это не снять с себя ответственность, а убежать от нее.

Взор Сезара потеплел. Он несколько секунд неотрывно смотрел на меня, и вскоре я отвела взор к окну, в котором мелькнула птица, что вдруг села на подоконник.

Ворон. Иссиня-черные перья блестели, а голова дергано вертелась из стороны в сторону, изучая происходящее в комнате. Птица открыла клюв, точно собираясь закричать, но из ее глотки вместо звука вырвался темный сгусток магии, похожий на черный дым.

Магия воплощений!

Я подскочила к окну, задвигая шторы. Но они оказались неплотными, и в свете последних лучей солнца угадывался темный силуэт.

Попятившись, я едва не натолкнулась на Сезара.

— За нами следят.

«Возможно, с самого леса...» — подсказал внутренний голос.

Та воронка, поднимавшаяся от верхушек деревьев, не просто так показалась мне странной. Вот только ни один теневой даэв не способен воплотить столько существ из тьмы. Одно-два — вот их предел.

Сколько же воинов идут за нами по пятам?

— Мы на землях теней. Король Акракса позволяет делать *ему* все что заблагорассудится, — сказал Сезар со странной интонацией — гнева и в то же время опасения.

— Кому ему? — спросила я в его спину. Див остановился, так и не дойдя до двери.

— Люцию. Люцию Морану.

— Он жив? — Я не спрашивала об этом раньше лишь потому, что была уверена в обратном. Перечень преступлений, в которых его обвиняли, оказался слишком длинным, чтобы после случившегося даэвы оставили Морана в живых.

Сезар медленно повернулся, кивнул и лишь потом произнес вслух:

— Да, жив. Поэтому мы должны немедленно покинуть это место.

И в этот момент я поняла, что не спрашивала о Люции совсем по другой причине — я не желала слышать, что див уже давно в могиле. В той или иной мере он был частью моей прошлой жизни, а я пока не готова была полностью с ней распрощаться.

Но почему ему не вынесли приговор?

Я замерла, ошарашенная неожиданной догадкой.

Скорее всего, по какой-то причине они не смогли этого сделать.

— И, Сара... — Сезар на мгновение опустил взгляд и добавил серьезным тоном: — Говорят, он ни капли не изменился. Как и ты.

Глухой стук копыт сливался в унисон. Я крепко держала поводья лошади, сжимая их так, что костяшки пальцев побелели. Кромка леса стремительно приближалась, словно некая граница, которая давала иллюзию безопасности. Только это было ложью. Даже на землях срединного королевства мы останемся уязвимы, но там у нас хотя бы появится больше союзников.

— Люций взял тебя в плен, а потом, когда начал формироваться раскол, утянул вслед за собой. Вы упали в портал, как и многие другие. Они все сгинули в тот день. Все, кроме него. Каким-то образом Моран вернулся с той стороны, — рассказал мне Сезар на постоялом дворе, пока служащие спешно запрягали нам лошадей.

— Вернуться из Серого мира? Это невоз... — начала я и сразу же осеклась, задумчиво замолчав.

— Твой брат знает больше моего. Он был там, — добавил див, а я лишь кивнула.

Значит, Фредерик видел случившееся собственными глазами.

Когда мы встретимся, все станет гораздо проще.

Пусть мы были не одной крови, но с момента, как я стала его сестрой, много времени проводили рядом. И Фредерик всегда оставался на моей стороне, как и я на его. Приятно осознавать, что даже прошедшие года не смогли изменить этого.

На небе во тьме мелькнул силуэт птицы — свет луны посеребрил ее черные перья.

Возможно, за нами вновь следили. Помимо меня и Сезара, коню которого пришлось везти двоих — Майя никогда прежде не ездила верхом, с нами следовали еще трое всадников. Они присоединились к нам перед самым отъездом и не проронили ни слова, сохраняя серьезный и невозмутимый вид.

Но когда капюшон плаща слетел с головы Майи, а ее каштановые волосы развеялись по ветру, один из всадников, посмотрев на ее лицо, несколько раз пораженно обернулся, то обращая свой взгляд к дороге, то вновь возвращаясь к девушке.

Каким-то образом он меня узнал...

Когда стволы деревьев подступили вплотную, я поняла: что-то не так.

Волна теневой энергии толкнула в спину — легонько, словно ветряной поток. Я привыкла, что сила тьмы — это все равно что горная речка, она всегда обжигала холодом. Но в этот раз ее энергия не показалась мне столь морозной, и если бы не беспокойство коней, я бы засомневалась в своих ощущениях.

Одной рукой удерживая поводья, я обернулась: за нами была погоня — черное облако, состоящее из сотни крыльев птиц. Я никогда еще не видела столько воссозданных тварей — даэвы воплощений не могли поднимать людей, лишь неразумных существ, и то в зависимости от их размера и обычно не больше одного-двух. Но за нашими спинами их оказалось столько, что это поражало воображение. От их тел ночь становилась темнее и непрогляднее.

Мое представление о силе и магии, сложившееся за время обучения, нещадно разрушали. За прошедшие годы мир сильно поменялся.

Я расслышала сдавленный вскрик, прежде чем мы попали в тень деревьев, что своими пушистыми ветками тянулись к краям дороги, будто мечтая поглотить ее и уничтожить шрам на теле леса. Майя, вцепившись одной рукой в мантию Сезара, побледнела. Девушка все же обернулась.

«Он убил тебя. Утянув за собой в бездну», — прозвучали слова дива.

Даэвам света и тени всегда непросто было существовать вместе. Сложно было сохранять баланс. Мы отличались, и это всегда рождало предубеждения. Я замечала это в академии, на каждом общем занятии, во взглядах, которыми мы смотрели друг на друга.

Но все же... Что теперь заставляло меня убегать без оглядки?

Как обычно, я пыталась разобраться в своих мыслях и целях. Мне будто было недостаточно чужих слов.

Он убил тебя...

Но зачем? Что вынудило Люция так поступить?

Сезар боялся потерять меня вновь, именно это заставляло его неистово гнать лошадей вперед. Из головы никак не выходило то, как совсем недавно ладони мужчины сжимали мои плечи, — крепко, настойчиво, а в глазах плескался океан: ярость, твердое намерение защитить меня любой ценой. Вот только я никогда не нуждалась в

защите. И мы не можем продолжать эту гонку, иначе загоним лошадей еще до того, как достигнем границы с Феросией.

Животное подо мной паникует — птицы за спиной его страшат. Но этот страх естественен. Я уже привыкла видеть его в глазах людей, и даже даэвов...

Я выдыхаю. И, решившись, дергаю поводья на себя. Конь противится, не желая слушаться, но все же почти останавливается. А я, перекинув ноги, спрыгиваю на землю и вытаскиваю меч из ножен, прикрепленных к боку зверя.

От тяжести оружия ноет запястье, и я даже не представляю, как буду им сражаться, если это понадобится. Но все равно тащу потемневший Туманный за собой, так что он оставляет глубокую борозду на земле.

За спиной раздается ржание лошадей. Кричит Сезар, просит меня остановиться. А в следующую секунду облако из воронов словно проглатывает меня целиком. Они двигаются бесшумно, наоборот, создавая некую сферу, что поглощает все остальные звуки.

Но птицы не нападают. Лишь кружат, изредка задевая меня своими крыльями, от касания которых кожа слегка немеет и холодеет. Их тела насквозь пропитаны тьмой.

Чужое сердце бьется быстро, а я останавливаюсь, выжидая.

— Сара! — Возглас врывается во тьму позади меня. Див совсем близко.

Я оборачиваюсь на голос Сезара, замирая в задумчивости, а потом все же решаю отыскать его. И в этот миг птицы вдруг взвиваются вверх, вновь уносясь в небо и открывая взгляду тракт.

Мы больше были не одни.

Теневые даэвы. И их тоже пятеро.

Одетые в темные мантии из тяжелой ткани, с вставками металлических пластин, что напоминали доспехи, на плечах, поясе и запястьях. Воротник нижней рубашки, выглядывающий из-под верхнего одеяния, плотно запахивался на горле, а на поясе любого из них в ножнах висел меч. И каждое оружие выглядело словно произведение искусства, черный металл эфеса переливался даже в ночи.

Но один из теневых даэвов все же отличался...

Его тяжелая мантия была простого прямого покроя, и металл заменяли вставки из черной плотной кожи, а широкий пояс обхватывал талию. Первыми в глаза бросились длинные белоснежные волосы, передние пряди которых были убраны назад. Они ложились на плечи, спускались по рукам, контрастируя с одеждой. А вторым приковал внимание рваный шрам на шее, что уходил под одежду.

Ранение было серьезным. Он мог умереть.

Но теперь, словно насмехаясь над смертельной опасностью из прошлого, длинный рубец опоясывала змея. Она выглядела совсем не как те рисунки, что иногда делали люди, вгоняя под кожу чернила, — этот был выполнен соком, которым наносили звезды на ключицы даэвов. Он переливался в свете луны, практически сверкая в ее неярком сиянии.

Мой взгляд прикипел к его шее.

Я шумно втянула воздух, крепче сжимая меч.

Вновь он глумился над правилами и обычаями, что веками выстраивал наш народ.

Как и всегда. Никакого уважения.

— Anima mea^[1], Сара. — Люций остановился.

Его отросшие волосы серебрились при каждом шаге, а глаза, наоборот, чернели как бездна — за двадцать семь лет внешне он практически не изменился. Будто все увиденное мною чушь и время вовсе не убежало далеко вперед. Но его интонации и манера держаться говорили лучше облика — появилось больше уверенности и чувства вседозволенности, хотя и прежде их было хоть отбавляй. Только вот выражение глаз, то, как он посмотрел на мою руку, удерживающую Туманный, я разгадать не смогла.

— Cor meum^[2], Люций, — холодно отозвалась я, оглядывая его спутников. И с укором продолжила: — Это ведь морозия на твоей шее? Ты не изменяешь себе... Никакого уважения к предкам.

Губы Морана искривились в усмешке. И он порывистым шагом направился в мою сторону.

— Точь-в-точь, — произнес, остановившись рядом.

— Что точь-в-точь?

— Я знал, что ты так скажешь. Угадал слово в слово. — Люций самодовольно улыбнулся. — Что произошло с мечом? — Див стал обходить меня по кругу, задумчиво разглядывая.

Я по давней привычке постаралась отыскать его эмоции, но вновь столкнулась с пустотой. Ничего. Я не чувствовала практически никого вокруг. Кроме Майи, чье местонахождение я могла определить даже не оборачиваясь.

Нервы девушки дрожали словно натянутая струна — я на себе ощущала ее нервозность, в которой сквозила нотка облегчения.

Я поджала губы и с неохотой процедила:

— Не слушается.

— Почему?

— Возможно, потому что я долго не устанавливала с ним связь.

Моран покачал головой:

— Это вряд ли.

Я скупно кивнула, принимая к сведению. Добившись единения лишь раз, даэв навсегда заслуживает верность своего клинка, что после смерти владельца ржавеет и вскоре превращается в пыль.

— Итак, чего тебе надо, Люций?

Моран остановился напротив меня. Посмотрел. И я не заметила в глазах ни капли тьмы, наоборот, они были как никогда светлы.

«Прошло больше двух десятков лет...» — напомнила я себе.

Разница в наших умениях наверняка стала значительной, и не стоило об этом забывать.

Но все же я не чувствовала от теневого дива той угрозы, о которой мне все твердили.

— Я хочу, чтобы ты отправилась со мной, Сара.

— Меня ждут дома, — отозвалась я.

— Тебя давно уже никто там не ждет, — не поведя и бровью, жестко ответил он.

— Точно, — согласилась. — Благодаря тебе.

Моран долго молчал, не пробуя меня разубедить, и лишь спустя несколько секунд, улыбнувшись, тихо проговорил:

— У тебя ведь нет выбора, Сара. Ты сама прекрасно это понимаешь. А теперь останови их, они ведь готовы умереть ради тебя.

Я обернулась, увидев, как светлые дивы, успевшие спешиться, поднимали свои клинки, — без сомнений, они собирались вступить в бой. Сезар медленно, словно медитируя перед боем, развязывал опоясывающую его талию ткань, чтобы избавиться от мантии.

Майя одиноко стояла на краю дороги. И даже удивительно, что она не пыталась бежать.

— Люций, нам потребуются печати? — спросил один из воинов Морана.

И, разглядев ближе, я узнала его.

Рафаиль Руньян. Он учился вместе с нами. Некогда ярко-рыжие волосы потемнели, у глаз появились едва заметные морщинки. Мой взор несколько раз перескочил с ничуть не повзрослевшего Люция и обратно.

Почему ты не изменился? И почему я все та же?

Рафаиль, заметив мой взгляд, учтиво кивнул — я склонила голову в ответ. Мы всегда относились друг к другу с предельным уважением, в то же время соблюдая дистанцию, негласно принятую между теневыми и светлыми.

Идеальные взаимоотношения. Без неприязни и издевок. Деловое партнерство.

Борьба даэвов с порождениями энергии Серого мира просто не позволяла нам жить порознь. Из-за различий магии, дарованной обеим сторонам, мы нуждались друг в друге.

— Нет. Не понадобится. — Люций протянул мне ладонь, будто предоставляя выбор.

Но это было всего лишь иллюзией. Насмешкой.

Я вздохнула, прикрывая глаза, — мелочи не должны были меня гневить. В любой ситуации необходимо принимать наиболее рациональные решения.

— Сезар, — громко позвала я. — Отправляйтесь в Исонию без меня.

Сейчас от моих слов зависела чужая жизнь.

— Сара, не надо, — сказал Сезар, когда я уже коснулась руки теневого даэва.

— Когда Фредерик узнает, он придет за мной. — Фраза, обращенная сразу к обоим.

— Пускай, — не колебался Люций, крепко сжимая мои пальцы.

— Девушка в моем теле...

— Она отправится вместе с нами.

Когда Майя слышала его слова, я не ощутила ее испуга.

— Ты не причинишь ей вреда, ни при каких обстоятельствах.

— Хорошо.

— Пообещай.

— Мои обещания ничего не стоят.

— Даже если так, все равно пообещай, — потребовала я.

Мои обещания ничего не стоят... Он уже говорил однажды мне эти слова. Моран всегда имел тягу выглядеть хуже, чем он есть на самом деле. Впрочем, за минувшие четверть века это могло стать не просто желанием.

Змея на его шее блестела, каждая чешуйка четко выделялась. Их наносили одну за другой, долго, несмотря на то, что каждое прикосновение сока морозии приносило боль, изменяя цвет кожи, придавая ей темный, с металлическим отблеском, оттенок.

— О-бе-ща-ю, — медленно, с улыбкой протянул Люций, будто каждое мое слово его забавляло.

Я промолчала. А потом оглянулась на Сезара. Тот застыл с окаменевшим лицом. Но вот взгляд его стал печальным — мое решение принесло ему боль.

— Мне надо попрощаться, — проговорила я и, развернувшись, направилась к светлым.

— Ты не должна... — порывисто возразил мужчина, делая шаг навстречу.

— Так надо. Мы не доберемся до границы. Не сейчас, — прошептала я, приблизившись вплотную. Сезар — практически часть моей семьи, и за него я готова была действительно умереть.

Я колебалась лишь из-за Майи. Она не должна была во всем этом участвовать. Вот только выбора не оставалось.

За время разговора с Люцием я кое-что поняла: тeneвым даэвам, а может быть, даже только Морану что-то от меня требовалось. Других причин, объясняющих его поведение, просто не находилось.

— Скоро увидимся, — проговорила я, отступая от Сезара.

Глава 4. Северный орден

Грехи, как и чувство вины, оставляют след в человеческой душе, очерняя ее. Чем темнее душа, тем уязвимее она для энергии Серого мира.

Лишь праведные люди могут бороться с перерождением в ревенанта и даже избежать его. Но последнее случается редко — тьма находит место в каждом.

«Энциклопедия 1 уровня». Библиотека Академии Снов

Экипаж сотрясаясь, подпрыгивая на ухабах лесной дороги, пусть и не так сильно, как должен был, учитывая, с какой скоростью мы ехали. Внутри, не считая меня, находились еще трое: Майя, что в первое время прижималась ко мне, а теперь немного расслабилась, и Люций с Рафаилом, сидевшие напротив.

Мы уже несколько часов были в пути — сначала верхом до Тронга, а потом пересев в карету. За это время я успела понять, что к Морану относились с крайним почтением, пусть и продолжали звать по имени. И точно не кликали ангелом тьмы.

Мне было интересно, что из его преступлений правда, а что выдумки. Пока я относилась ко всем рассказам с недоверием, больше полагаясь на то, что видела когда-то и замечала теперь.

И мне очень не хватало своего дара. Раньше прочитать чувства другого не составляло труда. Теперь же меня лишь отдаленно достигали эмоции Майи, что излучала волнение, а далеко не страх.

Я посмотрела на сидевшего напротив дива, взгляд изучающе прошелся по его темному одеянию снизу вверх и запнулся о шрам, который из-за сока морозии не скрывали даже длинные белоснежные волосы.

— Тебе не дает покоя змея на моей шее? — заметив мое внимание, нарушил тишину Люций. — Так и знал, что тебе понравится.

— Что она означает?

— Ничего.

— Это глупо.

Он улыбнулся.

— Скажи, что ты не совершала глупых поступков.

Мой взгляд обратился на руки.

Совершала. И он это знал.

Лишь теперь, перебирая крупички своих воспоминаний, я вдруг поняла, что, мы с Мораном встречались довольно часто. И нередко эти встречи получались очень знаковыми. Дважды я едва не распрощалась с жизнью. Один раз по его вине, второй раз так сложились обстоятельства. Но в обоих случаях я до сих пор жива лишь благодаря ему.

— Ты знаешь, что произошло с моим мечом?

— Может, ты хотела спросить, что случилось с тобой?

— Мне сказали, что ты меня убил, — произнесла я, не поведя бровью. Он подслушал наш разговор с Сезаром в постоялом дворе. Не оставалось сомнений, что то создание принадлежало Люцию.

— Но ты жива. Значит, не стоит доверять словам своего брата.

— Не приплетай сюда Фредерика, — укорила его.

— Интересно, когда ты все вспомнишь, будешь ли так же его защищать?

— Он мой брат. Буду, — не колеблясь ответила я.

«Что бы ни произошло...» — добавила про себя.

Моран сдержанно улыбнулся. Его улыбки могли быть разными: холодными, враждебными, коварными или теплыми и благожелательными. Я видела, как он улыбался своим истинным врагам, и пока я к их числу явно не относилась.

Майя крепко сжала мою ладонь.

— Тихо. Не переживай, — прошептала я.

— Ты в ее теле, это лучшая гарантия безопасности, Майя, — хмыкнул Люций, подпирая рукой подбородок. Кожа на его изящных запястьях показалась мне слишком бледной. На пальце виднелось тонкое колечко из темного металла, по которому скользили письма на древнем языке.

Девушка вздрогнула и насторожилась.

— Не беспокойся, он шутит.

Уголок его губ поднялся еще сильнее.

— Даже когда мы поменяемся, никто тебя не обидит, — повторила я, не сводя взгляда с Морана. — Он обещал.

Услышав последнее, теневой див покачал головой. Весь его вид говорил: «Ты же знаешь, моим обещаниям нельзя верить».

Упрямец.

— Хватит ее пугать. Я должна ей услугу, и если с ней что-то произойдет до того, как я выплачу долг, поплатишься ты.

— Ты слаба. Не разбрасывайся подобными обещаниями, пока находишься в столь жалком состоянии. Особенно не зная всего. — Люций недовольно нахмурился, больше не смотря на меня. И не было до конца ясно, о каком именно обещании говорил див. О моем обещании ему или Майе?

Оставшуюся дорогу мы провели в молчании. Моран все время глядел в окно, Рафаиль достал из складок мантии книгу и, погрузившись в чтение, принял отсутствующий вид. Лишь раз экипаж остановился, а Люций незадолго до этого полностью задернул шторы, скрыв происходящее снаружи. Сделав это, див с тем же насмешливым и в то же время загадочным выражением посмотрел прямо на меня.

Взгляд Морана был сосредоточенным, пристальным, словно он видел самую суть. Удивительно, что его ничуть не смущала моя нынешняя оболочка. Наоборот, она забавляла парня, который, несмотря на свой внешний вид, каким-то образом прожил в два раза больше меня.

Карету качнуло.

«Что-то погрузили...» — догадалась я.

Совсем скоро экипаж вновь пришел в движение.

Мы пробывали в пути еще около часа, на улице уже царила глубокая ночь, до рассвета оставались считанные часы. Но, несмотря на тяжелые сутки, спать не хотелось. Внутреннее напряжение не позволяло прикрыть глаза.

Вскоре колеса застучали жестче — мы выехали на мощенную камнем дорогу.

— Где мы? — спросила я, слыша вокруг суетливые голоса людей. Они торопились открыть ворота, отдавая приказы.

Судя по звукам, снаружи было весьма оживленно.

— В главной обители моего ордена.

Я задумалась. Если меня не обманывала память, дом Моранов находился севернее, и мы бы не успели так быстро туда добраться.

— Это новая обитель. Мы перебрались ближе к столице королевства, — заметив мое замешательство, пояснил Люций.

Я лишь кивнула.

Когда дверь кареты распахнулась, в глаза бросились факелы, что висели на стене напротив. Но лишь выбравшись из экипажа, я оценила все масштабы — стена была длинной, непрерывной и исчезала за домами вдаль. Кирпичная кладка оказалась крупной и крепкой. Высота укрепления достигала нескольких метров.

Это место являлось не просто обителью ордена. Оно готово было выдержать долгую осаду.

К карете подбежали люди, распрягая лошадей и уводя тех в стойла.

— Нравится? — поинтересовался Люций, подходя ближе.

— Ты будто готовишься к войне, — произнесла я, не задумываясь, первое, что пришло на ум.

Почему-то Морана это рассмешило. В академии он часто смеялся. Даже иронизировал над собой, выглядя непосредственно и порою глупо. Именно поэтому я долгое время не догадывалась, что его семья возглавляла тот самый Северный теневой орден.

Отвлечшись, я заметила, как люди, разгружавшие повозку, вздрогнули, во все глаза уставившись на Люция. Но парень совсем не обращал на них внимания.

«Что их так удивило?» — озадачилась я, уцепившись за эту деталь.

Но в следующую секунду меня привлекла ноша в их руках, которую они сгружали на повозку. Несколько длинных свертков из ткани. Один из служащих как раз взял оставшуюся часть груза, как материя разошлась и наружу высунулась чужая нога в грубой дешевой обуви. Штанина оказалась разорвана, а в лодыжке отсутствовал целый кусок мяса. Края раны запеклись и почернели от яда.

Слюна ревенантов была ядовитой, и в некоторых случаях хватало лишь царапины, чтобы погибнуть. При условии, если вовремя не выпить противоядие.

Я отвернулась и, поспешно приблизившись к Майе, аккуратно приобняла ее за плечи, не давая обернуться.

Люций с Рафаилом отошли, о чем-то переговариваясь. Сновавшие туда-сюда люди с любопытством посматривали на Майю, но приближаться не рисковали, обходя Морана по дуге, будто опасаясь привлечь его внимание.

Я же задумалась об увиденном: обувь на ногах несчастного показалась мне знакомой — прямо на изделии, ближе к пятке, серыми, возможно, некогда белыми нитками небрежными стежками были выведены инициалы «А. Д». А в центре ступни, сверху, был прокол со следами темной запекшейся крови.

Не знаю, как звали убитого, да и не имело это значения, куда более важным являлось то, что он был одним из тех разбойников, что напали на нас с Майей в лесу.

Но всего я насчитала четыре тела, а мужчин было пятеро. Куда подевался последний?

Стал порождением тьмы?

— Возьми. — По фигуре Рафаиля скользили трепещущие тени от факелов.

— Это мне?

— Люций просил отдать тебе. Обращайся с ним бережно. После того, как связь с твоим клинком вернется, он его заберет. — Он передал мне кинжал с загнутой черной ручкой. Даэвы верили, что их оружие приносит удачу. Пусть это не меч, но даже обычные ножи редко уступали кому-то другому. Но больше меня удивило другое...

— Это разумно — давать мне клинок? — даже растерялась я. Этот поступок был лишен смысла. — Я ведь могу кого-то ранить.

Моран обернулся и подошел ближе, играя отражающимся от серебристых наручей светом.

— Ну конечно, — пробормотал он — небрежно, как сущую ерунду. — Это лишь временная замена Туманному, Сара. — Уголки его губ дернулись вверх, и он добавил: — Необходимая для спокойного сна.

Когда мы шли по внутреннему двору, люди и даэвы, попадавшиеся нам навстречу, уступали Люцию дорогу, последние склоняли головы в учтивом поклоне. Несмотря на столь поздний час, многие не спали.

Происходившее вызывало чувство дежавю. Точно так же кланялись главе моего ордена — отцу Фредерика. В детстве я ему даже

в глаза посмотреть не смела без позволения.

Мужчина был строг, каждый его взгляд подавлял морально. Светло-голубые одежды, идеальная осанка, заплетенные волосы, отстраненное выражение лица — все это несло в себе не только угрозу, но и благородство.

Только, несмотря на это, я робела перед ним совсем по другой причине. Я ощущала отголоски непонятных мне эмоций и, лишь один раз попытавшись изучить его чувства, столкнулась со странной смесью досады, злости, раздражения и в то же время привязанности. Столько противоречий... Меня поймали с поличным прежде, чем я смогла до конца во всем разобраться.

После случившегося меня наказали — отправили в уединение на месяц, где мне пришлось медитировать все это время без возможности покинуть башню. А под конец заключения мне поручили создать ограничитель моего дара для главы ордена. Чуть позже я сотворила такой же для Фредерика с Айвен. Мы много времени проводили вместе, и им было некомфортно от того, что все их чувства для меня были как на ладони.

И преподнеся им подарок, я лишь в этом убедилась.

Вынырнув из воспоминания, я помрачнела.

В какой-то степени мне было страшно думать, что мое настоящее — уже давно минувшее прошлое. Подсознание продолжало твердить, что все это бред. Навеванный сон, что стал воспоминанием. Работа сомниума. И мне было даже стыдно, что какой-то частичкой души я действительно желала, чтобы так все и оказалось.

Не изменившийся облик Люция точно становился якорем среди всего остального. Колыхающиеся белые волосы, ниспадающие по спине Морана, приковывали внимание. Его локоны стали даже длиннее моих. Пепельные... Словно слой снега на черных скалах. И лишь они намекали о разнице в количестве прожитых, между нами, лет.

Див остановился у одной из дверей.

— Это ее спальня, — произнес он, указывая на Майю. — Твоя напротив.

Все это время я несла Туманный за собой, сжимая в другой руке кинжал. Меч все еще был тяжелым, поднять его по лестнице стоило мне сил.

Холодное оружие поблескивало в свете факелов.

Перед тем как Майя скрылась в своей комнате, я пообещала, что загляну к ней.

Как только завершу одно дело...

Отведенная мне спальня не представляла собой ничего особенного: кровать, тумбочка, зеркало и шкаф. Единственное, что привлекало внимание, — высокое двустворчатое окно. Оно было распахнуто, впуская внутрь холодный ночной воздух. А внизу виднелись дома и мигающие огни, освещавшие улицы между ними, что отсюда выглядели будто светлячки.

— Итак, Люций, что же все-таки тебе надо? — спросила я, прекрасно понимая, что Моран зашел вслед за мной.

Я не жалела, что спрыгнула с лошади в том лесу. Подсознательно мне казалось, что ответы, которые я ищу, мог дать мне лишь теневой див. Все считали меня мертвой, но судя по реакции и быстрому появлению Морана, для него все было иначе.

— Помощи.

— Какой? — Я аккуратно положила Туманный на постель, вытащив его из ножен. — Удивительно, что *ангел тьмы* нуждается в моей услуге.

«Какое высокопарное прозвище...» — заметила про себя.

— Самоотверженная Сара Сорель... — протянул он и, добившись моего внимания, весело продолжил: — Не беспокойся, люди и тебя наградили звучным именем.

Моя рука на мгновение замерла над потемневшим лезвием, а потом я осуждающе покачала головой, прикрыв глаза.

— Людишки в Феросии и Исонии в последние годы много сказок слагают, — беззаботно сообщил Люций, бесцеремонно забираясь на кровать и ложась на бок, подперев ладонью подбородок. В другой его руке оказалось зеленое яблоко, что еще недавно лежало в вазе на столике. Его черные одеяния растеклись по белым простыням будто чернила, а волосы водопадом рассыпались по подушке. — Все больше воздается почестей. Доходит до того, что некоторым почившим давам строят храмы. И местные короли это поощряют.

— Я заметила кое-что странное в Тронге. Но храмы? Ты уверен? — обеспокоилась я.

— Да. Твой храм весьма выделяется. Я даже поставил свечку и сделал пожертвование, — издевательски отозвался он, шумно надкусывая яблоко. — То, что ты видела в Тронге, мелочь. Основное веселье происходит в срединном и третьем королевствах.

Несколько секунд промучившись в сомнениях, я так и не решила, верить Морану или нет, но все же произнесла:

— Мой храм... Почему это не пресекут? Светлые бы не стали купаться в собственном тщеславии.

— Ты так в них уверена? — Вновь раздался хруст яблока. Я глянула на теневика с неодобрением.

— Не во всех, — все же призналась, чем еще больше развеселила Люция.

Светлая природа не определяет личность. Порою даже даэвы света были не столь непорочны, как хотелось бы. Об этом не принято было говорить, многие предпочитали просто забывать, я не уверена, но похоже, даже записи в хрониках искажались.

— Власть правящих династий как никогда слаба. Зато влияние светлых орденов крайне возросло.

— И новый раскол в этом только помогает?

— Именно, — подтвердил Моран и замолчал.

Когда я подняла голову, то замерла. Серые глаза, яркие и живые, словно огни звезд, смотрели на меня. Настойчиво и испытующе. От былой веселости не осталось и следа.

Мы просто смотрели друг на друга, пока Люций вновь не рассмеялся.

— Это тело... Оно совсем не предназначено для тебя.

— Да, оно слабое.

— Я не об этом, — глубоким голосом вставил он.

— Слезь с моей кровати, — сурово приказала я. — Запачкаешь.

— Попробуешь заставить меня?

— Не говори чуши. Сейчас мы не соперники. И я понимаю, что ты пытаешься сказать. Насчет моего ордена. Но ты забываешь, кого винят в открытии раскола. Дыма без огня не бывает. — Я посмотрела на него, ожидая, что он развеет мои сомнения. Но нет, Моран молчал. Мне стало не по себе. — Это ведь правда... Правда, что прошло двадцать семь лет?

В горле пересохло. И я не знала, почему спрашиваю это у Люция, будто других доказательств не хватало.

— Правда, Сара.

В его голосе я услышала еще больше горечи, чем звучало в моем. Или я просто не могла разобраться в чужих эмоциях без своего дара. Впервые мне приходилось гадать, а не знать наверняка.

— Можешь отдать часть своей печали мне. — Див вдруг протянул ко мне раскрытую ладонь, серебряные наручи сверкнули в свете ламп. — Я позволю к себе прикоснуться. Используй эту возможность. Ну же, Сара. Я не разозлюсь, даже если ты снова заставишь меня плакать.

В голове всколыхнулось воспоминание — нечеткое, но все же яркое.

Снова... Да, я уже влияла на него.

Перед глазами предстало лицо Морана и слезы, стекающие по его щекам к подбородку, чтобы потом сорваться вниз. Тоска и скорбь. Моя собственная печаль стала реальной, перейдя к нему. Я пожалела о том, что сотворила тогда, — мой дар нельзя так использовать. Нельзя играть чужими эмоциями.

Все присутствующие в тот момент таращились на нас, а я просто сбежала. Не могла вынести рядом с дивом ни секунды.

Теперь же я долго смотрела на него и на его руку. В этот раз, если бы я даже желала поделиться своими чувствами, то не смогла бы.

— Убери. Ты ведь понял, что я не могу.

— Догадался, — признал див. — Просто решил узнать наверняка.

— Годы тебя не изменили, Моран. — Мой взгляд вновь опустился на Туманный, пальцы прикоснулись к лезвию. — Почему тебе приписывают мое убийство?

— Убийство? Они ошибаются, — непоколебимо произнес он. — Ты меня спасла.

Я вновь замерла.

— От чего?

— От самого себя.

Люций так часто подшучивал надо мной в прошлом, что я совсем не восприняла его слова всерьез. Он уже говорил нечто подобное, и не раз.

— То, как ты уходишь от ответов, впечатляет, — заметила я и сразу же продолжила: — Скажи, что ты будешь делать, когда за мной

явится брат? Ты не сможешь удерживать меня здесь вечно.

Моран некоторое время молчал, потом поднялся с моей кровати. От яблока, что он держал, не осталось и следа. Его рука исчезла в кармане, а вскоре он вытащил флакон из голубого граненого стекла и перекинул мне.

— Опиум, — пояснил он, когда вещица оказалась в моих руках. — Рассчитай перед сном правильную дозу, все же пока ты в теле обычного человека.

Внутри проглядывались крупинки мелкого порошка.

Я сжала в ладони бутылек, чувствуя пальцами прохладу стекла.

— Хорошо. Постараюсь, — кивнула я.

Опиум позволял добиться более глубокого сна, сорваться в мир грез. У людей он бесконтрольный, но даэвы способны им управлять. Моран желал, чтобы я сама докопалась до своих воспоминаний.

— В моей памяти слишком много темных пятен. Что именно я должна увидеть?

Люций замер на пороге.

— Ответ «все» подойдет?

— Значит, тебе нечего скрывать?

— Конечно есть. Все же столько лет прошло. Очень многое тебе не понравится, поэтому я пока предпочту промолчать, — беспечно заявил он.

— Но ты даешь мне опиум, уверенный, что то, что я вспомню, будет тебе на пользу.

Люций улыбнулся, его рука неспешно легла на дверную ручку.

— Скоро тебе принесут ужин. Хорошенько отдохни.

— Люций...

— Да? — Див обернулся.

— Где у вас хранятся хроники?

— На этаж выше. В башне. Найдешь сама? — Его улыбка стала хитрой.

— Разберусь.

Кивнув, Моран покинул спальню.

— Сколько загадок. Будто паутина, — прошептала я себе под нос. — Искусно сплетенная паутина.

К сожалению, ответов от Люция я так и не получила. Но время терпело. Глупо было ожидать, что я наверстаю все прошедшее за

четверть века всего лишь за сутки.

Все, что происходило сейчас со мной, казалось иллюзорным, словно один из сомниумов внушал мне выдуманную реальность.

Взяв кинжал, я провела лезвием по ладони. Сталь оказалась великолепно наточенной, острая боль ударила в голову. Красная влага скатилась к краю ладони, а я поспешно прижала к руке тканую салфетку, что накрывала тумбочку у стола. Еще немного — и запачкала бы простыни.

Боль. Она точно лекарство. Во сне ее никогда не почувствуешь, ведь она лучше любого другого средства позволяла вырваться из оков сновидений.

Больше не теряя времени, я поднялась и провела Майю. Та лежала животом на постели, согнув ноги и болтая ступнями в воздухе. Чувствовала девушка себя более чем сносно. Хотя и бодрствовала из последних сил.

— В ближайшие пару дней я буду медитировать, поэтому не смогу часто тебя проведывать. Возможно, это поможет нам вернуться в свои тела, — сказала я, подходя к окну и посматривая наружу.

Это место было чем-то вроде укрепленного города, неподалеку от нашей крепости виднелись дома, в которых, судя по всему, жили обычные люди. Но в глаза бросалось еще одно высокое здание. На самой верхней его точке развивался флаг с красным цветком смерти на белом фоне. Лепестки ликориса, словно кровь на свежевывавшем снеге, расцветали на ткани.

Этот орден... Почему они здесь?

Сразу два на одной территории. Что здесь творится?

У даэвов тени, в отличие от светлых, имелась довольно четкая иерархия. Как светлые, они проводили совет, где присутствовали все представители их орденов, но итоговое решение все же выносил лишь один. Раньше это был глава Северного ордена, который, помимо прочего, нередко выступал советником короля Акракса.

— Он не сказал, почему привез тебя? — спросила Майя.

— Пока нет. Но скажет. Вечно он оттягивать это не сможет, — произнесла я, отворачиваясь от окна и садясь на край ее кровати. — Отсюда до дома моего брата около четырех дней пути, если не останавливать и постоянно менять лошадей, то три. Через шесть-семь дней за нами придут.

Я ни капли не сомневалась в сказанном. Фредерик, узнав, что я жива, обязательно придет. И тогда даже стена этой крепости не остановит их...

В памяти вспыхнуло воспоминание: птицы, воронкой поднимающиеся над лесом. Несколько сотен существ, вихрь черных перьев и невообразимое количество магии. Сколько даэвов потребовалось, чтобы сотворить их?

Я нахмурилась.

Это может стать проблемой...

Но пока необходимо было сосредоточиться на главном, поэтому, вернувшись в свою спальню и поужинав, я вскоре вновь покинула ее.

В каждом ордене велись хроники — книги, в которые записывали все самые важные события. Я хотела пролистать записи за последние годы, перед тем как погружусь в воспоминания.

Туманный пришлось оставить в комнате и довольствоваться одолженным кинжалом. Как бы мне ни хотелось, однако таскать меч повсюду не только глупо, но и пока мне не по силам. Хотя даже в былые времена у меня имелся небольшой ножик, который я прятала в одежде. Я не могла отделаться от этой привычки. Без оружия я чувствовала себя уязвимой.

Этаж выглядел довольно пустынно и мрачно. Не зря мне изначально показалось, что крыло находилось на отшибе, вдали от всех.

«Это хорошо... Не уверена, что готова вести с кем-нибудь пустые разговоры», — заметила про себя.

Я чувствовала себя слишком напряженной. Даже мышцы, казалось, задеревенели.

Больше всего мне не давал покоя вопрос: как я оказалась на земле теневых даэвов? Королевство Акракс занимало весь Север, и вообще удивительно, что здесь до сих пор тепло. В Исонии же, напротив, не бывало зимы — лишь сезон дождей, и поэтому я привыкла к более влажному воздуху и более буйной растительности. Обитель нашего ордена располагалась у Духовного озера, где в любое время года можно было искупаться.

Я нашла нужное мне помещение легко — высокая тяжелая дверь с железными перемычками была чуть приоткрыта. Внутри же была небольшая библиотека — всего с десятков стеллажей. На окнах в двух

высоких вазах находились букеты лаванды. Пара рабочих столов и длинная кушетка, на которую можно прилечь. На полу у входа стояла большая лампа, распространяющая неяркий свет.

«Не думала, что у семьи Морана столь малое собрание...» — подумала я, оглядывая более чем скромное количество книг.

Среди светлых его орденов вызывал роптание. Они жили обособленно. Ходили слухи, что их связь с тьмой куда глубже, чем у остальных. Его предки изучали эту силу, которую все остальные мечтали уничтожить.

И теперь казалось весьма логичным, что их отпрыск создал очередной раскол. Но я продолжала считать, что Люций не безжалостный убийца. Что-то случилось в тот день. Может быть, столкновение двух сторон спровоцировало открытие портала? Это вполне возможно. Никто до конца не знает, как преодолевается граница.

Серый мир называли изнанкой нашего. Хотя теорий столько, что не перечислить. За более чем двенадцать веков появилось много неправдоподобных историй.

То, что находилось по ту сторону, было принято считать темной энергией, которая, попадая в наш мир, воплощала злые помыслы и поступки людей в жизнь. Кошмары становились реальностью.

И если появился второй раскол, то и влияние этой силы увеличилось — появилось больше ревенантов, спектров и других проявлений тьмы.

Раньше их встречалось настолько мало, что приходилось выслеживать несколько ночей подряд. Я отправилась на первую свою жатву в академии, когда мне исполнилось восемнадцать. Но и до этого я встречалась с тварями дважды, хотя это скорее исключение из правил, чем закономерность.

Хроники занимали один из стеллажей. Самый давний был датирован восьмисот шестидесятым годом после сотворения Первого раскола. Почти четыреста лет было представлено на страницах этих талмудов. Наверняка их не раз переписывали, чтобы сохранить историю. Взяв самую свежую хронику, я отправилась к кушетке.

Каждая сторона записывала события по-своему, некогда я сравнивала хроники ордена Сорель и те, что хранились в Академии

Снов. И судя по тому, как порою разнилась история в них, кто-то искажал события в угоду себе. Но кто именно — неизвестно.

Поэтому, раскрыв фолиант, я ожидала наткнуться на не совсем правдоподобное описание. Но это было гораздо лучше, чем рассказы Майи, приправленные сказками людей. В дороге до Тронга девушка уверяла меня, что Ангел Тьмы может погасить солнце.

Это далеко не первая история, что не вызывала ничего, кроме смирения.

То, что человек не понимал, он пытался объяснить по-своему. Но в последние пару столетий влияние серой энергии снизилось, ведь первый раскол находился под куполом уже много веков, а выпущенная им в мир темная сила постепенно иссякала. Поэтому и подвигов становилось меньше. Новых легенд почти не слагалось. Даэвы все реже рисковали своей жизнью. И вскоре мой народ зажил бы в мире. Но появление нового в корне изменило все.

Единственное утешение — второй раскол оказался гораздо меньше старого. Поэтому я все еще надеялась, что его влияние не стало столь губительным, как мне представлялось. Открывая хроники, я знала, что найду больше записей о нападениях и других проявлениях энергии Серого мира за последние десятилетия. Ведь чем сильнее нужда, тем больше веры.

Веры людей в нас...

Вероятно, именно поэтому появились храмы и выросло влияние орденов. Это логично. И возможно, светлые не пресекают их строительство по благой причине — жителям королевства необходима надежда, чтобы продолжать жить дальше.

Я открыла переплет, перелистнула сразу несколько страниц, останавливаясь на годах, когда еще обучалась в Академии Снов.

Записи, сделанные на страницах, были короткими, зачастую состояли из даты, местности и вида одоленной нечисти. Чаще всего попадались пометки о ревенантах разных уровней и зловредных предметах. В последнем случае всегда имелось уточнение, о каком именно изделии шла речь.

Например, нож, которым когда-то кого-то убили, мог вызывать в голове владельца мысли о новом нападении. Один из наставников рассказывал о подобном случае — он был знаменателен тем, что человек зарезал сам себя.

Реже всего попадались записи о спектрах — они появлялись нечасто, но всегда приносили бедствия, обращая насильно нескольких человек. В первой половине девятисотых годов подобная тварь сделала ревенантами одиннадцать бедняг. Неслыханное число. В нашем столетии даже три жертвы были из ряда вон выходящим явлением.

Попадались и сухие пометки о власти в одном из трех королевств — смена советников, королей или договоренности между короной и орденами.

Мой взгляд скользил по записям, пока вдруг не наткнулся на строчку: «Август, 1222 год п. р. — найден древний артефакт. Свойства неизвестны. На хранении у ордена».

Это была последняя запись на странице, а следующий лист оказался выдеран с корнем, оставляя белое пятно в истории. Потом записи начинались лишь спустя два года.

Я тяжело сглотнула. Сердце пропустило несколько ударов. По телу прокатилась мелкая дрожь. Я отклонилась на спинку кушетки, прикрыв глаза, но все еще сжимая в руках хроники. В груди словно образовался узел, он давил на ребра, стискивая глотку.

Почему столько порождений?

Пометки стали куда обширнее и беспорядочнее. Нередко события, произошедшие за несколько месяцев, записывались позже, с опозданием. И каждый год завершался словами «все еще нет»...

Значительное число таких записей относилось к Исонии, еще чуть меньше — к Феросии, на территории королевства Акракс проявлялось крайне мало порождений, потому что они находились далеко от второго раскола.

В конце каждого такого упоминания всегда стояла цифра. И я бы ни за что не догадалась, если бы кто-то не поленился написать после одной из них «жертвы».

Столько невинных...

Я усилием воли закрыла хроники и отложила в сторону. Тишина казалась ощутимой, но если раньше она ласкала слух, то теперь давила.

У меня не осталось никаких сил, чтобы вернуться в спальню. Скинув обувь, я полностью забралась на кушетку. Если сначала моя голова будто взрывалась от мыслей, то теперь я смогла их обуздать.

Люций поэтому улыбался, когда я спросила про хроники? Знал, что необходимой страницы нет?

Как Моран вообще может так беззаботно улыбаться? У него нет души?

В этот момент меня никак не отпускало желание отыскать дива и вытрясти все ответы. Добиться правды.

Но это лишь чувства... Нельзя идти у них на поводу.

Достав из кармана бутылек, я несколько секунд глядела на игру пламени на стекле. Опиум. Я вынула пробку и высыпала немного в руку, убеждаясь, что в порошке есть темные вкрапления, — травы, что должны были снизить силу побочных явлений. Тошноту, привыкание, всего этого, благодаря им, можно было избежать, если, конечно, не принимать средство слишком часто.

Немедля приняла порошок, ощущая горький привкус на языке. Кушетка была недостаточно длинной, поэтому, задув лампу и погрузившись в умиротворяющую тишину, я легла, свернувшись калачиком.

Стало грустно и... одиноко?

Но это ничего не значило. Мне лишь надо было отдохнуть. Обычно чувства лишь мешают, поэтому разумнее их игнорировать.

Опиум подействовал не сразу, но когда отяжелели веки, я почувствовала, словно проваливаюсь в бездонный омут. Чтобы не потерять осознанность и не увидеть обычной сон, я обратилась к воспоминаниям. В такие моменты они казались подобны облакам, что проплывали возле меня, достаточно было лишь ухватиться за нужное.

Необходимо начать с самого начала...

Следуя интуиции, я ухватилась за одно из них и окончательно погрузилась в мир грез.

Глава 5. Легкомыслие, что едва не привело к трагедии

Ревенантом становится человек, захваченный энергией Серого мира.

Выделяют две стадии перерождения: начальная, когда несчастного еще можно спасти; и стадия обреченности — становление мертвецом.

Достигая стадии обреченности, тварь видоизменяется. С этого момента обычным клинком ее не убить.

«Энциклопедия 1 уровня». Библиотека Академии Снов

Лагерь у озера Спокойствия, тридцать три года назад...

Фредерик занял мою кровать, забравшись на нее с ногами и поедая сочный виноград из чашки, лежащей на его животе. Уже наступил вечер, и до отбоя осталось не больше часа. Я сижу на циновке и, прислонившись спиной к стене, просматриваю книгу, взятую из местной читальни. Айвен, будто заведенный часовой механизм, суетливо прохаживается из стороны в сторону, нарезая круги по комнате. Она взбудоражена и захвачена идеей, что преподнес ей Фредерик.

— А вдруг это правда? Нам срочно надо сходить туда! — Дэва останавливается и требовательно смотрит сначала на меня, а потом на брата.

— Айвен, это все пустые рассказы, — произношу я, не отрывая взгляда от книги. — Если бы удачу вообще возможно было привлечь, мы бы увидели очередь к той скале за несколько миль отсюда. Но ее нет. Достаточно уже того, что никакая печать так долго не продержится. Ее сила давно выдохлась.

Мой голос звучит монотонно, незаинтересованно. Но, в отличие от меня, Фредерик, наоборот, лишь подначивает Айвен. И похоже, только я понимаю, что он сам не верит ни на йоту в слух, пронесшийся

сегодня среди прибывших на обучение юных даэвов, — будто самый первый ученик этого лагеря высек на одной из скал магическую печать, и хватает лишь одного прикосновения к ней, чтобы обеспечить себе успешно пройденное летнее обучение и получить местечко в пятерке лучших.

— Ну, Сара. А вдруг поможет? — укоризненным тоном говорит брат, выразительно смотря на меня.

Я лишь осуждающе качаю головой.

— Вот именно! Нас будто преследует злой рок. По пути сюда мы точно подцепили сгустки темной энергии, — восклицает дэва.

— Такого не бывает, — отвечаю я.

— Ну, а как ты объяснишь сегодняшний день? Не успели прибыть, а за нами уже с розгой бегает. — Она многозначительно глядит на мою руку, где на слегка опухшем запястье проступает тонкий косой след. Кожа покраснела. Мы все же попались разгневанному наставнику, что примчался разгонять стычку теневых даэвов. — Моя мама обязательно спросит о моих успехах. Я не могу провалить это обучение.

Айвен обнимает себя руками, и вновь мечется по комнате.

— Не знаю как вы, но я пойду!

— Уже поздно, — замечаю я.

— Тогда завтра утром.

— Разбудишь, я прогуляюсь с тобой. — Когда Фредерик произносит это, лицо девушки озаряется. Брат добавляет, смеясь совсем не надо мной: — Мне удача тоже не повредит. Смотри, Сара, как бы мы не забрали всю удачу себе.

Я лишь вновь качаю головой. Совсем не верю, что успех можно привлечь. Это ерунда. Все равно что пытаться приманить ревенанта кусочком фруктового пирога. Тогда я еще не подозревала, что изменю свое мнение и всего через несколько дней всерьез задумаюсь о походе к печати удачи.

Лагерь у Озера Спокойствия был окружен мелкими озерцами и речкой, которая протекала через всю его территорию. Из-за этого ночами даэвов убаюкивал звук воды, что сталкивалась с камнями, покоящимися в ее русле.

Я часто выходила прогуляться после долгих часов занятий. Наслаждалась умиротворяющей тишиной леса. В один из таких

вечеров я наткнулась на маленькое озеро, окруженное скалами, что отличалось от других, — оно находилось на границе лагеря, и его воды были настолько чисты, что рассмотреть дно не составляло труда. Огромные толстые рыбы с серебристой чешуей скользили меж серо-черных камней. Еще на подходе к водоему на глаза попала каменная табличка, предупреждающая о том, что тревожить святые воды запрещено. Впервые увидев ее, я почти сразу вспомнила рассказ наставника — это озеро считалось источником красоты и плодородия местных земель. И если осквернить его, то и все остальное утратит очарование. Сложно сказать, что вообще из услышанных мною многочисленных историй правда — крохотные кусочки истины просто терялись в паутине пустых слов. Но, так или иначе, купаться и ловить рыбу в озере было строжайше запрещено. Поэтому никто из сверстников туда не заглядывал — слишком далеко идти, и не развлечься к тому же.

Я же беззастенчиво пользовалась этим обстоятельством. Садилась прямо на камни и медитировала несколько часов напролет. Я привыкла к обители, где много мест, в которых можно затаиться, да и Фредерик благодаря постоянным наставлениям отца раньше был завален поручениями. Теперь же у брата стало непривычно много времени, а я, как неожиданно выяснилось, не могла сосредоточиться наедине с ним.

Даже его дыхание, когда он сидел неподалеку, погруженный в себя, выталкивало меня из собственного сознания. Меня преследовало навязчивое чувство, будто за мной наблюдали. Я пыталась игнорировать свои ощущения, ведь, скорее всего, это влияние ограничителя моего дара, который я ему подарила.

Но и без этого я слишком привыкла к медитациям в тишине. Еще год назад это не было проблемой — я растворялась в себе в тренировочной зоне, где звон мечей и объяснение наставников будто вспенивали воздух, уничтожая всю тишину. А теперь, пойдя на поводу у самой себя, я отыскала вот это уединенное место, куда часто прихожу по вечерам. И сегодня не изменяя себе, я вновь направляюсь к нему.

С нашего прибытия в лагерь прошла почти неделя. Каждый день мы с утра до вечера проводим на занятиях, и силовые упражнения занимают лишь малую часть из них. Во время обучения мы много читаем, разбираем разные случаи проявления энергии Серого мира. И

если быть честной, нового преподносится очень мало. Но так остается лишь для меня и еще нескольких даэвов. Я успела позабыть, что далеко не в каждом ордене имеется такая обширная библиотека и множество воинов, готовых поделиться своим опытом.

Наставники будто пытаются за эти дни уменьшить разницу в наших изначальных знаниях. Но пара недель, на мой взгляд, слишком малый срок, чтобы осуществить это.

Я уже трижды приходила к святому озеру, поэтому сейчас бездумно иду по лесу, рассматривая зеленый ковер трав под моими ногами. По нагромождениям камней, попадающихся тут и там, часто пробегают желто-черные саламандры, прячущиеся в ближайших расщелинах.

Но вдруг обычная тишина нарушается всплесками и голосами. Я скидываю голову, понимая, что подошла уже к самому водоему, в котором нагло и бесцеремонно плавают и хохочут юноши, что-то бурно обсуждая.

Застываю, чувствуя, что сердце бьется чаще и сильнее. И даже не сразу понимаю, что это от возмущения и гнева, охватившего меня.

Сколько правил и законов они еще собираются нарушить? Как далеко их способно завести это наплевательское отношение ко всему?

Четверо теневых дивов, даже не позаботившись снять пояса и верхние одежды, плавают в омуте. Они не таятся, не пытаются скорее выбраться на берег, наоборот, делают все, чтобы привлечь чужое внимание. И самый шумный из них — Люций Моран.

Всю неделю на занятиях я просто старалась не обращать внимания ни на кого из них. Даже на уроках Люций и его приятели умудрялись проказничать, мешать и вызывать недовольство учителей.

Я не замечаю, как ноги несут меня вперед, а мускулы лица просто деревенеют от напряжения и так старательно подавляемых эмоций. Кровь вскипает в жилах, и мне еще сложнее контролировать свой гнев.

Почти бегу и останавливаюсь лишь у самого края озера, заставляя себя перевести дыхание. Я не понимаю, почему меня это так злит, и пытаюсь разобраться в себе. В обители Сорель никто не нарушает правила, по крайней мере, так открыто. Возможно, за пять лет я привыкла к дисциплине светлых до такой степени, что не могу выносить чужого неуважительного отношения к важным устоям жизни этого места.

Завидев меня, юноши перестают смеяться. Рафаиль — парень, что повсюду таскается за Люцием, будто тот его король, — раздраженно закатывает глаза.

— Что вы делаете? Это озеро священо! — восклицаю, гневно рассматривая их. Одежду под водой видно до мельчайших деталей. Вокруг ни одной серебристой рыбешки — они всех распугали.

Мимолетно я слышу, как Моран, повернувшись к своим, издает тихое «тс-с» и лишь после оборачивается ко мне с миролюбивой улыбкой. Будто ничего не произошло, словно я его друг. В этот миг в моей голове рождаются подозрения, но я почти не обращаю на них внимания. Меня полностью ослепляет собственное недовольство.

Рки юноши продолжают тревожить воду, и он заявляет:

— Мы случайно. Честное слово. — А я не верю ему.

— Случайно все вчетвером упали в священное озеро? — Мой голос звенит от эмоций. Это оправдание выглядит смешно и нелепо.

Я стою на краю озера, у плоских, поблескивающих от влаги камней, что обрамляют омут.

— Да. Кто-то натер камни чем-то склизким. Ты только посмотри на них! — восклицает он с откровенно издевательской улыбкой.

— Они просто влажные от воды, — мельком глянув вниз, отвечаю я.

Невозможно представить, чтобы кто-то занимался подобной чепухой.

— Нет, камень бы не выглядел таким темным. Стали бы мы купаться в одежде?

Я молчу, не зная что ответить и в то же время понимая, что разговор с этим дивом бессмыслен. Доложить обо всем наставнику — вот и все, что от меня требуется.

У Морана какая-то магическая способность выводить меня из себя. А чтобы сотворить это с эмпатом, надо очень постараться. Бабушка Фредерика часто говорила, что мой дар сильнее остальных, а значит, чем чаще я им пользуюсь, тем быстрее выгорают словно спички мои собственные эмоции. А прибегаю я к нему постоянно...

— Подожди... подожди, — поспешно просит Люций, плывя ко мне и баламутя воду, поняв, что я собираюсь уйти.

Я медлю лишь мгновение, смотрю на его бессовестное выражение лица и делаю только один маленький шаг к краю. Но резко

останавливаюсь, когда вдруг раздается разъяренный возглас и ругань, что тревожит птиц, которые взмываются ввысь с растущих поблизости деревьев.

— Эй вы. Вот же паршивцы! — Я вздрагиваю, мгновенно узнавая голос наставника.

Крутанувшись на пятке, разворачиваюсь... по крайней мере пытаюсь... но с ногами творится какая-то ерунда, я машу руками, силясь сохранить равновесие, но буквально скатываюсь по камню вниз.

Миг, и звук брызг разлетается по округе.

Я падаю в омут. Погружаюсь с головой в священное озеро и не могу нащупать дна. Я умею плавать, но ошарашена, хватаюсь руками за что-то, и это оказывается ворот Люция. Замираю, видя его лицо столь близко — кожа блестит от влаги, идеальная, как фарфор, а в глубине глаз цвета дыма по ободку вспыхивает тьма.

— Вот видишь. Я же говорил, кто-то натер камни, — весело и беззаботно говорит он, улыбаясь во все зубы, пока его друзья хохочут. — Ты почему покраснела? О, не можешь устоять перед моим очарованием?

Он играет бровями, и ему невдомек, что я покраснела не от смущения, а от злости. Мне впервые хочется зарубить кого-то из даэвов. И я даже пытаюсь достать свой меч в ножнах, что тянет меня ко дну.

Но подбегает ругающийся наставник, и я прихожу в себя.

Отталкиваю Люция, и его голова на мгновение скрывается под водой. Див выныривает и смеется, а мне с новой силой хочется его утопить. Мое желание вполне реализуемо, и я даже осознаю, что оно неправильно. У светлой не должно быть таких мыслей.

Юноши продолжают веселиться. Учитель кричит, требуя, чтобы мы вылезли на берег, проклиная всех, включая меня. Он кажется самодуром, никогда не слушает оправданий.

И здесь, в воде, я вдруг осознаю: меня накажут вместе с этими болванами, ведь я тоже потревожила гладь священного озера. Независимо от обстоятельств, я заслуживаю наказания. И в этот момент я чувствую себя по-настоящему глупо и нелепо и на какой-то миг соглашаюсь с Айвен — по прибытии в лагерь надо мной навис злой рок.

Все оставшиеся дни я слушала занятия стоя на коленях, нельзя было подниматься даже в редкие минутные перерывы. Уже после первого дня ноги тряслись и болели, но совсем не это стало наказанием. Настоящей пыткой оказалось соседство с теневой компанией — нам всем выделили место в самом дальнем углу помещения.

Каждый день, по несколько часов бок о бок. Их болтовня всегда звучала громче голоса наставника, едва достигавшего противоположного конца комнаты. Этот постоянно вспыхивающий шум поблизости, иногда прерывающийся тихим смехом, постепенно выводил из себя.

В одной из книг я прочла о пытке, при которой над пленным подвешивают мешок с водой. Из него, прямо на голову заключенному, падает капля за каплей. От этого через несколько дней некоторые сходят с ума. Эти капли становятся хуже кнута, и в последнюю неделю со мной будто происходит то же самое.

Очень часто под конец дня я просто закрываю глаза, чтобы в который раз постараться сохранить лицо. За это время я не обмолвилась с дивами ни словом, не отвечала даже на надоедающую болтовню Люция.

Я понимаю, что он далеко не глуп. Хватило даже короткого знакомства, чтобы это понять, к тому же во время опросов наставника не бывало момента, когда Моран не смог бы дать ответа.

Но каждый раз, когда юноша зовет меня по имени, — а это происходит до десяти раз на дню, — меня едва не передергивает. А все поблизости оборачиваются, глазеют на нас, будто на уличных артистов. Моран же, точно осознавая это, пристает ко мне все чаще и улыбается все шире.

Фредерик вызывается поговорить с ним, но я примерно предполагаю, чем завершится эта беседа в итоге. Если бы я хотела все решить насильем, то сама бы давно это сделала. А так скандал между светлыми и темными орденами — последнее, чего мы должны добиться, приехав сюда.

Сегодняшним вечером, сидя на кровати и накладывая на покрасневшие колени мазь, травяной аромат которой уже давно пропитал все мое одеяние, я вспоминаю разговоры Айвен о печати

удачи. Мысль не впервой приходит в голову, но до сих пор я отмахивалась от нее словно от надоедливого насекомого.

Сходили ли они с Фредериком к той скале?

После того дня дэва больше не заговаривала об этой истории. Или я просто ее не слышала — признаться, порою девушка болтает слишком много.

Долго сомневаясь и все еще считая затею до невозможности глупой, я все же покидаю свою комнату, решив, что могу хотя бы попытаться.

Солнце уже скрылось за горизонтом, последними лучами бархатя алым облака. Над головой пролетают редкие птицы. Тени неминуемо вытягиваются, становясь менее четкими, пока на небе затихают последние всполохи света. Лес погружается в тишину, а до общего отхода ко сну остается все меньше времени.

Я иду в горку, а Туманный на моем поясе приятно утяжеляет бедро. Скала с печатью находится у самых границ лагеря. Главное — случайно не забрести дальше и не выйти за пределы территории.

Я тороплюсь и ускоряю шаг, дохожу до растущих плотным рядом высоких пышных кустов, как вдруг на меня кто-то налетает. Мы с Люцием едва не сталкиваемся носами, а моя рука инстинктивно ложится на эфес меча.

На некоторое время мы замираем и молчим. И это молчание напряженное, от него в воздухе словно рассыпаются искры. Моран щурится, а позади юноши застывают еще три бесшумные фигуры.

Я осматриваю их одежду — просторные выходные накидки, у одного из них виднеется на поясе мешочек с деньгами.

Я резко хватаю Люция за запястье, не позволяя отстраниться. Юноша вздрагивает, смотрит на мои пальцы, обхватившие его руку. А я в это время прощупываю его эмоции — недовольство, досада, и даже испуг.

«Я чему-то помешала... И теперь он решает, что со мной делать...» — понимаю я, ощущая, как нарастает чужая решимость. Разжимаю пальцы, собираюсь отскочить, но поздно — Моран прикрепляет на мое плечо листок с печатью, а потом еще один и еще. Последний, словно завершающий штрих, с торжественным видом располагает на моем лбу.

Обездвиживающий символ. Я мгновенно застываю и осознаю, что валюсь с ног. В голове взрывается ярость, которая не способна найти выхода. Я могу лишь смотреть и задыхаться от бессилия.

Люций подхватывает меня, поднимает на руки.

— Проклятье! Только ее нам не хватало, — ругается Коэн, еще один постоянный член свиты Морана, бегаящий за ним повсюду. — Может, ну это все, не пойдем?

Мое лицо утыкается в грудь Люция, я не могу ни отвернуться, ни отстраниться, чувствую лишь, что он куда-то идет. Он него пахнет деревом, мятой и примесью лаванды. Запах приятный, но слегка горьковатый.

— Вы не понимаете, — шепчет он все тем же веселым тоном. — Мы не можем вернуться. Нас уже ждут в городе. Разве вы не хотите повеселиться? А как же девы радужного дома?

Из моего рта вырывается глухой протестующий писк.

Люций останавливается, пошатнувшись.

Юноша держит меня осторожно. Если наши тела соприкасаются, то между нами всегда остается ткань одежды. Хватило бы одного участка голой кожи, чтобы он упал и не смог подняться еще некоторое время. Уж развлекаться Люций точно бы не смог... Но вместо этого теневой див лишь встряхивает меня, сбивая концентрацию и гася магию.

— Я ведь тоже кое-что умею, Сара. И да, ты же любишь слушать учителя? Так вот, сегодня я буду твоим наставником и преподам тебе урок, — задорно сообщает он мне. — Иногда лучше признать чужое превосходство и сдаться.

Я чувствую себя униженной, и я вновь так зла, что, даже несмотря на обездвиживающие печати, меня пробивает дрожь.

«Он заранее подготовил запас печатей», — в то же время понимаю я.

Люций вновь на миг приостанавливается, чуть ослабляет хватку, заглядывая в мое лицо, — ему весело, и в очередной раз я осознаю: ему нравится издеваться надо мной.

— Но что делать с ней? Она же донесет на нас, как только мы снимем магию. — Теперь я узнаю спокойный тон Рафаиля.

Люций молчит всего секунду, пусть дорога продолжает идти в гору, но двигается он достаточно легко. Одна его рука держит мои ноги

под коленями, другая под спиной.

— Мы возьмем ее с собой и оставим неподалеку от города, — отвечает Моран. — Городишко безопасный, рядом с лагерем. А когда пойдем обратно, освободим. Она тоже нарушит правила, поэтому никуда не пойдет.

Коэн тихо смеется, хваля друга за прекрасный план и в то же время ругаясь на прозорливых светлых святош. А уже через минуту между ними разгорается спор — все ли светлые даэвы в одинаковой степени праведны? И вообще, к чему придумывать для себя столько условностей?

Когда дорога уходит вниз, я слышу отдаленный шум — ночные звуки города. Его огни даже на большом расстоянии оставляют отсветы на густой листве и заревом мерцают над верхушками деревьев.

Вскоре Люций останавливается и опускает меня на землю, небрежно, так что я ощущаю легкую боль в руке. Я безвольно лежу, чувствуя свежий запах травы и мелкие веточки и камни, упирающиеся в спину.

Моран, схватив за плечи, поднимает меня и прислоняет к стволу дерева. Я постоянно заваливаюсь и едва не падаю обратно, а он с невозмутимым видом раз за разом поправляет, возвращая меня на место, словно какую-то куклу.

Моя голова опущена, и я вижу лишь его ноги и торс.

— Побудешь здесь. Мы постараемся не забыть тебя забрать, — говорит он, вновь похлопав по моему плечу.

Рафаиль замечает:

— Ты точно бесстрашный. Что делать будешь, если она мстить начнет? А вдруг главе своего ордена пожалуется? Она же его дочь. Или брату...

— Насколько я слышал, приемная. Да и никто не станет поднимать шум из-за мелких дрызг между учениками. Еще один день, и мы разъедемся по домам. Какое мщение? — искренне удивился Люций. — Самое главное сейчас — это то, что мы просто обязаны побывать на ночных улицах Туриса. Преодолеть такое длинное путешествие и не развлечься? Нет, это невозможно.

Вскоре их голоса затихают вдаль. Постепенно приходит безмолвие, а я остаюсь одна. Сила обездвиживающих печатей

держится долго, и можно не пытаться самостоятельно выбраться из их оков. Не стоит и надеяться, что Моран допустил ошибку в знаках. Я видела длинные изящные линии на одном из листов — они идеальны.

Я прогоняю беспокойные мысли, что сжигают все внутри, и прикрываю глаза. Но как ни стараюсь, смех Морана еще долго стоит в моих ушах. Он становится то громче, то тише. И лишь спустя час я наконец чувствую долгожданное спокойствие и умиротворение.

Я осмысливаю ситуацию и принимаю решение.

Насколько план Люция логичен, настолько же в моих глазах бесполезен. Див не учел одну важную вещь — я не собираюсь молчать. Даже получив наказание, сочту его справедливым. Моя ошибка лишь в том, что я позволила себя схватить. В схватке с порождениями не будет никаких оправданий, не стоит их искать и сейчас.

Проходит еще примерно пару часов, и я, кажется, начинаю засыпать. Но ноющая боль затекшего тела не позволяет мне погрузиться в мир сновидений. Я балансирую на грани, сознание то ускользает, то возвращается вновь. Как вдруг тишину разрывает людской крик — полный ужаса, надрыва. Он угасает так же быстро, как возникает. Сердце в груди подпрыгивает и бьется с новой силой, а я будто острее чувствую, как ноют мышцы.

Крик повторяется, но он другой — женский, а вскоре к нему присоединяется еще один. Всего мгновение, и, словно нарастая, чужие вопли сливаются в унисон.

Что это?

Кровь стучит в висках. С каждым мгновением я все сильнее ощущаю свое бессилие. Я одна. Вокруг ни души. Лишь темные стволы деревьев, посеребренные лунным светом.

Далекие крики неожиданно сменяются затишьем. Гомон города, словно потеряв пронзительные ноты, почти не слышен.

Мое дыхание становится оглушительно громким, как и биение сердца, что, кажется, с удвоенной силой разгоняет кровь по венам. Подкатывает паника, которая словно по дуге взвигается вверх, когда вдруг раздается треск веток и шуршание травы. Почти сразу слышатся чьи-то шаги — резкие, но в то же время мощные и быстрые.

И я вспоминаю абзац из учебника.

«Конечности ревенантов из-за застоя крови постепенно деревенеют, но в то же время силы в них становится так много, что они способны рушить деревья. Если это происходит, то захваченного темной энергией человека больше не спасти. Он мертв».

Мне страшно. Тело дрожит, а печати мерцают, сдерживая любые попытки пошевелиться, и все что мне удастся — это лишь приподнять голову. Как раз к тому моменту, как из леса выходит эта тварь.

Она будто окружена алым ореолом, и она голодна.

Кожа ревенанта потемнела, точно намазанная сажей, у виска отсутствует клочок волос, содранный прямо с кусочком скальпа и теперь алеющий еще не высохшей кровью. Все лицо в крови, она окружает его рот, затрагивает кончик носа. Зубы уже немного изменились — заострились, чтобы лучше разрывать мясо. Одежда простая, пусть и порванная, — платье из темной ткани с белым передником. Это женщина, но мне тяжело определить ее возраст.

Сердце с каждым ударом сильнее бьется о ребра. Мне кажется, оно вот-вот выпрыгнет из груди. Но в то же время я цепенею, будто ледяная фигура, а картинка происходящего передо мной сливается с другой.

Темная ночь. Разломанная в щепки дверь, явившая взору почти такую же тварь. Но только со знакомым до боли лицом. Так что при первом взгляде спросонья я не понимаю случившееся.

Кажется, в этот самый миг в лесу я научилась дышать. Призраки прошлого в очередной раз настигли меня. Легкие болят. Перед глазами темнеет. Еще немного, и я просто позволю себя разодрать.

«Сара, посмотри на это с другой стороны — самое страшное ты уже пережила. И теперь ничто другое не потрясет тебя так сильно. В какой-то степени это хорошо. Многие даэвы погибли рано, потому что не справились со своим страхом», — голос бабушки Фредерика звучит ярко, спокойно, пытливо. Как всегда, она права.

Движения ревенанта резкие — я словно слышу, как скрипит его тело. С каждой жертвой и минутой оно становится сильнее.

Я ощущаю, как требовательно взывает ко мне сталь Туманного, но воспользоваться им мне не дано. Печати не снять. А лес вокруг выглядит как никогда спокойно, и даже яркая луна на небе совершенно обычная. Ничто не говорит о том, что я вот-вот умру. Мир безмятежен.

Тварь издает рык. В глазах ее мерцает блеск. Нас разделяет не больше пятнадцати метров.

А мои эмоции утихают. Мне кажется, за какой-то ничтожный миг я вовсе лишаюсь всех чувств. Внутри будто воцаряется пустота. И я наконец-то нахожу способ остаться в живых.

Тварь падает на четвереньки, стремительно перебирая руками и ногами, несется ко мне... И вдруг останавливается. Делает еще шаг и, скуля, валится на землю. Разрывает почву, крутится волчком, пытаюсь избавиться от магии. Постепенно издаваемые ею звуки становятся все более визгливыми и противными. Она словно животное, которое режут тупым ножом.

Так продолжается несколько минут. Я чувствую, что уже на пределе. Мертвые не испытывают эмоций, но разум ревенанта соткан из грехов, и если в него нагло пытаются примешать нечто противоположное, это приносит боль.

Смерть близко. Она медленно подбирается ко мне, сминая сопротивление.

И я почти теряю сознание от головной боли, что разрывает мозг, когда слышу крик:

— Она здесь!

Коэн застывает на краю леса. Смотрит не на меня, а на мертвеца, что мечется на земле в метре от моих ног. В глазах дива застывает ужас, его лицо искажается, он готов закричать. Пятится и, спотыкаясь, падает на землю. А я смотрю на его метания безразлично, у меня нет никаких мыслей.

За спиной юноши появляется кто-то еще — я уже не могу рассмотреть черты, мир вокруг плывет. Некто останавливается, сталь, что блестит в его руке, опускается — он тоже напуган.

А я закрываю глаза, больше не в силах держать их открытыми. Все мои действия были направлены на то, чтобы выторговать себе лишние секунды жизни, но теперь и это, кажется, потеряло смысл.

В голове невольно возникают вопросы.

А почему я борюсь? Хочу ли я вообще жить?

Лишение эмоций отнимает волю. Это погубило немало эмпатов.

Остается держаться лишь на своей твердой убежденности в том, что я обязана жить, граничащей скорее с небывалом упрямством. Ведь умирать еще рано. Еще чуть-чуть... Секунду... Еще одну...

Нет, больше не могу. Пора. Уже пора...

И я сдаюсь. Моя магия — словно отпущенная, а до этого сильно натянутая тетива. Я перестаю понимать, где я, но все равно инстинктивно цепляюсь за реальность, пытаюсь не потерять сознание.

Рык ревенанта срывается на визг.

Мгновение, и звук становится оглушительным, приближаясь, а потом неожиданно тихнет. На мои колени что-то падает, а я слышу чужое дыхание — хриплое, надрывное. Открываю глаза, всего на секунду, и понимаю, что кто-то стоит рядом, согнувшись пополам и пытаюсь отдышаться.

Голова... Это была голова... Туловище твари валяется у моих ступней, а вот отсеченная голова, упав на мои ноги, — на светлых одеждах остались темные пятна крови — скатилась вбок.

Прикрываю глаза. Сил не осталось ни на что.

— Сорель... Са-ра... Извини... Проклятье, я и не подумал, что все может так выйти!

Мои плечи хватают и крепко сжимают.

— Она мертва? — Кто-то подходит к нам.

— Нет, жива. Точно жива. Просто... устала.

На некоторое время воцаряется молчание.

— Проклятье, ревенант... Откуда он здесь? Святые, как мы в это вляпались?! Эта тварь... Вы видели? Она... боже... а-а-а... — раздается паникующий голос Коэна. Его тирада сливается в одно предложение. — Люций, мы можем просто отнести ее в лагерь. Ведь так? Уйдем, и никто не узнает, что мы здесь были. Она же выпитая и будет в порядке. Да. Давайте так и сделаем! Так никто не узнает...

И это последнее, что я слышу, перед тем как заснуть. Совсем не удивляюсь словам юноши. От даэвов тени не стоит ожидать ничего хорошего, тьма изначально в их крови. И этой ночью я окончательно в этом убедилась...

Глава 6. Воронятины не желаете?

Мортемы и скарды — теневые даэвы с силой воплощения и исхода.

Сомниумы и эмпаты — светлые даэвы с силой сновидения и чувств.

«Энциклопедия 1 уровня». Библиотека Академии Снов

Стоя под тенью широкого раскидистого дерева с весело шелестящей листвой, я ощущала себя призраком. Одним из тех, про которых рассказывает сказки простой люд. Вся моя жизнь вдруг стала таковой, сплошными отголосками прошлого.

Но в данный момент ничего не успокаивало и не утешало лучше, чем ветер, ласкающий щеки. Климат в Акраксе был приятным, менее жарким, чем в Исонии, и не таким влажным. В воздухе пахло свежестью, лавандой и кедровой живицей. Ни намек на духоту, что часто мучила меня прежде.

Проснувшись поздним утром, я, вернув хроники на стеллажи, занялась медитацией. И почти сразу осознала: со мной точно что-то не так. Обычно магия, словно густой туман над утренним полем, расплзалась по телу, насыщая каждую частичку, но теперь о былом умиротворении не шло и речи. В районе груди будто возникла сфера, сложный запутанный клубок. И чем упорнее я пыталась его распутать, тем сильнее он бесновался. Так продолжалось до тех пор, пока меня не стало бросать то в обжигающий холод, то в лихорадочный жар.

И когда, не справившись, я открыла глаза, то неожиданно поняла, что всю меня трясет. Руки, ноги, даже челюсть ходила ходуном от напряжения, пронизывающего меня изнутри. Прошла не одна минута, прежде чем я смогла унять его, подняться на ноги и выйти на улицу.

Целые сутки будто сливались в одну ночь. И теперь, пока солнце завершало свой круг, торопясь скрыться за горизонтом, я поспешила насладиться последними его лучами. Я не заметила многих лет сна, но все равно неосознанно испытывала голод по его теплу и свету.

Дерево, ветки которого шелестели над моей головой, росло на краю площади. Последняя, разделяла небольшое поселение из нескольких улиц и крепость даэвов с виднеющейся позади башней, возвышающейся над всеми остальными постройками подобно надзирателю.

Такое близкое соседство моего народа с людьми казалось непривычным. Орден, где меня воспитали, жил обособленно, нашу обитель окружал лес, а территория всегда охранялась. Но в этом месте, защищенном стеной, казалось, тех и тех было поровну.

Когда искала выход, бродя по темным коридорам крепости, я столкнулась с женщиной, что второпях сунула мне вазу с фруктами и поручила отнести ее в столовую. Она убежала, а я еще несколько секунд смотрела ей вслед. Мне показалось, что она меня узнала. И крутя в голове эту насторожившую меня мысль, я оставила вазу на ближайшем попавшемся мне столике и ушла.

Во всей возникшей ситуации со сменой тел меня что-то смущало и не давало покоя. Я определенно что-то упускала.

Взглянув на алеющий полукруг солнца, зависший над лесом, я поняла, что пора возвращаться. Повернувшись, взглянув на крепость, вход в которую, на первый взгляд, никто не охранял. Люди, даэвы покидали и возвращались, снуя туда-сюда без заминки. Но их спокойствие объяснялось уверенностью. Порог и арку над головой покрывали защитные печати, их наверняка обновляли раз в несколько дней, а может и неделю, в зависимости от способностей наносившего их. От этого серый некогда камень почернел, изборожденный тонкими неглубокими линиями однажды выгоревших знаков.

Чужак не проникнет незамеченным. Скорее всего, где-то внутри находилась табличка, что привязывалась к печатям на входе и на которой отображались имена прошедших через главный вход. И таких определяющих личность мест было несколько. Я насчитала почти десять, пока изучала обстановку внутри.

Вдруг затылок кольнула резкая, но несильная боль, и я замерла. Прислушиваясь к себе, медленно крутанулась на пятках, пока мой взгляд не выхватил фигуру, спешно пересекающую двор.

Майя.

Я сощурилась, глядя, как девушка направляется прямо к улочкам. Походка уверенная и быстрая, словно она точно знает, куда идти. Она

переоделась — серое платье, в руках корзина, накрытая тканью, волосы собраны в косу, в которую я сама никогда их не заплетала. Да и платья я носила всего лишь несколько раз в жизни, мой гардероб обычно состоял из удобных одежд одного покроя, лишь изредка отличавшихся вышивкой на ткани.

Чуть помедлив, я пустилась следом.

Она так спешила, что даже не оглядывалась, а я, держась на порядочном расстоянии, рассматривая приземистые дома из камня, с высокими дымоходами, что поднимались к небу. Зимы в Акраксе холодные, снежные, особенно на севере королевства.

В Исонии же зимой холодный ветер и слякоть, от которой развозит дороги.. снег никогда не ложится на долгое время, а большинство домов строится из дерева.

«Я скучаю», — вдруг осознала я.

Но вновь отогнала эти мысли прочь. Грустить по утраченному не имело смысла. Важно было лишь настоящее.

Я миновала несколько прилавков, на которых продавали разные товары: ткань, травы, амулеты, овощи, фрукты и пряную выпечку, аромат которой сразу перебивался запахом мяса. Говяжьих, обветрившиеся к вечеру вырезки соседствовали с мелкими тушками дичи. Темная шерсть последних свалялась, и над ними кружили мухи и мошки.

Пока шла, я не увидела на улицах ни одного даэва — все они прятались в своей крепости. Судя по всему, им не было нужды выходить к людям, ведь жители сами все им несли. Башня чужого ордена выглядывала из-за крыши цитадели, а ее алый флаг развивался в небе подобно маяку.

Вскоре Майя поднялась на крылечко одного из невысоких домов у самой крепостной стены и постучала. Когда ей открыли, девушка некоторое время стояла, активно размахивая руками, видимо, что-то объясняя. Через минуту ее пропустили внутрь, а я разглядела растерянное лицо пожилого мужчины. После дверь захлопнулась, и мне пришлось подойти ближе.

— Какая же ты у меня дурында, — донесся приглушенный голос, как только печать на стене дома оказалась завершена.

Знак ярко горел, будто жидкий раскаленный металл, разгоняя тьму переулка. Мои печати никогда не сияли столь ярко, но я и не создавала

их кровью. Для светлого даэва это было что-то из ряда вон выходящее, но почему-то теперь я с уверенностью вновь пустила себе кровь. Будто знала, что от этого будет больше прока. По крайней мере, линии не мерцали, грозя потухнуть, как тогда в лесу.

Но все же сотворенное меня не порадовало. Неспроста ведь светлые не использовали в начертании знаков свою кровь — в наших руках она была бесполезна, все равно что чернилами писать. Теперь же печать затапливала своим светом весь переулок, будто крича обратное.

Кинжал Рафаиля поблескивал в моей ладони, и див определенно скажет мне спасибо за то, что я не стала тупить лезвие о камень.

Вот оно — мое слабое оправдание, вынудившее нарушить обычное положение вещей. Оружие я всегда любила больше прочего. Даже клинками, выполненными из обычного металла, которым невозможно умертвить ревенанта, я никогда не пренебрегала. Все же ими хотя бы можно разрезать тварь на мелкие кусочки и сжечь на костре.

— Почему?! Пап? Как только я вернусь в свое тело, господин Моран нас вознаградит. А если нет, она должна мне услугу. И у нее такое сильное тело, смотри... — Раздались порывистые шаги. — Смотри! Я могу поднять несколько ведер картошки. И это одной рукой!

Случалось разное, но все же ведрами картошки мою силу еще не измеряли...

Я стояла сбоку от печати, сложив руки на груди и прислонившись спиной к холодной стене. Закрыв глаза, просто слушала, постукивая носком левой ступни по земле. Я совершила ошибку и сглупила. Будь я хоть немного внимательнее, заподозрила бы неладное с самого начала. Теперь ясно, что не давало мне покоя.

— Не смей даже думать о том, чтобы оставаться в чужом теле. Молись поскорее вернуться в свое! Не нам совать нос в дела даэвов. Не кусай руку, которая тебя кормит! — В голосе мужчины проскальзывала паника, пока он отчитывал дочь.

— А я и не делаю ничего предосудительного. Слушаюсь приказов, папочка. — Я будто наяву увидела, как девушка всплеснула руками. — Ты даже не представляешь, как я испугалась, когда она открыла глаза. Она ведь почти не дышала. Каждый раз на протяжении последних

пяти лет я ходила туда, гадая, когда же она окончательно помрет, — бормотала Майя удивленно и задумчиво. — Из меня почти душа упорхнула. А когда еще и телами поменялись... Ох... Но знаешь, отец, она из светлых. И похоже, из могущественного ордена. Тот даэв в лесу готов был умереть ради нее. Мне кажется, так просто все не закончится.

Она проявила удивительную проницательность для своей беззаботной натуры.

— Майя-Майя, что мне с тобой делать? Я же теперь спать не буду.

— Да не переживай, папочка. Я же вернулась домой. — Веселые интонации преобразовали мой голос, он казался чужим.

— Дочка, послушай меня. Да, господин Моран хорошо относится к народу Акракса. Но это вовсе не значит, что он нас не тронет. Никто не будет хранить чужую жизнь в тайне и столько лет беречь ее лишь из прихоти. Нам надо быть осторожнее. Может статься, что когда эта даэва выполнит то, чего он хочет, от нее просто избавятся. Все же она светлая.

Я отошла от стены, растерла ладонью кровь по камню и побрела по улочке к крепости. Все, что меня интересовало, я узнала — Майя изначально служила Люцию. Это прекрасно объясняло, почему она оказалась в том склепе. Мое пробуждение совпало с ее приходом. Видимо, девушка несколько лет приглядывала за мной по поручению Морана.

Я поравнялась с прилавками, которые стремительно пустели, — продавцы убирали нераспроданный товар.

— Майя! — Грузный детина с вывалившимся из повязанного халата животом неожиданно перегородил мне дорогу. — Ты куда пропала? Обещала же помочь мне в лавке! Ты знаешь, какую свинью мне подложила?

Я остановилась, несколько секунд молча разглядывая мужчину, прежде чем ответить:

— Извини, но у меня были дела. Давай поговорим позже. Можно пройти?

Но вместо этого он лишь подался вперед, заглядывая в мое лицо.

— Эй, ты чего такая важная стала?

Это тело — сплошные проблемы... Я вроде старалась быть вежливой и звучать естественно. Ну не станешь же мужчине

объяснять, что перед ним совершенно иной человек. Это глупо, как и уложить толстяка на лопатки. Под ногами камень, и он обязательно отшибет себе что-нибудь.

«Как же поступить?» — задалась вопросом и не заметила, как голоса лавочников затихли. Воцарилось безмолвие, нарушаемое лишь детиной, теперь потешающимся надо мной.

«Было бы чем гордиться...» — уловила я одну из фраз его монолога.

— Господин... Господин, господин здесь! — в противовес воцарившейся тишине повис гомон.

В какой-то момент приставший ко мне оглянулся, его лицо вытянулось, а потом он отскочил к краю дороги.

— Эй, иди сюда. Быстро! Ты чего? — суетливо замахал он мне, подзывая под козырек ближайшего дома.

Я настороженно наблюдала за Люцием, прекрасно понимая, что он явился слишком вовремя.

Див шел неспешно, расслабленно и даже улыбаясь. На первый вид, наверняка не зная, его можно было принять за сыночка богатых аристократов из столицы. Но если присмотреться, это впечатление безжалостно рушилось. По крайней мере, в моих глазах этот образ не продержался ни секунды.

Да и люди жались к стенам домов, провожая дива взглядами.

Люций подошел ко мне. Замер, вдруг растеряв всю свою грозность.

— Добрый вечер, Сара.

— Ты ведь оказался здесь не случайно.

— Почему же?

— Не лги.

— Умение лгать приносит пользу. Лучше лгать, чем постоянно расшибать лоб о стены.

— Ложь очерняет душу.

— Ну же, Сара, не нам об этом печься. Зачем хранить ее чистоту, когда это не приносит никакой пользы? Мы не люди и никогда ими не станем. Особенно ты. — Он оглянулся на зевак. Те, отмерев, кинулись к своим прилавкам.

— Господин, мы можем вам чем-то помочь? Не желаете ли отведать вина? — вдруг очнулся мужик, что совсем недавно не давал

мне прохода. — Сегодня как раз приготовили рагу из воронятины. Не желаете отведать? Очень вкусно вышло!

Лицо мужчины покраснелось, и он достал платочек из кармана, чтобы вытереть пот.

— Да кого интересует твоя воронятина? — отпихнул локтем говорившего торговец мясом. — Господин не ест ее. У меня есть зайчатина, оленина и даже говядина! Моя супруга прямо сейчас может все приготовить!

Жители стали толкаться, чтобы подобраться ближе к нам.

— Хватит, — прозвучало тихо, но одно слово имело подавляющую силу. Все вокруг замолчали. И даже я ощутила себя неуютно. — Как-нибудь в другой раз, мы спешим.

Люций вновь улыбнулся и, развернувшись, направился к крепости. А я молча пошла рядом. Толпа расступилась, образуя широкий коридор.

Торговец мясом застыл, так и сжимая перед собой пару кроличьих тушек.

Через несколько минут мы дошли до разделяющей практически два разных мира площади. И лишь когда вышли за пределы человеческой части поселения, Люций вдруг спросил:

— Что удалось вспомнить?

— Немного. И бесполезное, — отозвалась я, размышляя, насколько же вовремя явился див.

— Например?

Я остановилась, посмотрела на него внимательно. Многие воспоминания оставались туманными, словно разбавленные водою как минимум вполовину чернила. Без деталей. Без эмоций. Особенно те, в которых присутствовал Моран.

— Я зря пошла с тобой, — произнесла я, смотря на стену, окружающую поселение. Прямо сейчас главные ворота запирали, и каждую створку двигали двое мужчин — настолько они были тяжелыми.

— Ты дотронулась указательным пальцем до большого.

Я непонимающе оглянулась на него.

— Всегда так делаешь, когда врешь. Может, ты меня плохо помнишь, Сара, но я-то тебя прекрасно. Ложь для тебя, будто преступление. И мне немного досадно, что ты сделала это из-за того

парнишки... — протянул он. — Сколько ему было, когда ты пропала? Лет двенадцать? Между вами слишком большая разница в возрасте.

— Она не настоящая. Я ведь так и ощущаю себя двадцатилетней, — ответила я, сделав вид, что не услышала последних слов, и задумчиво глянула на окраину городка — его жители следовали за нами до самой площади. Держались на расстоянии, но все же их любопытство было почти осязаемо. — Это неожиданно, но, кажется, они тебя любят... Не только боятся.

Моран безразлично пожал плечами.

— А ты? — неожиданно спросил див, улыбнулся, добавив: — Тоже боишься?

Вопрос-проверка. Он будто меня прощупывал.

Боялась ли я его? Нет, никогда.

— Нет, — сказала, отвернувшись. И вспомнила слова, сказанные Майей в ее доме. Люций хранил мою жизнь все эти годы. — Во что ты втянул меня, Моран?

Он молчал слишком долго, и я продолжила:

— Мне всегда говорили держаться от тебя подальше, в ордене утверждали, что ты приносишь беду. Как и все теневые даэвы.

— И что же ты?

— Я... Я же задаюсь вопросом: кто решает, что именно приносит удачу или беду? У нас столько поверий, связанных с этим. — Я далеко не сразу пришла к подобным мыслям, в юности, еще до Академии Снов, и помыслить не могла, чтобы поставить слова наставников под сомнения. — Хотя я правда старалась не разговаривать с тобой. Тебя же, наоборот, это забавляло. Поэтому ты доставлял неприятности.

— Неприятности? Мне кажется, тебе было весело, — вдруг заявил Моран. — И я называл это приключениями.

— И до чего они тебя довели? Где твоя семья, Люций? Почему в хрониках вашего ордена их имен больше нет?

Они умерли...

Взгляд Морана потемнел — моя догадка оказалась верна.

— Сара Сорель, будь осторожна в словах. Может статься, что когда ты все вспомнишь, то придешь извиняться. — Он завел руки за спину и повернулся к крепости.

— И я буду рада принести извинения, если ты будешь их заслуживать, — проговорила я негромко, но он услышал.

— Идем со мной, если хочешь узнать, зачем ты здесь, —
помедлив, сухо произнес Люций.

Глава 7. Военный совет

Зачастую перерождение в ревенанта происходит во сне и сопровождается либо кошмарами, либо видениями своих когда-либо совершенных грехов.

«Энциклопедия 1 уровня». Библиотека Академии Снов

Я не привыкла к темноте в коридорах. В обители светлых даэвов все стены были выкрашены в бежевые тона, мебель изготавливалась из древесины светлых оттенков, а на стенах висели красочные гобелены, повествующие о самых знаменательных событиях в истории ордена.

В крепости же обстановка оказалась прямо противоположной — крепкая громоздкая мебель, темные шторы, часто встречались красные, черные и золотые краски. Но иногда коридоры и комнаты вовсе пустовали, и даже лампы, подвешенные на изогнутые крюки, аккуратно вырастающие из стен, попадались реже, будто ты оказался в заброшенном жилище.

Люций шел без спешки, но в то же время не оглядываясь. Я будто наяву чувствовала чужое недовольство — мои слова его задели. Но когда див, пройдя по проходу к высоким дверям из красного дерева, оглянулся, я поняла, что ошибалась. На губах Морана вновь играла усмешка, а я запоздало вспомнила, что его не так-то просто разозлить или обидеть.

Сделав всего пару шагов внутрь комнаты, я остановилась.

В зале с высокими сводами за массивным столом сидели несколько даэвов. Красивые, благородные... Люций занял свое место во главе, завершив идеальную композицию. Никто бы даже в бреду не подумал, что перед ним обычные люди.

Разглядывая себя сегодня в зеркале, я заметила некоторые перемены — на волосах появился блеск, кожа разгладилась, с щек пропали небольшие шрамы, что наверняка остались у Майи с подросткового возраста. Моя сущность влияла на это тело, понемногу изменяя.

Я молча сделала еще несколько шагов вперед и остановилась, разглядывая присутствующих, как и они меня.

Больше всего внимание привлекал даэв в антрацитовый маске, по которой ползли отблески огней от свечей. Он был облачен в мешковатые одеяния, и даже руки были скрыты перчатками, взгляду не открывалось ни кусочка кожи.

Кто он?

Воины заковывают себя в такую броню в двух случаях: когда скрывают свою личность и когда прячут увечья.

Глухой стук отвлек меня, заставив вновь обратить внимание на Морана. Тот, подпирая руками подбородок, улыбнулся одним лишь уголком губ.

— Ты сядешь?

— Нет, я, пожалуй, останусь здесь.

Я не состояла в хороших отношениях с находящимися в этом зале. Скорее я была для них врагом. И я не собиралась занимать место, мне не предназначенное.

Стоило подумать о врагах, и мой взор обратился к Розалин Ликорис. Все члены ордена, к которому она принадлежала, отрекались от своих фамилий и брали название цветка смерти. Я сразу ее узнала, даже несмотря на прошедшие двадцать семь лет, что неизбежно оставили след на лице дэвы — былая молодость отступала, у глаз собрались мелкие морщины, бороздки на лбу углубились, но вот взгляд оставался таким же ясным, немного высокомерным, словно бросающим вызов всему миру.

Они с моим братом учились на одном курсе в Академии Снов, и, по словам Фредерика, девушка была одной из тех, кто на пустом месте разжигал вражду между светлыми и тeneвыми учениками. Особенно сильно она неистовствовала в свой последний год. Но в то время, после *инцидента*, многие были горячи в своих словах.

Хватало одного лишь взгляда на ее одежду, чтобы понять, что благосостояние ее ордена ничуть не изменилось. Дорогую темную ткань мантии усеивали вышитые алой нитью цветы, на руках были нанизаны несколько золотых браслетов. Тем же металлом была отделана и рукоять меча, около которой вился стебель с бутоном, что расцветал на верхней стороне эфеса. Считалось, что члены ее семьи

пропитывают оружие особым ядом, чтобы быстро убивать не только нечисть, но и живых существ.

Наши взгляды пересеклись, и я молча кивнула, приветствуя. Несмотря на зловещие слухи, она запомнилась мне умелым воином, а это определенно вызывало уважение.

Роуз замерла, внимательно изучая мое лицо, и лишь потом тоже склонила голову. После, не проронив ни слова, отвернулась.

— Ради чего мы здесь собрались? — спросил старик, сидевший возле нее и сжимавший набалдашник трости из черного металла. В длинной посеребренной бороде и волосах каплями крови запутались алые бусины. Судя по одеянию, он тоже был частью ордена с эмблемой красного цветка.

— Отец, не торопись. — Голос Роуз оказался тихим, но твердым. Непокколебимым.

Напротив этих двоих сидел паладин. Человек короля. На его форме блестел герб королевства Акракс — птица с раскрытыми крыльями, вышитая серебряными нитками на темно-синем.

Я вновь внимательно осмотрела помещение: колонны у стен и давно не реставрированный потолок с потемневшими фресками, деревянный лакированный стол — непростой, с нарисованной прямо на его поверхности картой. На ней — три королевства в мельчайших подробностях, и лишь частично обозначенные берега Сент-Морьена и Аркадиана, а также Первый портал в Серый мир, что раскинулся в океане.

Это зал совета... Военного совета.

Мой взгляд, наполненный пониманием, метнулся к Морану во главе стола. Его серые глаза подернулись тьмой, а змея на шее поблескивала.

Темный ангел...

Каждый раз это звание приобретало новый смысл и наполнялось оттенками — мрачными, зловещими.

Чудовище и убийца?

Но стоило ему улыбнуться, и все, что я видела в нем раньше, вдруг рассеивалось. Я вновь смотрела в глаза даэву, с которым вместе училась в Академии Снов. Впечатление может быть обманчивым — я прекрасно это понимала. Мне стоило бежать из этой крепости. Но я

выжидала и наблюдала. Потому что на самом деле иного варианта пока не виделось.

— Начнем с того, что сказанное не должно покинуть этих стен. Пусть хотя бы несколько дней это останется тайной, — заговорил Моран. — Перед вами Сара Сорель из светлого ордена Сорель. Приемная дочь главной семьи. — Див сощурился и, даже показалось, подмигнул мне. А потом, посмотрев в сторону, покачал головой: — Моос, не надо вытаскивать меч. Вы слишком стары, наш врач может не успеть оказать вам первую помощь. Роуз, успокой отца.

Рука старика тряслась. Он уже наполовину обнажил тонкое легкое лезвие, спрятанное в рукояти его трости.

— Я даже не буду его лечить, — хмуро бросил высокий статный мужчина. — Я говорил вам, Моос, беречь себя. Если не дорожите своей жизнью, то хотя бы цените мое время.

Одежды говорившего были мягкого сиреневого оттенка, выдававшего в нем врачевателя. Талант к спасению чужих жизней встречался крайне редко и в основном у светлых даэвов, но иногда случались исключения и среди теневых.

— Будешь лечить, Регис. Никуда не денешься, — сухо оборвала Роуз, бросив быстрый взгляд на дива, а потом, мягко обнимая престарелого отца, попыталась успокоить его.

— Почему вы хотите на меня напасть? — спросила я. И мужчина замер, и вскоре неожиданно осел.

Возможно, обычно о таком не спрашивают прямо.

Престарелый даэв смерил меня испытующим взглядом, проворчал что-то себе под нос, и ничего не ответив, задвинул меч обратно в трость.

— Я не помню, чтобы у рода Сорель были такие взрослые дочери. Нынешний глава только лет десять как обзавелся семьей, — задумчиво протянул врачеватель.

Нынешний глава...

Я сглотнула, понимая, что это означает. Вновь напоминание об утерянном времени.

— Регис, ты в то время был слишком молод. Скорее всего, только ходить учился, когда она пропала, — с иронией в голосе поддела его Роуз, постучав по крышке стола. — И ты же только года четыре

находишься в цитадели? Не успел застать. Первые годы Сара спала здесь.

— Как?.. — Врачеватель задумался и резко изменился в лице. — Сара Сорель? Та самая трагически погибшая сестра главы одноименного ордена?

— Верно, — кивнула Роуз.

Воцарилась тишина. До тех пор, пока человек в маске не зашуршал одежками. Он было поднялся, но вдруг передумал, опустившись обратно на стул. Но самая разительная перемена произошла с отцом Розали, тот резко вскинул голову, и посмотрел на меня, как на призрака. В его взгляде промелькнуло узнавание, но я не помнила, чтобы мы встречались с ним прежде.

— Та девочка... — пробормотал он.

— Я понимаю, что все поражены. К тому же немало удивляет, что она ныне выглядит так, но причина нашего собрания в другом, — проговорил Люций, потирая переносицу. По его виду стало понятно, что беседа зашла не в то русло. — Сара может закрыть раскол на материке.

Слова Морана эхом разнеслись по комнате. И в этот раз воцарившаяся тишина, пусть и была гробовой, продержалась недолго. Лишь Рафаиль вел себя невозмутимо — молчал, с отсутствующим видом попивая чай.

Но несмотря на вспыхнувшие споры, я будто не слышала ни слова, что произносили даэвы за столом. Наши с Люцием взгляды пересеклись, и воздух в зале вдруг задрожал.

Я могу закрыть портал?

Он правда рассчитывает, что я в это поверю?

— Никто раньше не закрывал портал... — медленно сказала я, бесцеремонно вклиниваясь в чужие споры.

Мои слова звучали точно вызов. Я требовала объяснения.

— Как и не открывал... — заметил Моран.

Голову пронзила боль.

В моей памяти оставалось слишком много темных пятен, но я знала историю и легенды о возникновении первого портала, того, что раскинулся в море, в окружении скал. И одна из этих легенд...

— Кристаллы света и тени?

Пусть я сказала это вслух. Все равно.

Говорилось, что кристаллы оставили в нашем мире боги. Три пары осколков. В каждой паре один открывал, а другой закрывал портал в Серый мир. Согласно этой истории, первый раскол создан сразу двумя артефактами, поэтому он и столь огромен. После один из закрывающих кристаллов был утерян, и оставшимся смогли лишь создать защитное поле над порталом. Темная энергия почти не в силах проникнуть сквозь него, но все равно приближаться к тому месту до сих пор крайне опасно. Куда подевалась третья пара магических камней, в истории умалчивалось. Но по легенде, один раз обретя хозяина, кристалл оставался с ним навсегда. И рассыпался пеплом, когда тот умирал.

И если допустить, что сказанное Мораном правда, то...

— Первый кристалл у тебя, — произнесла утвердительно, не спрашивая. Наличие подобной реликвии могло объяснить не только молодость Морана... но и мою.

— Был когда-то.

— Значит, ты правда создал раскол...

В моем сознании слишком ярко отпечатались записи из хроник. Смертей столько, что скоро закончатся страницы. Слишком много невинных жизней...

Улыбка слетела с лица Люция.

А я прикрыла глаза, пытаясь погасить неожиданно вспыхнувший гнев. Он накатиł стремительно и внезапно. Будто последнее признание сломило все те успокаивающие речи, что я шептала себе прежде.

Мне давно не хотелось поступить настолько необдуманно. Устроить скандал, обвинить его во всех грехах или использовать кинжал. Отсутствие силы чувств давало о себе знать. Эмоции, что раньше едва тлели, теперь разгорались, искрились, как раскаленные угли от ветра.

Успокойся. Тише. Лучше подумай...

Мысли прояснялись. Я потихоньку смогла выделить самое важное.

Допустим, по неизвестной причине светлый кристалл принадлежит мне. Тогда в день появления раскола я оказалась с Мораном совсем не случайно. Возможно даже, по своей воле.

Мне надо вспомнить, что все-таки произошло двадцать семь лет назад.

Я долго стояла с закрытыми глазами, и меня совсем не заботило, как это выглядит со стороны. Мысли крутились, цепочки информации соединялись, но все это пока оставалось лишь домыслами.

В какой-то момент я вдруг отчетливо ощутила, что Майя вернулась в замок. Шаг, потом второй — девушка поднималась по лестнице. Дыхание быстрое, она взволнована и охвачена радостью. Радость... от встречи с отцом.

Казалось, протяну руку и смогу коснуться... Коснуться ее души.

— Хм-м, — вымолвила задумчиво, едва слышно. Сжала ладонь в кулак и медленно разжала, потом открыла глаза и неожиданно поняла, что зал уже опустел.

Мы остались наедине. Я и Люций.

Сама не заметив, я слишком погрузилась в себя.

В воздухе повисла тишина. Выжидательная. Звонкая. И в то же время мирная.

Моран полубоком сидел на стуле. Его локоть лежал на столе, а указательный палец упирался в висок.

— Ты всех отослал?

— Да. Подумал, что у тебя пропало настроение, — ответил он, оторвав рассеянный взгляд от стены.

Я склонила голову, будто заново его увидев.

Чудовище? Темный ангел? Никто из встреченных мною в этой крепости не считает его таковым. Именно поэтому я никак не могла увидеть в нем врага. Даже несмотря на однозначные слова Сезара и записи в хрониках.

— Сара-Сара... — протянул Люций. — Помнишь, как мы впервые встретились в академии?

— Да, — осторожно подтвердила я.

Я прекрасно помнила тот день в Академии Снов, когда прошло целых два года с происшествия в обучающем лагере.

После ночного сна некоторые воспоминания, самые ранние, обрели четкость.

Я приблизилась к столу, отодвинула стул. Села, освежая в памяти события, казалось, недавних лет.

После встречи с ревенантом в ту ночь у озера Спокойствия я проснулась у врачевателя. К тому времени молодые дивы закончили

обучение и отправились по домам. А я узнала, что несколько дней находилась без сознания.

Пришла в себя бы раньше, но меня намеренно поили снотворными для скорейшего выздоровления. После пробуждения я еще два дня провела на больничной койке. За это время ко мне пару раз заходили наставники, задавая много вопросов, а я отвечала, не утаивая ничего.

Мне казалось, что поначалу от меня ожидали какой-то реакции — эмоционального срыва, обвинений, плача, а вовсе не сухого рассказа. Пережитое ведь должно было оставить след.

— Вы не впервые сталкиваетесь с порождением тьмы? — Под конец первого дня спросила одна из дэв, облаченная в темные одежды, с острыми чертами лица, не хищными, но строгими и внимательными. На ее щеке алела тонкая полоска шрама, что ничуть не уродовал женщину, а выдавал в ней опытного воина.

«Интересно, сколько у нее звезд?» — думала я тогда.

Звезды на ключицах — это знаки заслуг, знаний и силы. Хотя весьма иронично, что демонстрировать их не принято.

Женщина молчала все два часа, и в тот момент я впервые услышала ее голос, решив, что он созвучен с ее внешностью, — сухой, немного командный.

— Не впервые. Это случилось в детстве, прежде чем меня приняла семья Сорель, — ответила я, не вдаваясь в подробности.

Дэва больше не задавала вопросов, впрочем, и у остальных их стало меньше. Я же выдохнула, понимая, что дальше ничего не придется рассказывать. Те воспоминания не хотелось вновь тревожить.

Второй день выдался донельзя спокойным и позволил все хорошенько обдумать. По беседам наставников я поняла, что меня принесли к врачевателю сразу же после столкновения с ревенантом, а Люций Моран без попыток увильнуть взял вину на себя. Юношу ждало наказание по возвращении в родной орден.

Но больше всего случившееся повлияло на Фредерика. Брат отказался покидать лагерь без меня и после ухода наставников часто кружил по комнате, проклиная поборников тьмы. Мое же умиротворение выводило его из себя настолько, что порой он молча выскакивал прочь. Еще никогда к тому времени я не видела его настолько злым. Но и его злость казалась мне понятной.

В те дни я постоянно прокручивала в памяти ту ночь.

Ревенант. Лес. Коэн, застывший у кромки леса. И див, не вызывающий абсолютно никаких теплых чувств, но которому хватило смелости вступить в схватку. Всего несколько секунд. Подобная решительность и отважность в шестнадцать лет редки. Теперь, спустя столько лет, я еще четче это осознавала.

Мне потребовалось больше времени, чтобы взять себя в руки.

Когда врачеватели убедились, что я в порядке, мы с братом отправились домой. И на целых два года я практически забыла о существовании Люция Морана, ведь див так и не приехал в лагерь у озера Спокойствия на следующий год.

Не сказать, что я совсем не вспоминала о нем. Его отсутствие вызвало легкую растерянность. Потом я долго думала о причине подобных чувств, а когда разобралась, то растерялась еще больше, — тот первый год совместного обучения остался ярким пятном в моей жизни.

Но несмотря на это, мое мнение о Моране не изменилось, и я совершенно не желала встречаться с ним вновь.

— Ты меня проигнорировала, — произнес Люций, возвращая меня к реальности.

— Я была удивлена, — призналась честно, вспоминая, как смутилась тогда. Впервые встретившись с дивом спустя два года, я даже не сразу его узнала. Мы разминулись на главной дороге, у входа на территорию. И уже после, под башнями академии столкнулись вновь.

— Я... — задумчиво протянула, пытаясь определить точный характер своих чувств в ту встречу. — Я не полагала, что ты в первый же день станешь звать меня через весь двор.

— Ну, мы же были друзьями. Как я мог не поприветствовать своего горячо любимого друга?

— Мы ими не были, — опровергла я — быстро, твердо, без тени сомнений.

— Как же? В бою вместе побывали, считай сроднились. — заявил он, и подняв взгляд к потолку продолжил: — По крайней мере, раньше я считал так.

— У меня уже есть брат. Второго не надо.

Моран вдруг рассмеялся — негромко, но очень искренне. Ему правда стало весело.

Я же нахмурилась, не понимая причины его радости.

— Ладно, оставим пока вопрос с друзьями. Но где это принято уходить, когда тебя зовут? — вдруг возмутился див.

— Ты вел себя слишком бесцеремонно. Светлые ходили со светлыми, теньевые с теньевыми, а учитывая происшествие в лагере и общее наказание, я никак не рассчитывала, что ты поднимешь такой шум. Куда логичнее было бы, если бы ты притворился, что меня не знаешь. Обычно все в подобных ситуациях так и поступают. — Я вздохнула и тихо добавила: — Люций, ты заставляешь меня разговаривать слишком много. Я не привыкла.

— Странно слушать о нормах поведения от той, кто сама в них плохо смыслит, — заметил он и в чем-то был прав.

Моран все еще улыбался, серые глаза были как никогда светлы. Ладонь дива лежала на столе, а указательный и безымянный пальцы попеременно поднимались и опускались на его поверхность.

— Мы вместе нашли ту пару кристаллов?

— Да. — Люций стал серьезнее.

— Когда?

— Во время итогового испытания в Академии Снов.

— И где светлый и теневой кристаллы теперь?

— Свой я уничтожил, где твой — не знаю. Нам предстоит его найти, — ответил Моран, с задумчивым видом взяв в руку белую фигуру ферзя. Помимо него на карте, нарисованной на поверхности стола, расположилось еще несколько шахматных фигур, но все остальные были черными, даже те, что стояли на землях Феросии и Исонии.

Вдруг в дверь снаружи тихо постучали.

— Кажется, нам пора. Ужин готов.

Перестав терзать фигуру, Моран поднялся на ноги.

Ему точно нравилось разбрасывать передо мной хлебные крошки.

«Догадайся, Сара. Вспомни», — будто звучало в его поступках. Или Люций просто-напросто тянул время.

Мы спустились на пару этажей ниже, и я все это время держалась позади Люция, наблюдая, как встречавшиеся нам люди едва ли не прилипали к стенам, пропуская дива. Так, будто одно случайное

прикосновение к его одежде могло их умертвить. И в то же время провожали взглядами, словно желали пойти следом.

Я вспомнила Майю. Когда мы только сели в карету, девушка дрожала и жалась ко мне. На первый взгляд это не совсем обычная реакция, раз она изначально действовала по его указке. И объяснение этому находилось лишь одно — простые жители чувствовали тьму в Моране, и это пугало их на уровне подсознания, но каким-то образом одновременно с этим он умудрился заслужить и их любовь.

Пройдя сквозь распахнутые двери, мы оказались в столовой, где уже был накрыт ужин. Ничего изысканного — мясо, картошка, крупно нарезанный сыр, тарелки с лепешками и графины с вином.

В горле пересохло. Я так давно не пила вина. В Академии Снов его подавали на обед и ужин вместо сока. Даэвов этим напитком не опьянить. Разве что опустошив несколько графинов залпом.

На улице стемнело, и комнату освещали свечи в канделябрах, покрытых толстым слоем воска, что застывшими струйками стекал вниз, прямо на столешницу. Шторы плотно занавешивали окна, а потолок сходилась над головой, и на его сероватой поверхности виднелась обшарпанная фреска с изображением плывущих по небу облаков.

Многие стулья за столом оказались пусты. Из знакомых лиц снова присутствовали Рафаиль и Роуз, врачеватель, что восседал с важным и отсутствующим видом, и, неожиданно, Майя в моем теле.

Девушка сидела сгорбившись и опустив взгляд. Но когда обернулась и увидела меня, в ее глазах вспыхнуло облегчение. Несколько удивляло то, как она играла невинность и успевала извлекать выгоду из происходящего вокруг. Однако если бы ее действиями руководила зависть и злоба, я бы сразу распознала обман. Майя же отличалась именно легкомысленностью, поэтому на ее душе не оставалось отпечатка тьмы.

Я приблизилась, склонила голову, приветствуя остальных, и села рядом с ней. Ее выдох облегчения, казалось, услышал каждый. Вскоре и Люций занял свое место — во главе стола, рядом с сидящим по правую руку Рафаилем.

Начало ужина прошло в молчании, которую разрушил паладин. У короля Акракса скоро большое празднование — день рождения наследника — и следовало явиться на него, чтобы разрешить

некоторые вопросы. Его воин настоятельно рекомендовал не затягивать с путешествием.

Моран ответил согласием. Похоже, положение дел не изменилось, главы Северного ордена до сих пор являлись советниками правящей династии, даже несмотря на весьма разросшуюся дурную славу.

Я в который раз отпила вина, успев опустошить бокал наполовину.

— Почему за столом человек? — вдруг спросила одна из воинов.

— Она моя гостья, Алекси, — тихо заметил Моран.

Дэва опустила взор, больше не произнесла ни слова.

«Ты рассказал не всем?» — звучал в моем взгляде немой вопрос.

«Нет».

Я опустила голову, допила вино и налила вновь.

А когда ужин подошел к концу, поднялась и пошатнулась. Столовая кружилась. Посмотрела на тарелки с едой, но стоило взгляду коснуться пустого бокала, я все поняла. Другое тело. Мне не стоило пить алкоголь в человеческом теле. Совсем не подумала об этом.

Хотя ничего страшного на самом деле не произошло — лишь легкое опьянение, что практически не влияло на трезвость мыслей.

— Сара, — тихо позвала меня Майя.

Кажется, я слишком долго смотрела на бокал, склонив голову набок.

— Все хорошо. Идем. — Я отвернулась и, с удивлением глядя, как плывут стены, пошла к выходу.

Когда Майя скрылась в своей комнате, я застыла в коридоре. Простояла несколько минут до момента, пока не расслышала по ту сторону двери шорох. Покачала головой, шагнула, не сразу сумев ухватиться за дверную ручку, — в первый раз промахнулась, зачерпнув лишь воздух. Вторая попытка оказалась более успешной.

— Ты нагло пользуешься тем, что я не могу взять в руки Туманный.

— На то я и теневой див, чтобы играть грязно. Чужие слабости — лучшая возможность. — Люций стоял неподалеку от распахнутого окна, ко мне спиной.

Пошатываясь, я двинулась в глубину помещения.

«Сейчас ты лишь издеваешься...» — подумала, но ничего не сказала вслух.

Я подошла к кровати, забралась с ногами и прикрыла глаза, собираясь погрузиться в себя.

— Ты знаешь, что качаешься? — раздалось спустя пару минут. — Это какой-то особенный вид медитации, да?

Я нахмурилась.

— Есть один замечательный способ, позволяющий проверить, сильно ты пьян или нет, — сообщил Моран и, как всегда, не дожидаясь ответа, весело продолжил: — С закрытыми глазами коснуться указательным пальцем кончика носа.

Голос звучал совсем близко.

И я открыла глаза как раз в тот момент, когда див проделал то, о чем говорил. Подушечка его пальца притронулась к моему носу. Его кожа показалась мне ледяной.

Я медленно, испытующе оглядела его с ног до головы. Люций отступил, все еще улыбаясь, пусть и не так ярко. А в голове у меня назрел один-единственный вопрос: как так вышло, что даже на пятом десятке Моран ведет себя несерьезнее, чем я в свои двадцать с небольшим? Откуда эта привычка превращать в фарс все вокруг себя?

Но вдруг, присмотревшись к нему, я поняла, что серые, абсолютно бесцветные радужки, источали не радость, а нечто другое. Противоположное.

По спине прошел озноб.

— Твои глаза... — произнесла я прежде, чем осмыслила. Замолчала, опустила голову, вспомнила наш разговор на площади и негромко спросила: — Что стало с твоей семьей, Люций?

— Они погибли.

— Давно?

Царившая в комнате темнота, что тревожили лишь отсветы факелов с улицы, будто отматывала время назад, в годы юности. Я никогда на испытывала к Морану ненависти. Даже когда злилась, даже когда едва не погибла, столкнувшись с ревенантом. Какой смысл искать оправдание своих недостатков в других? Моя вина, что ему удавалось так легко вывести меня из себя. Теперь же нет, не удастся.

— Да. — Он приблизился, сел рядом, наши плечи соприкоснулись.

— Мне жаль, — спустя несколько секунд молчания проговорила я.

— Это было настолько давно, что я уже и не помню. — Его голос мог бы показаться беспечным, но только тому, кто сам никогда не испытывал утраты. На самом деле близкие никуда не уходят, они навсегда тенью остаются рядом с нами. И вспоминаем мы их гораздо чаще, чем может показаться со стороны.

В спальне повисла недолгая тревожная тишина. Я отклонилась назад, упав спиной на матрац.

— Прошлой ночью мне приснился лагерь у озера Спокойствия. — Я не любила болтать попусту, но алкоголь и столь личный разговор развязали язык. Я начинала понимать пристрастие некоторых даэвов к крепкому спиртному.

— И что же приснилось? — Люций лег рядом, его волосы коснулись моей ладони. Мимолетно зажав пальцами прядь, я отпустила ее, поняв, что перехожу границы.

— То, как вы купались в священном озере. — Я недовольно поджала губы, вспомнив те дни. — Спустя месяц в той местности пошли проливные дожди, и река вышла из берегов, весь лагерь затопило. Вода в низине поднялась на несколько метров. И это в августе. До сезона дождей оставалось еще много времени.

— Всего лишь совпадение, — небрежно и весело сказал див.

— Наверное, но из-за этого совпадения за мной весь следующий год тщательно следили наставники. Точно опасались, что я что-то натворю. Это было неприятно, ведь раньше я так старалась соблюсти все правила. Хотела стать гордостью своего ордена, а не его проблемой.

Я замолчала, задумавшись, зачем вообще все это ему рассказываю. Еще и не успев подумать.

Люций хмыкнул. Потом иронично, даже с сарказмом заметил:

— Возможно, ты и стала его гордостью... Особенно если вспомнить храмы, посвященные тебе.

Чувствовалось, что настроение Морана испортилось. Его лицо ожесточилось. Рядом с ним сразу же стало прохладнее, точно он стал хуже справляться со своей силой.

Все же Люций изменился. Чем больше я с ним разговаривала, тем отчетливее понимала, что время и в его душе оставило шрамы.

— Признайся, те камни у озера, это ведь ты их натер? — Этот вопрос не единожды сегодня всплывал в моей голове. Не знаю, почему

меня вдруг это заинтересовало.

— Что? Какие камни? — очнулся див.

— Из-за которых мы упали.

Некоторое время стояла гробовая тишина.

— Не-е-ет, — искренне протянул Люций. — Рафаиль.

— Что? Но он же... Как, вообще, вы все трое оказались в воде?

— Рафаиль перестарался, поэтому скатился следом, как раз перед тем, как явилась ты.

Мое лицо окаменело. За прошедшие годы у меня ни разу не появилось даже правильно догадки об истинном положении дел.

— Ясно, — в конце концов прошептала я.

Глава 8. Подземелье

Сомниумы управляют снами. Их главное предназначение — разрушать кошмары, сотканные энергией Серого мира.

«Энциклопедия 1 уровня». Библиотека Академии Снов

Распахнув глаза, я еще несколько минут тонула в собственном дыхании — шумном, надрывном, чувствуя, как пальцы холодит рукоять кинжала, которую я схватила во время сна. Спина взмокла, лоб покрылся испариной, а губы пересохли.

Отчего-то вспомнилась Айвен — она одной из первых застала мои приступы, что начались спустя пару лет после того, как я оказалась в ордене. Можно было бы посмеяться над тем, как тринадцатилетняя девушка жмет к изголовью кровати, комкая ладонями одеяла, и непрерывно повторяет:

— Твою мать, твою мать, твою...

Если бы она при этом полными ужаса глазами не смотрела на меня...

Заметив мои метания, дэва решила заглянуть в мой сон. За что и поплатилась.

В то время у меня еще не было привычки, укладываясь на ночь, оставлять рядом оружие, но чем чаще повторялись кошмары, тем уязвимее я себя чувствовала. А клинок в ладони на инстинктивном уровне уничтожал все страхи, говорил, что я смогу справиться со всем, что одолевает меня в темное время суток.

И вот, спустя столько лет, я даже привыкла. Меня больше беспокоило, что о моей слабости кто-то узнает, чем сами видения.

Некоторое время смотря в потолок, я не без труда восстановила дыхание и выкинула лишние мысли из головы. Поднялась, осмотрев пустую спальню. Кажется, я уснула при Моране... Неслыханно!

За окном ярко светила луна, и до меня глухо доносился отдаленный крик птицы. Я приблизилась, раздвигая шторы и выглядывая наружу. Скользнула взглядом по верхушкам деревьев, от

которых ввысь поднималось звездное полотно, по верхушкам домов, то жавшихся друг к другу, то, наоборот, будто сторонившихся, образующих множество проулков. И, наконец, мое внимание остановилось на дороге, выложенной камнем, что делала дугу у самой крепостной стены, перед началом хозяйственных построек, которые примыкали к главной цитадели.

Именно там остановилась наша карета...

Я прислушалась к своим ощущениям, убеждаясь, что Майя спит в соседней спальне. Задумчиво посмотрев на землю, приняла решение и вернулась в комнату. В тумбочке нашла листы и даже баночку с чернилами. Изящные линии быстро пропитывали бумагу, и вскоре символ засиял. От него дыхнуло ветром, взметая волосы. Печать, мерцая, повисла в воздухе.

Прикрепив кинжал к поясу, я вновь подошла к окну и распахнула его створки, чувствуя на лице холод, царивший снаружи. А потом, неспешно забравшись на подоконник, выпрыгнула в ночь, сжимая свободной рукой листок с начертанным знаком.

Колдовство приостановило падение, и спуск вышел плавным. Хотя по телу быстрой волной разошлась ноющая боль, когда ступни жестко коснулись камня. Оставив лист парить в воздухе, я, оглянувшись по сторонам, направилась к месту, где в ночь нашего прибытия завершил путь экипаж.

Мне никак не давали покоя те тела. Обычно укушенных и умерших людей не везли с собой. Чаще всего их сжигали, а прах либо хоронили, либо отдавали родственникам, чтобы они распорядились им сами.

Но экипаж сделал лишь одну недолгую остановку, поэтому напрашивался вывод: Моран и его люди точно знали, где находятся трупы. Скорее всего, они повстречались с ревенантом, когда шли по нашим с Майей следам, и наспех спрятали мертвецов у дороги, а потом забрали.

Но для чего им столько мороки? Хватило бы одной печати, чтобы обратить несчастных в пепел.

Потоптавшись на месте, я распрямилась, вновь оглядела округу и глубоко вдохнула.

Отголоски тьмы. Мне необходимо было почувствовать след темной энергии. Правда, светлые даэвы не имели и половины той

чувствительности к энергии Серого мира, которой отличались наши теневые собратья. Некоторые из последних гордились, что в чем-то превосходили нас, источая высокомерие, и в то же время светлые высоко задирали головы, считая себя не оскверненными мглой.

Тьма толкнула в грудь, словно чужая рука, легла на солнечное сплетение, а после позвала за собой. От нее повеяло прохладой. До ноздрей добрался аромат гниения, и я поморщилась, накрывая рот ладонью. Пахло так, будто многодневный труп лежал прямо у моих ног.

Отправившись по следу, я вскоре оказалась у дверей одной из хозяйственных построек. Она была закрыта. Вытащив заготовленную ранее печать, я прикрепила ее к замочной скважине. Чернильные линии слабо мигнули. Раздался скрежет и щелчок. И запертая дверь поддалась.

Я вошла в помещение, погружаясь в темноту. Слабый косой луч света от дверного проема выхватил седла, подвешенные на бревна, торчащие прямо из каменной стены. Изделия были далеко не лучшего качества, и даже ночью я видела, как потерлась кожа. Скорее всего, их использовали люди, служившие в крепости.

Запах гниения тянулся от противоположной стены, у самых ног. Недолго думая, я опустилась на колени, шаря руками по грязному, чем-то залитому полу. Лишь через несколько секунд, подняв ладонь и потерев пальцы друг о друга, я поняла, что это была кровь.

Зловоние темной энергии напрочь отбило обоняние. Пропитавшаяся влагой юбка платья прилипла к коленям.

«Надеюсь, это того стоит», — подумала я как раз в тот момент, когда ногти подцепили край досок.

Люк.

Поддев кинжалом край, я подняла его, открывая проход со слабыми, едва-едва виднеющимися оранжевыми отсветами, — вдалеке, где коридор поворачивал, видимо, горел факел.

Кривые неровные ступеньки, уходящие вниз, тоже оказались заляпаны кровью, и тот, кто это сделал, даже не потрудился убрать за собой. Я начала спуск, шаря руками по стене. И перед тем, как скрыться в проеме с головой, закрыла проход люком.

Я не страшилась того, что меня поймают, но и совсем не скрываться казалось верхом глупости.

Запах гниения усилился, и теперь от него было некуда деться. Он пропитал одежду, волосы и даже кожу. Тьмы было много. Настолько, что я не понимала, откуда она взялась в таком количестве.

Где-то неподалеку пробежала крыса — я догадалась об этом по тихому пisku, раздававшемуся под ногами. Вскоре свет приблизился, и я попала в обжитую часть подземелья, видимо, расположенного под самой крепостью. Факелы на стенах стали встречаться все чаще, и пройдя еще немного, я пришла к первой развилке: один проход уходил выше, прячась в стенах верхних этажей, а еще два, наоборот, спускались ниже.

Немного поразмыслив, я зашла в каждый из коридоров, чтобы понять, где влияние энергии Серого мира сильнее, и, выбрав, стала углубляться все дальше под землю, пока не наткнулась на дверь.

Она была не заперта, но стоило толкнуть створку, как я поняла почему — внутри обнаружилась клетка. Толстые металлические прутья делили помещение на две неравные части. Со всех сторон стены покрывали кровавые печати. Изящные линии сразу показались мне знакомыми. Они были начертаны той же рукой, что и знаки в склепе, в котором я очнулась. Эти колдовские знаки призваны были сдерживать то, что находилось внутри, — на столах, по ту сторону решетки, лежало два тела, а в дальнем углу было свалено еще два.

Те, что находились на полу, были ничем не примечательны, но вот те, что лежали на столах, отличались. Во-первых, их головы оказались отделены от тел, а туловища пребывали в ужасном состоянии. Ревенант, напавший на них при жизни, успел изрядно разодрать несчастных. На руке у одного из погибших отсутствовали все пальцы, кроме мизинца. А во-вторых, от их почерневших ран вился темный дымок. Но он не рассеивался, не уходил ввысь, а кружил около разорванной плоти.

Я замерла на пороге и вцепилась в дверной косяк, пораженная увиденным. Прошло довольно много времени, а я все стояла, наблюдая за завитками энергии из Серого мира.

Наконец отмерев, сделала шаг к решетке. И в этот миг глаз одной из отрубленных голов, что лежала ближе ко мне, дернулся, развернулся белком наружу и заметался, пока взглядом не уперся в меня. Радужки не было, она налилась черным, как и зрачок.

Раздался скрежет, будто царапали ножом по металлу, — тот самый один-единственный мизинец потемнел, изогнулся и теперь скреб металлическую поверхность стола, вырезая мелкую стружку.

Мое присутствие волновало мертвеца. Особенно алая влага на моих ногах и руках. Если бы не печати на стенах и прутьях, эти тела давно бы поднялись, следуя зову крови. Хотя еще сутки назад я видела обычные трупы, а не монстров.

Опустив взгляд, я присела, рассматривая темное пятно на полу. Тоже кровь. Животного. И я сама вымазалась не в человеческой. Видимо, ее приносят сюда и пытаются что-то выяснить, проводя эксперименты.

Никогда раньше я не сталкивалась с тем, чтобы жертвы ревенантов тоже перерождались. Влияние темной энергии — это не болезнь, чтобы передаваться от одного к другому. Ни в книгах, ни в разговорах с наставниками я никогда не встречала упоминания о подобном.

Я поднялась на ноги. В последний раз внимательно посмотрев на тела, под металлический скрежет вернулась в коридор. Остановилась в задумчивости.

Могут ли теневые даэвы сами создавать ревенантов? Что, если они нашли способ...

До прибытия брата было еще достаточно времени, и к этому моменту желательно было все выяснить. Увиденное в комнате меня сильно встревожило.

Вдруг по коридору прокатился звук отпираемого замка, а потом и скрип дверных петель. Я встрепенулась. Кто-то вошел в подземелье.

Почти сразу послышался гулкий звук чужих шагов — кто-то грузный, в широкой и тяжелой обуви ступал по камню мне навстречу. Путь назад был отрезан. Оставалось лишь идти в противоположную сторону от незнакомца и отыскать другой выход.

Аккуратно ступая, я немедленно направилась прочь.

Всего через пару минуту ход начал неожиданно сужаться, а затем ушел вниз — появились ступеньки. Но как бы быстро я ни шла, идущий позади будто двигался еще стремительнее, а его топот точно ударами сотрясал стены.

«Бум-бум-бум».

Ноги гудели. Я спускалась по ступенькам, перемахивая сразу через две-три, и уже сложно было предположить, в какой части крепости я оказалась, возможно даже, за ее пределами. В какой-то момент коридор изменился — на ступеньках появилась плитка, а своды хода, наоборот, стали неровными и косыми. Если раньше он был сложен из кирпича, то теперь был будто высечен в скале.

Шаги неизвестного эхом отражались от стен, и невозможно было определить, где именно находится мой преследователь, — далеко, на другом конце подземного лабиринта, или в нескольких метрах, прямо за спиной.

Дыхание сбилось, стало тяжелым. Это человеческое тело уже не впервые меня подводило.

Я оглянулась лишь единожды и, увидев пустой коридор, испытала мимолетное облегчение, когда вдруг нога словно увязла в глине, оказавшись на несколько сантиметров в камне. По три ступеньки позади и впереди меня несколько раз мигнули, становясь полупрозрачными, а потом и вовсе исчезли. Я провалилась в пустоту...

Расслышав хруст своих костей, я, качаясь, повисла над пропастью, в последний миг успев ухватиться за неисчезнувшую ступеньку. Подтянувшись, уцепилась и второй рукой за край.

Почему пол исчез? Ловушка?

Лишь теперь, чуть переведя дух, я услышала шум воды — громкий, словно где-то протекала речка. Исподтишка глянув вниз, я поняла, что действительно угодила в подземелье с небольшим подземным озером.

Но грот выглядел весьма обжито, пол сверкал, кто-то сделал его настолько ровным, практически глянцевым, что даже огонь многочисленных ламп отражался в нем. Вода поступала из узкого отверстия в стене, водопадом врезаясь в водную гладь. На краю водоема стояла вереница склянок, а в каменной нише, над скамейкой из темного цельного дерева, лежали стопки полотенец.

Взгляд вновь устремился к чернеющей темноте над головой. Пора было выбирать. Руки ныли — чем дольше я висела, тем слабее они становились.

Но я не учла того, что ступенька, за которую я держалась, тоже внезапно станет мерцать. Всего миг, и она исчезла, а я опять пушечным ядром сорвалась вниз.

Брызги разлетелись во все стороны. Я успела сгруппироваться и после падения сразу ушла на глубину. Открыла рот, едва не нахлебавшись воды, — озеро было ледяным. Мороз сковал горло и обжег кожу.

Я стремительно поплыла к поверхности. Вынырнула, крепко стиснув челюсти и не позволяя себе дрожать.

Возле берега наружу выходил высокий камень, и я стала грести к нему. Ухватившись за скользкую поверхность и часто дыша, подняла взгляд к потолку. Чернеющий проем над головой исчез. Теперь свод пещеры выглядел совершенно обычным, не считая едва различимых черных линий на его поверхности.

Ловушка. Это была чья-то ловушка.

Глянув на берег, я уже было поплыла к нему, как в грот кто-то вошел.

— Полно. Я не хочу больше говорить об этом, Рафаиль. — По мере приближения говорившего его слова звучали громче.

— Мы обязаны явиться на празднование. И не одни. Паладин короля прибыл не просто так.

— И? Я не говорил, что мы вовсе не появимся в столице. Оно длится месяц, прибудем к середине, — слегка раздраженно сказал Моран. Послышался тихий всплеск — теневой див вошел в воду.

Я лишь теснее прижалась к камню, за которым пряталась. Пальцы слушались плохо, и я с трудом нашла уступ, за который можно было ухватиться.

— Мы не можем закрыть глаза на тот поселок. От отряда уже несколько дней не было вестей. Все указывает на то, что дело непростое. Если всему виною нечисть, то, возможно, никого из них уже нет в живых. Я должен сам этим заняться, лишь так мы будем уверены, что не потеряем больше никого... Поэтому ты останешься и заменишь меня. Полагаю, ты знаешь, что делать, если к нам заявятся гости.

— Мне этого можно не объяснять, — откликнулся Рафаиль.

Конечности немели, я была не уверена, что смогу продержаться долго. Тихо опустившись под воду, я чуть-чуть обогнула камень и всплыла, выхватив взглядом спину с рассыпавшимися белыми волосами.

Моран стоял по пояс в воде.

На секунду я забыла обо всем, увидев, как по линии его позвоночника, словно чернила, прямо на коже расплзлась тьма. Ее щупальца расходились во все стороны, рисуя неведомый узор.

Такого же оттенка становились тела ревенантов после полного перерождения. Это влияние тьмы, никак иначе.

— Что-то не так?

Рафаиль стоял у самого края водоема, вот-вот готовясь скинуть халат. Звук его голоса заставил прийти в себя, и я вновь погрузилась под воду, возвращаясь к своему убежищу. Вынырнула, едва сдерживая дрожь.

— Да нет, ничего. Показалось, что мертвечиной несет, — отозвался Моран, а я еще глубже опустила под воду.

Неудивительно, что он почувствовал. Эта вонь будто впитывалась в самую кожу.

С этого момента двое даэвов не произнесли больше ни слова. В пещере воцарилась баюкающая тишина, нарушаемая лишь плеском воды. А я замерзала. Человеческое тело не выдерживало долгого нахождения в холоде.

Сознание туманилось. И когда я, засыпая, едва не ушла под воду, наконец-то раздалось:

— Рафаиль, уже уходишь? — насмешливо поинтересовался Моран.

— Да, — бросил тот.

— Неужели холодно? Скорее освежает, — протянул Люций.

— Ну да, конечно, освежает, — иронично откликнулся див и нетерпеливо спросил: — Ты идешь?

— Конечно. — Послышался плеск и звук стекающей воды.

Я уже мысленно отсчитывала секунды, ожидая, когда они покинут грот, как вдруг раздалось задумчивое:

— Хотя-я-я... Я, наверное, еще задержусь.

— Что-то не так?

— Нет, все хорошо. Надо разобраться с кое-какими делами.

— Здесь? В ледяных водах? — В голосе Рафаиля звучало сомнение.

— Да. Именно здесь.

— Ты уверен? — отозвался див.

— Уверен, — безмятежным тоном бросил Моран.

— Ну как знаешь.

Вскоре послышались удаляющиеся шаги, и когда на несколько секунд в гроте воцарился лишь звук пенящейся воды, стекающей в подземный источник, див громко произнес:

— Я знаю, что ты здесь, Сара. Раз, два, три, четыре, пять, Люций идет тебя искать, когда найдет, душу твою он украдет... — Тихий напев разнесся по гроту, с каждой секундой звуча все ближе, а через мгновение я увидела фигуру даэва, шагающего ко мне по берегу, огибая камень за которым я пряталась.

Он уже успел натянуть хлопковые штаны и накинуть халат, скрыв тело, а в руках держал длинное полотенце.

— Когда? — лишь спросила я, понимая, что все усилия остаться незамеченной пошли насмарку.

— Не сразу. Но я не настолько слаб, чтобы не почувствовать, когда кто-то прожигает взглядом мою спину. Плюс запах... несет моим подземельем. И последнее... — Он поднял ладонь, и откуда-то из-под сводов пещеры ему на ладонь слетела птичка, сотканная из тьмы и ночных кошмаров — всего того, чего так боятся люди. Моран нежно улыбнулся и, взмахнув рукой, отпустил создание.

Холод пробирал меня до костей, впивался острыми иголками в кожу. Я не могла ни на чем сосредоточиться. И тем более оценить по достоинству способности дива.

Оттолкнулась от камня, поплыла к краю озера.

Стоило уцепиться за край, Люций помог мне выбраться на берег, накрывая полотенцем и привычным жестом растирая ноги и руки.

— Совсем замерзла... — произнес он себе под нос, хмурясь.

Я, едва сдерживая дрожь, смотрела на сосредоточенного и недовольного Морана. Такой Люций был мне незнаком.

— Что? — замер он, заметив мой взгляд.

Я моргнула, сбрасывая оцепенение, и промолчала.

Вздрогнула, когда из ниоткуда в руке Люция появилась печать — обычная, начертанная чернилами. Даэв прикрепил листок к моей одежде, и он успел наполовину промокнуть, а в следующий миг одежда высохла. Но будто в отместку пятна крови, которой я испачкала платье, вновь стали ярче и больше не казались обычной грязью. Запах гнили усилился.

Моран отмотал время. Минут двадцать, не меньше. И сделал это так легко! Подобные печати затрачивали колоссальное количество магии, и их уж точно не использовали, чтобы высушить чужую одежду.

Обернуть время вспять можно было лишь на неодушевленных предметах, и то с тем условием, что ранее их не касалась магия.

— Ты видела трупы? — быстро спросил Моран, распознав кровь.

— Да. Они переродились.

Люций кивнул.

— Это не я, — вдруг сказал он, уперев в меня свой взгляд. — Все указывает на то, что это происходит само собой, — пожал див плечами. — В Дэвлате накапливается слишком много теневой энергии.

Ладони с по-девичьи тонкими запястьями, но с явно выступающими костяшками сжимали мокрое полотенце. Пояс белого халата едва держался на его талии, так что ворот распахнулся, открывая кожу почти до самого живота.

— Головы лежали отдельно, — медленно произнесла я. — Их отсекали мечами из нашей стали?

Мне все еще было холодно, но я уже не дрожала.

— Да. Но когда они были еще трупами. Если пронзить теперь, то их можно уничтожить. — Люций распрямился. — Это стало происходить в последний год. Но обычно тела жертв сразу сжигают, поэтому они не успевают переродиться. К тому же монстры из мертвецов получаются значительно слабее. Однако проблема в количестве. Проще справиться с одной сильной тварью, чем с сотней слабых одновременно.

— Сколько времени требуется на изменение?

— Чуть меньше суток.

Я задумалась. Если все так, как говорил Моран, то очень скоро ни одно королевство не сможет бороться с этой нечистью. Их одно за другим поглотит тьма.

Повсюду гибель, смерть, разруха и... кровь.

Вот только почему я должна верить ему?

Теневой див будто прочел в моих глазах этот вопрос, слабо улыбнулся и, глядя в сторону, проговорил:

— Когда-то тебе не требовались доказательства, чтобы довериться мне. Ты всегда прислушивалась к своей интуиции, а не к чужим

словам. Этого ты тоже не помнишь, да?

От слов Люция моя голова разболелась. Пальцы крепче вцепились в полотенце. Дыхание участилось. Но сквозь эту боль я, кажется, кое-что нащупала в своих воспоминаниях.

Див вновь присел передо мной, взгляделся в лицо.

— Как странно... — будто сквозь туман раздались его слова. — Тебе не кажется подозрительным, что ты так мало помнишь обо мне?

Я словно проваливалась в трясину. Казалось, реальность находится где-то очень далеко, но голос Морана продолжал эхом достигать моего сознания:

— Как думаешь, Сара? Это ведь правда странно... Странно...

Все звуки затихли, а я окончательно оказалась во тьме.

Глава 9. Академия Снов

Не существует даэва могущественнее, чем одаренный эмпат. Они могут подавить волю к жизни одним прикосновением. Но им следует быть осторожнее, иначе сила обратится против носителя.

«Энциклопедия 1 уровня». Библиотека Академии Снов

Академия Снов, тридцать один год назад...

Сара

Два дуба-великана с выступающими на поверхность корнями и кронами, будто подпирающими небосвод, росли по обеим сторонам дороги, еще издавлекa привлекая мое внимание. Оба дерева — часть древней магии, охранявшей Академию Снов. Их колдовство было хитрым, коварным и простым... Если войти на территорию учебного заведения не по главной дороге, что проходит как раз между древними растениями, то это место начнет выпивать силу того, кто нарушил границу. Даэв или обычный человек, не имело значения, любой беспомощно упадет на землю.

Долорес как-то сказала, что это магия фейри, которых никто не видел уже много лет. Они так давно не покидали своих холмов, что постепенно о них забыли. Даэвы с неохотой признавали вмешательство волшебного народа, предпочитая об этом не упоминать.

Чары не трогали лишь травоядных животных, что, пользуясь безопасностью здешних земель, весьма расплодились, а весной совершали целую миграцию для вывода потомства. Брат говорил, что во втором полугодии дикие кабаны и шага не дают нормально ступить.

Когда мы подошли к двум исполинам, ствол одного из них уже облепило несколько тел. Четверо парней, чуть ли не приклеившись грудью к коре, пытались обхватить могучее дерево. Но чтобы замкнуть круг, не хватало еще не меньше полуметра.

Их лиц я не видела. Но черный цвет мантий не оставлял сомнений: это теневые дивы. Только они способны на подобное

сумасбродство.

— Давай, еще немного! — не отступал один из них. Его голос показался мне отдаленно знакомым.

— Мы не дотянемся, — ответил ему кто-то.

— Потому что у кого-то руки короткие! — упрекнул даэв.

— Ну и ладно, если короткие. Подумаешь, какое-то дерево, — вмешался в препирательство третий.

— А говорят, если руки короткие, то и... — Парень сделал многозначительную паузу, явно намекая на что-то.

Повисла тишина.

— Эм-м, ты ошибся, Люц, это про длину стопы. Никак не руки.

— Да? — искренне удивился неизвестный. — Ну и ладно, невелика разница.

Я отвернулась и тут же заметила недовольный взгляд брата. Он прибавил шаг, заставляя ускориться и остальных стражей, прибывших на обучение. Я последовала за ним, стараясь не смотреть на небо, где над зелеными шапками высились две башни. Хотелось увидеть их сразу во всю величину, а не издалека.

— Фредерик, — позвала я.

— Да?

— Про что они говорили? Если стопа короткая, то что? — Те дивы вызвали у меня какое-то смутное беспокойство, а их разговор и вовсе остался непонятным.

За спиной послышался смешок. Я обернулась — юноши смотрели кто куда. Чувствовалось их смущение.

— Давай я потом как-нибудь расскажу. Тебе не понравится смысл, — уклончиво сказал брат, тоже отводя взгляд.

— Хорошо, — согласилась я.

Мы прошли еще несколько минут, сделав большой крюк вокруг башен. Долго пробирались по тропинке среди деревьев, пока вдруг из листвы не вынырнули домики — пара десятков строений, соединенных тропинками и утопавших в цветущей лаванде, кусты которой обступали каждое из жилищ. Над цветами летали тучи радужных бабочек, и лишь приглядевшись, я заметила, что еще сотни насекомых облепили стволы окружающих лагерь деревьев, — почти прозрачные голубые крылья сливались с корой.

Бабочки-глашатаи. Они реагировали на темную магию, меняя свой цвет. Когда вблизи появлялось порождение Серого мира или даэв тени, их крылья алели, словно свежая кровь.

Наша группа подошла ближе. Домики первогодок стояли особняком, и на двери каждого виднелась табличка с именами. Остальные проследовали дальше, а мы остались. И когда мы поднимались по ступенькам на крыльцо, Айвен сокрушенно прошептала:

— Только не это! — Она прочла имена на двери с нескрываемой обреченностью. — Почему Флер? Почему она?! — спросила, требовательно повернувшись ко мне. И, не дожидаясь ответа, вновь скривилась, глядя на табличку. — Думала, хоть здесь избавлюсь от нее.

Я же открыла дверь, уже понимая, что весь следующий год нас ждет череда препирательств. Флер была из тех, кого называли поцелованными богиней, — удачливая, красивая и немного интриганка. Пусть она не так умело управлялась с мечом, зато была одаренным сомниумом. Ее многие любили, и так повелось, что часто сравнивали с Айвен, — думаю, именно это в первую очередь выводило последнюю из себя. А Флер отвечала ей тем же.

Вот и теперь, мы даже не успели перешагнуть порог, как за нашими спинами послышалось:

— Мы, оказывается, соседки.

Дэва смотрела на меня и полностью игнорировала Айвен, которая мгновенно вскипела, реагируя на чужое пренебрежение. Я не стала влезать в их вражду. Даже когда обмен любезностями затянулся, спокойно прошла внутрь, понимая, что обе в некой степени получали от стычки удовольствие.

Айвен упрекала Флер в двуличии и, возможно, была права. Но я знала, что и сама девушка говорила это из зависти. Они просто не сошлись характерами, вот и все.

Из пожитков у меня с собой была лишь одежда, с десятков книг и меч. Все остальное — писчие принадлежности, предметы гигиены, лечебные мази, уже находилось в комнате. Едва разложив вещи, я сразу вышла наружу и вместе с несколькими даэвами из своего ордена отправилась в Башню Света — доложить о своем прибытии и получить первое расписание.

— Такого ты и представить не могла, верно? — поинтересовался Фредерик, как и я, рассматривая башни. — Вон та, — показал он, — теневая. Но ты, думаю, и сама догадалась. Ее сложно с чем-то перепутать.

В этом он прав. Башня оказалась сложена из черного камня, с такой же темной черепицей на крыше, железные козырьки с пиками на краях накрывали каждое из многочисленных окон, а единственным ярким пятном на строении был мох, разросшийся до невиданных размеров. Он с завидным упорством отвоевывал себе все больше пространства.

— Но наша красивее и уютнее, — добавил брат, устремляя свой взор на соседнюю башню цвета песка с южных морей. В фасаде ее я заметила лестницу, вырезанную прямо в камне и спиралью опоясывавшую строение, достигая самых верхних этажей.

Я еще никогда не встречала столь чудного места. Обе башни выглядели такими высокими и неуклюжими, что казалось чудом то, что они до сих пор не обрушились. Возможно, несколько мостов, выстроенных между двумя «сестрами», и являлись той неведомой опорой, благодаря которой они поддерживали друг друга.

Но не только это заставило застыть на месте и не позволяло ступить и шага. Если воздушные коридоры соединяли две постройки поверху, то внизу их разделяла настоящая пропасть — узкое и непротяженное ущелье выглядело так, будто его создали огромным мечом, пронзившим землю.

Академия Снов словно выражала всю суть отношений между теневыми и светлыми даэвами одним своим видом. Неприязнь и взаимопомощь.

Ни одна из сторон не могла позволить, чтобы учебное заведение находилось во владениях Акракса или Исонии. Именно поэтому клочок земли Третьего королевства передали Феросии, королевству водных драконов — так ее называли за многочисленные портовые городишки на западе и оживленную торговлю с Сент-Морьеном. Срединное королевство считалось нейтральной территорией, на которой не главенствовал ни один из орден.

Вскоре мы наконец отправились в светлую башню, пересекая изумрудное поле, отделяющее здание академии от леса. Внутри нам сразу встретилась лестница, а на каждом этаже будто приветствовала

древняя статуя даэва-воина. Каждое изваяние немного отличалось от другого — разные лица, мелкие детали в одежде и меч, что неизменно то висел на боку, то был зажат в каменной руке.

Я осталась на одном из нижних ярусов, а брат поднимался выше — мы договорились подождать друг друга на улице, когда все закончим.

По обыкновению, к ученикам прикреплялся наставник, к которому следовало обращаться в случае каких-либо проблем. Именно он отвечал за тебя и твою магию, поэтому неудивительно, что моим наставником стал эмпат. Все три года обучения он будет приглядывать за мной, помогать развивать дар и готовить к итоговым испытаниям в конце каждого курса.

Получив расписание, я стояла на лужайке, дожидаясь брата. Мимо проходили ученики, кто-то обнимался в честь долгожданной встречи, повсюду царило воодушевление. Некоторые даэвы были мне знакомы — мы виделись с ними в лагере у озера Спокойствия. И я едва кивала, чтобы поприветствовать их.

Обычная вежливость, и только.

Взгляд то и дело касался ущелья. Когда я смотрела вниз из окна светлой башни, то не увидела дна, лишь чернеющую бездну. И, к сожалению, что там, на дне, я никогда не узнаю — правилами Академии Снов запрещено спускаться в ущелье.

— Сара! — вдруг окликнули меня.

Этот громкий голос с характерными нотками веселья заставил меня вздрогнуть и застыть на месте, потом медленно-медленно повернуться, чтобы увидеть фигуру метрах в двадцати. Парень махал мне и, судя по всему, улыбался. А когда понял, что я его заметила, то во всю прыть припустил ко мне.

«Люций. Люций Моран», — вспыхнуло в голове. Это имя словно проклятье или неизлечимая болезнь.

Сердце подпрыгнуло к горлу, точно от испуга. Я засуетилась, не зная куда бежать, взгляд заскакал из стороны в сторону. Я развернулась спиной и торопливо направилась к тропинке, что вилась змеей от светлой башни и терялась среди деревьев в лесу.

— Са-ра! — послышалось вновь, а я прибавила шаг.

Я не понимала, почему бежала, но и прекратить этого не могла. Зато догадывалась, как выглядела со стороны, и поэтому желала

провалиться сквозь землю. Кто бы мог подумать, что такая мелочь в виде даэва тени может ввергнуть меня в панику!

Догонялки длились около минуты. Люций никак не отставал, и все больше даэвов наблюдало за этим постыдным действием — ученица самого крупного светлого ордена убегала со всех ног от юноши из теневого. Последний, стоило обернуться, вновь начинал звать и навязчиво махать рукой.

В какой-то момент я пришла в себя, осознав всю абсурдность происходящего.

Стоп! Хватит!

Резко остановилась, словно прирастая к месту. А через мгновение в спину врезались. Мы оба упали. Я — грудью вперед, едва не уткнувшись лицом в землю, а Люций сверху, врезавшись подбородком в мое плечо. Темные и светлые одежды перемешались.

Люций скатился с меня и рассмеялся, я же перевернулась, одергивая мантию, — она новая, одна из тех, что мне подарили по случаю восемнадцатилетия. Но теперь бело-голубая ткань испорчена — повсюду виднелись зеленые пятна от травы.

Я смотрела на них, не отрывая взгляда.

Поджала губы. Выдохнула.

«Не случилось ничего страшного...» — сказала самой себе. Но все равно меня пробирала дрожь от неожиданной волны гнева. Я так берегла этот наряд! Это подарок Долорес, бабушки Фредерика. И надела я его лишь по случаю первого дня в Академии Снов.

Моран что-то болтал. Спросил, почему я его игнорировала, а у меня в голове вспыхнул лишь один вопрос: «Ты разве не понимаешь, что я не хочу даже разговаривать с тобой?»

Его волосы немного отрасли и будто стали еще белее. Он беззаботно провел пятерней по ним, зачесывая назад.

— Извини. Не успел остановиться. Но и ты тоже хороша, кто ж так убегает и останавливается внезапно? Я ведь уже было решил, что мы в догонялки играем, — с укором покачал головой Моран.

Весь его вид говорил, что в произошедшем виновата лишь я одна. Даэвы вокруг шептались. Держались в стороне, но все равно судачили. Еще бы — светлая дэва и теневой див мирно сидели на траве и болтали посреди дня!

Именно наше соседство вызывало вопросы. Стоило лишь обвести поляну взглядом, как в глаза сразу бросалась одна особенность — обе стороны держались друг от друга на расстоянии, будто опасаясь переступить невидимую границу.

Я быстро встала на ноги, сохраняя невозмутимый вид.

— Эй, куда ты? — спросил Моран.

— В свою комнату, — зачем-то ответила ему.

— Подожди. — Люций поднялся следом за мной и степенно пошел рядом.

«Он стал выше», — пронеслось в голове в перерывах между раздражением и думами над тем, зачем я понадобилась парню, чинно заложившему руки за спину и шедшему по пятам. На его поясе, расшитом серебряными нитями, висел меч из темного металла, который совсем не отблескивал на солнце и даже будто, наоборот, поглощал его лучи.

В прошлую нашу встречу, с которой прошло целых два года, див был ниже меня на пол-ладони, не меньше, а теперь мы поменялись местами.

Мы шли по дорожке до самой кромки леса. Я гадала, когда же он отстанет, а Люций вертел головой, осматривая округу, будто был на праздной прогулке.

— Я хотел извиниться, — вдруг сказал он. В этот раз тон юноши был серьезен, без веселых ноток, что обычно прослеживались в любой фразе, когда-либо сказанной им.

Я замерла, недоуменно нахмурившись.

— За что?

Предположений было море, начиная от наказания, что мы отбывали вместе в лагере, и заканчивая недавней погоней и падением. Пусть мы не встречались так долго, но прошедших двух лет словно не было. Словно я перешагнула их, толком не заметив, и очнулась лишь теперь.

Он смотрел на меня, а я почувствовала его изумление. Отголоски его эмоций достигали меня едва ощутимой волной.

Игра в гляделки продолжалась еще некоторое время, пока Моран не спросил:

— Ты правда не понимаешь? Я про тот случай в лесу. Если бы мы не бросили тебя, ты бы не оказалась в смертельной опасности.

«Так он об этом...» — Теперь и мною овладело легкое удивление.

— Тебе не надо передо мною извиняться. Я сама виновата в том, что позволила себя схватить. — Я отвернулась, глядя на темнеющий рядом лес. — Этого больше не повторится.

Мой голос прозвучал сухо. Но в то же время я заметила, что события прошлых лет действительно не вызвали у меня негодования.

— Сара... — раздалось вновь негромко.

Каждый раз, когда он звал меня по имени, внутри будто что-то переворачивалось.

— Сара, Сара, Са-ра...

— Что? — не сдержавшись, обернулась.

Моран склонил голову, сложив руки на груди и изучая меня взглядом сверху вниз.

— Тебе надо уметь отпускать себя, — вдруг заявил парень, а я вновь нахмурилась, тем самым заставив его улыбаться.

Я сделала шаг к тропинке, собираясь уйти.

— Подожди! — Люций схватил меня за рукав испорченной мантии. Я уже успела позабыть о последнем. — Я возмещу стоимость твоего халата, — невинно и в то же время небрежно сказал тот. Я еще никогда не слышала, чтобы мантию называли халатом.

— Не надо, — отрезала я, пятась и видя, как соскальзывает бледная ладонь с моего плеча. Краем глаза заметила фигуру, спешащую к нам. Повернулась, наблюдая, как блестят, словно настоящее золото, волосы Фредерика на свету. — Мне пора.

— Да, конечно, — неожиданно покорно согласился даэв и расслабленной походкой направился прочь.

Я смотрела ему вслед, надеясь, что инцидент исчерпан. Он сделал что собирался — извинился, больше причин для разговоров не осталось.

— Кто это был? — рассеянно поинтересовался Фредерик, не разглядев Морана.

— Да так, ерунда, — отозвалась я. — Идем.

Брат оглянулся на меня с подозрением, но совсем скоро расслабился.

— Что с твоей мантией?

— Я... упала.

— Упала? В самом деле? — с сомнением посмотрел он на меня и добавил: — Похоже, даже тебя может выбить из колеи новая обстановка.

— Наверное... — растерянно проговорила я.

Месяц пронесся быстро, за чередой занятий я не замечала, как мчится время. Ночи стали холоднее, а по утрам часто моросил мелкий дождь. И все чаще лес утопал в плотном, точно молоко, тумане.

На первый курс в этом году поступило тридцать даэвов — четырнадцать светлых и шестнадцать темных. Совместные занятия пока выпадали редко, но с каждой неделей их количество росло, и скоро, по заверениям преподавателей, в расписании их будет большая часть.

Я даже не знала, радовало меня это или нет...

Я смотрела, как наставник прохаживался около карты, висевшей на стене. Чернильные линии скользили по пергаменту, обозначая материки, острова, моря и океаны. Но в первую очередь бросался в глаза огромный портал, обрамленный Ограждающими скалами. Его изображали в виде водоворота. Возможно, так он вызывал меньше страха, чем обширное пятно тьмы посреди воды.

— Даже несмотря на то, что куполу над расколом насчитывается много сотен лет, Затерянные острова остаются для нас недостижимыми. Серая энергия, захватившая их, изменила здешнюю природу. Существа тоже подверглись влиянию. Они видоизменились и стали крайне опасны. Большинство отрядов, когда-либо отправлявшихся туда, так и не вернулись. В последние десятилетия никто из ныне живущих не плавал к тем берегам, ведь поистине считается, что это путешествие подобно самоубийству. — Мужчина остановился и окинул притихших учеников взглядом.

Все, что касалось раскола, всегда вызывало трепет. Сколько бы раз ты ни читал и ни слышал о нем, каждый раз ощущал, будто твоя голова на плахе. Ведь прошло столько лет, а даэвы так и не нашли способа его закрыть.

Моя рука замерла над пергаментом, а с пера сорвалась капля чернил, когда один из светлых дивов задал вопрос:

— Наставник, какую из историй о сотворении портала вы считаете наиболее правдивой?

Див прочистил горло, задумчиво отводя взгляд, и ответил не сразу.

— Этого вам, юноша, никто не скажет наверняка. Прошло так много лет, что стало невозможно отличить истину от выдумок. Но, на мой взгляд, легенда о кристаллах имеет право на существование. Возможно, мастера прошлого создали нечто такое, что сами не понимали. За что и поплатились.

Все с самого детства слышали эти истории. Три пары кристаллов, где один открывал портал, другой закрывал.

Натан вновь вскинул руку, и учитель с неохотой дал ему слово.

— Вы упомянули мастеров... Но как же сердца богов?

На лице мужчины появилась снисходительная улыбка. Он ожидал этого вопроса.

— Юноша, вы слишком молоды, поэтому свойственны романтизировать. Впрочем, как и многие сотни людей и даэвов до вас. История о сердцах — просто сказка. Интересная, увлекательная, но все же выдумка, — заявил преподаватель, вновь выхаживая у карты.

«Перед исчезновением боги света и тени оставили в Дэвлате свои сердца. В знак того, что их любовь навсегда принадлежит нашему миру», — вспомнила я легенду. Существовала подобная история и о нашем народе. Неудивительно, что у многих эти рассказы вызывали улыбку.

Среди людей особую популярность снискала другая версия случившегося — богиня света и бог тени в знак любви обменялись своими сердцами, но они были очень ревнивы и раз за разом копили обиды, до тех пор, пока однажды не разбили сердца друг друга на множество осколков. Так и появились три пары кристаллов — один разрывает ткань мира и призывает серую энергию, а другой ее умиротворяет.

Даже если и выдумка, но красивая.

Хотя к чему такая любовь, что причиняет боль? Правда, по мне, никакая не нужна...

Неожиданно раздался глухой хлопок, и я посмотрела в окно. По каменному выступу скакала маленькая птичка, сотканная из тьмы. Увидев, что я ее заметила, она еще резвее начала прыгать за стеклом. Дымные росчерки темной магии оставались позади нее, не поспевая за существом.

Мне даже не пришлось гадать, кто настолько дерзок, чтобы вторгаться с тeneвым колдовством в светлую башню. Я беззвучно,

одними лишь губами приказала: «Прочь». Отвернувшись, убеждаясь, что создание не привлекло ничье внимание, а когда посмотрела в окно вновь, птицы и след простыл.

— Мы живем в самое спокойное время, порождений стало намного меньше, чем было еще несколько веков назад. Раньше далеко не все доживали до конца обучения... — тем временем говорил наставник, провоцируя тревожную тишину.

Они умирали...

В Академии Снов юные даэвы отправлялись на свою первую охоту — уничтожение проклятых предметов и прочей нечисти. Многие мечтали сразу же наткнуться на ревенанта, даже не представляя, насколько это на самом деле опасно.

Их сжигало нетерпение.

— Учитель, а если предположить, что когда-то появится еще один раскол?

Вопрос вызвал осуждение. Учитель остановился, перестав мерить шагами комнату, и я даже ощутила отголоски его недовольства и возмущения. Если бы спрашивал кто-то другой, а не Натан Страйд, который принадлежал к тому же ордену, что и мужчина, наверное, он бы не сдержал гнева.

— Нам не стоит о подобном вообще заговаривать. Все равно что спрашивать, что будет, если небеса рухнут на землю, — проворчал див. Но, наткнувшись на внимательные и требовательные взгляды, страж вынужденно продолжил: — Над первым порталом раскинулся купол, что удерживает внутри себя практически всю энергию Серого мира. Но если появится второй, и над ним не будет никаких преград... то, вероятно, рано или поздно мы все умрем, — быстро завершил он.

Пространство наполнилось тревогой, но длилось это недолго. Все поспешно осознали, что сказанное вряд ли когда-то произойдет, по крайней мере, не на их веку, и совсем скоро успокоились. Занятие пошло своим чередом.

Поднявшись, я взяла перо и, прижимая к груди скрепленную нитками на корешке тетрадь, покинула аудиторию. Прошедший урок вызвал смутное чувство тревоги, и я слишком погрузилась в себя, поэтому не услышала, как меня позвали.

— Сорель. — Натан нагнал меня, преграждая путь.

Я посмотрела на него, ожидая объяснений.

— Извини. Ты не откликнулась. Пойдем на следующее занятие вместе? — предложил Страйд. — Если ты, конечно, не против.

Когда-то давно Фредерик подтрунивал надо мной, обвиняя в том, что я мало с кем сохраняю теплые отношения в обители.

— Посмотри на Айвен... — приводил пример брат. — Она подружится с кем угодно... Правда, с кем угодно, кроме Флер!

Див рассмеялся, а я слабо улыбнулась в ответ. Но потом, убедившись, что мы одни, все же призналась:

— Фредерик, не думаю, что я в этом нуждаюсь. Я не могу постоянно ограждать чужие чувства, а когда кто-то... слишком близко... Я становлюсь восприимчивее к их ощущениям. Одно дело, когда эти чувства направлены на незнакомцев, и совершенно другое, когда на меня или на моих близких. Сложно как ни в чем не бывало разговаривать с кем-то, зная, что каждое твое слово его раздражает. А я не могу изготавливать ограничители моей магии для каждого. — Я замолчала, а потом довольно легкомысленно добавила: — И к тому же мне быстро становится с ними скучно.

Мы вновь улыбнулись друг другу в тот момент. Вот только никто из нас двоих не был искренен.

Но с тех пор прошло года три, не меньше, многое изменилось, и я стала лучше контролировать свой дар. Поэтому, недолго думая, согласилась.

— Я слышал, что ты уже встречалась с ревенантом... — сказал Натан, пока мы шли по коридору.

— Откуда? — Я не сразу поняла, о каком именно случае говорит юноша, и, сохраняя спокойствие, просчитывала, каким образом он смог раздобыть эту информацию.

— Тогда случился огромный скандал. Только глухой и слепой мог не узнать. Монстр у границ лагеря, впервые за столько лет!

Я расслабленно выдохнула, как вдруг по коридору прокатился грохот, переполошивший всех на этаже. Мы с Натаном переглянулись и ускорились, завернули за угол, едва не споткнувшись об осколки разбитой статуи, что некогда возвышалась у самой лестницы. Каждый этаж, подобно стражам, охраняли изваяния почивших воинов, и то, что теперь осколки одного из них лежали у наших ног, — плохой знак.

Некто намеренно разрушил ее. Точно объявил войну...

Вокруг собиралось все больше народу, поднимался шепот. Лица ожесточались. И когда кто-то обвинил теневых даэвов, он словно дал сигнал остальным. Теперь никто не скрывал своих мыслей.

Между светлыми и теневыми даэвами всегда были напряженные отношения, хотя они и не выходили за пределы мелкого соперничества... но статуи воинов — история, дань уважения. Разбить такую — все равно что потоптаться на чужих костях.

Роптание прервалось учителем, появление которого заставило всех расступиться. Наставник Прауд несколько секунд пораженно смотрел на осколки. Воцарилась тишина.

— Кто это сделал? — повис в воздухе вопрос.

— Мы не знаем. — Эти слова принадлежали Натану. Другим было нечего добавить, и совсем скоро Прауд разогнал всех, отправив на занятия.

Руки преподавателя были облачены в перчатки — нередко одаренные эмпаты делают так, чтобы даже случайно ни к кому не прикоснуться.

Даэвы расходились, а я медлила, смотря на задумчивое лицо мужчины. Натан позвал меня по имени, а я сделала несколько шагов к наставнику, который заметил меня не сразу и поднял взгляд, лишь когда я оказалась близко.

— Учитель, может, вам помочь? — спросила я.

Он неожиданно попятился. Потом, спохватившись, замер, принимая непринужденный и строгий вид.

— Благодарю, Сорель, но нет. Идите на занятие. — И мне ничего не оставалось, кроме как подчиниться.

Лоуз Прауд — мой личный наставник в Академии Снов, и я правда полагала, что ему пригодилась бы моя помощь.

Мы с Натаном спускались по лестнице, парень то и дело качал головой.

— Надо же так. Теневые даэвы совсем совесть потеряли.

Я некоторое время молчала. И лишь когда он продолжил обвинять другую сторону, сказала:

— Пока нет доказательств, лучше воздержаться от обвинений.

Он замолк и даже остановился. Он не пытался спорить, но пока удалялась, я чувствовала на себе его взгляд.

Глава 10. Исчезнувший орден

Люди — наша сила и слабость, ведь сталь закаляется в бою.

Если истребить род людской, выживем ли мы?

Если надобность в нас пропадет, не канем ли мы в небытие?

*«Записи исчезнувшего Ордена
Хранителей». Библиотека города Турис*

Академия Снов, тридцать один год назад...

Воспоминания Сары

Библиотека в Академии Снов находилась под землей, два туннеля отделялись от обеих башен и после того, как огибали ущелье, сходились в один, что вел в подземный зал. В котором столы выставлялись во всю длину помещения и отгораживались друг от друга книжными шкафами.

Минул месяц с тех пор, как разрушили статую на этаже. Виновных так и не нашли. Понемногу это событие стало забываться, будто ничего и не случилось. На улице каждый день лили дожди, а пронизывающий ветер все чаще вынуждал накидывать плащ. У меня появилась привычка в свободное время спускаться в читальню и просматривать хроники, написанные некогда зрителями библиотеки. Они были куда обширнее тех, что велись в моем ордене, и часто попадались сноски на другие книги, где о событии рассказано подробнее.

Я могла много часов без отдыха перелистывать страницы, пока крупы пыли, кружась в свете ламп, мирно танцевали в воздухе. Но даже в таком месте пахло лавандой — сухие сплюснутые веточки часто попадались меж плотных страниц. Иногда на книгах даже встречались печати, светящиеся голубым либо красным. Еще одно свидетельство тихой войны.

Знаки защищали знания светлых и теневых друг от друга. Не позволяя заглянуть на страницы, написанные когда-то даэвом той или иной стороны. Их самовольно наносили ученики академии. Но

символы быстро теряли силу и портили переплет. И тех, кого все-таки ловили с поличным, заставляли отрабатывать несколько вечеров напролет в этом месте.

Вдруг на страницы прямо у корешка хроники приземлилась бабочка. Крылья глашатая были алыми, но начинали просвечивать, меняя цвет на грязно-голубой, и я медленно подняла голову.

Я ощутила его присутствие еще около десяти минут назад, и с тех самых пор Люций сидел напротив и смотрел, прекрасно понимая, что отвлекает.

— Понравилась? — улыбнулся Моран.

Бабочка вновь вспорхнула, а потом медленно опустилась на пустой лист, зажатый между пальцами дива, и, сливаясь с ним, исчезла, превратилась в тонкий росчерк крови на пергаменте. Печать последний раз вспыхнула и потухла.

— Как ты это сделал? — Я чуть подалась вперед. Спohватившись, вернулась в прежнее положение.

В глазах Морана вспыхнули искры. Он был доволен.

— Сам придумал.

Его ответ меня удивил. Одно дело просто использовать знаки, и совсем другое — разбираться в их структуре и создавать нечто новое.

Меня охватила неловкость. Обычно рядом с Люцием я только и занималась тем, что успокаивала себя и ругала его. Это стало настолько привычным, что, даже когда наступило время признать чужой успех, я не могла произнести ни слова.

Див будто угадал мои мысли, и уголки его губ поднялись еще выше. На самом деле за прошедшие пару месяцев мы разговаривали всего несколько раз. Каждый раз Моран сам бесцеремонно увязывался за мной. И почти всегда он был просто невыносим.

Чего стоил только тот случай, произошедший около двух недель назад.

Я обедала в одиночестве. Второй курс, на котором учился мой брат, в последнее время занимался изысканиями для будущей охоты — вместе с наставником они обходили близлежащие населения, расспрашивали народ, отыскивая подозрительные случаи смерти. Любые признаки энергии Серого мира. В такие дни я всегда оставалась одна. Ближайший ученик сидел от меня через стол.

Я наслаждалась тишиной и спокойствием. Как вдруг рядом сел Моран. Развернулся полубоком, укладывая локоть на стол и подпирая щеку ладонью, посмотрел на меня задумчиво и весело, а я уже знала, что означает этот взгляд, — он задумал очередную издевку.

И когда он открыл рот, мне оставалось лишь поразиться, как с такой уверенностью можно говорить подобную чепуху.

— Ты знала? Говорят, если теневой даэв сорвет с головы светлого волос и обвяжет им эфес своего меча, то это принесет благословение в охоте на монстров...

И все бы ничего, если бы Люций не решил сразу исполнить сказанное, протянув руку.

Я отклонилась, ускользая от его ладони, но див даже не подумал сдаваться. Всего несколько секунд, и я уже лежала спиной на скамейке, а парень едва не забрался на меня. Мы одновременно осознали произошедшее. Я, яростно дыша, поджала губы. Я чувствовала эмоции Морана — он был удивлен, и в то же время его веселило, что все сложилось таким образом.

Он вскинул руку, дернул и непосредственно сказал, сжимая мой волосок:

— Вот и все. А ты боялась.

Его слова стали последней каплей. Я закипела. Следующие события казались донельзя абсурдными — Люций скакал от меня через лавки и столы, а я преследовала его с мечом в руке.

После этого нам назначили наказание. Я обновляла магические печати в Светлой башне, а он — в Теневой. И на это ушла почти неделя упорного труда.

Я опустила взгляд, вновь скользя по строчкам в фолианте.

«Ему станет скучно, и он уйдет», — решила в конце концов. Я ощущала себя бессильной и совсем не понимала, как с ним бороться. Применять магию нельзя, как и силу, а о банальных нормах приличия Люций будто и не слышал.

Я никак не могла разрешить эту задачку. Мне будто чего-то не хватало.

Скоро я сосредоточилась на чтении, забыв обо всем вокруг, а когда спустя час пришла в себя, с удивлением осознала, что Моран никуда не ушел. Он сидел, а в его руках была книга, судя по завиткам на обложке, написанная на языке старых королевств.

— Ты знаешь фарсидский?

— Да. В моей семье обучают ему с детства, — ответил он, не отрывая взгляда от страниц.

Теперь я поняла, почему он смог сотворить новую печать. Считалось, что именно фарсидский — прародитель всех магических символов. Они созданы на его основе.

Невольно я позавидовала. Вряд ли у меня когда-нибудь появится возможность изучить древний язык. Подобные знания каждая семья держит в тайне, чтобы сохранить преимущество перед другими.

— Что означает знак на обложке? — Неприметный оттиск был прямо на корешке — три круга разных размеров, заключенные друг в друга и пересекаемые одной линией наискосок.

В библиотеке ордена Сорель я ни разу не видела подобный рисунок на книгах, а здесь, в Академии Снов, встречала уже трижды.

— Знак ордена, которому раньше принадлежали эти труды. — Моран с интересом поднял взор.

Я молчала, делая свои выводы. И так все было ясно — если книги находились здесь, значит, прежних их хозяев не осталось на землях Дэвлата. Подобное часто случалось — исчезали одни, появлялись другие. Но зачастую это касалось мелких орденов, что не успели набрать силу. А тот, чей оттиск значился на обложке, вряд ли был таковым — не все могут позволить себе содержать большую читальню.

Мой взгляд вернулся к хроникам, но как раз в этот момент со стороны послышалось копошение — кто-то двигался в нашу сторону. Их было несколько. И они переговаривались, будто находились не в библиотеке, а на базарном дворе.

— Не пихайся ты... Тихо! — донеслось шиканье, и парочка дивов показалась из-за шкафа. Один висел на другом, обхватив руками за шею в несерьезной попытке его задушить.

Рафаиль застыл в полусогнутом состоянии, а повисший на нем ослабил хватку. Я некоторое время изучающе смотрела на них и даже узнала последнего. Кажется, он был вместе с Люцием в тот день, когда мы столкнулись у границ лагеря. Див держался тихо, да и потом, когда напал ревенант, видимо, появился уже после того, как я потеряла сознание.

Уведя взор, я вернулась к чтению хроник. Меня ничто не должно отвлекать...

Но уже совсем скоро я поняла, что раз за разом перечитывала один и тот же абзац. Дивы не только не ушли, а еще и сели за стол рядом с Люцием, который, закрыв книгу, отложил ее на середину стола, ближе ко мне.

Меня удивляло то, как кто-то вроде него мог знать настолько древний язык. Это заставляло досадливо хмуриться, пока парни напротив негромко обсуждали занятие по снам.

Способность управлять снами — одно из главных отличий даэвов от людей. Мы можем заглядывать в видения друг друга и даже показывать их с помощью природных кристаллов — подойдет практически любой, лишь бы его цвет не был слишком темным, иначе ничего не разглядишь.

Но сомниумы могут еще и изменять грезы. Именно они возвращают людей на начальной стадии перерождения. Если человек не имел на душе тяжких грехов, его обращение может произойти лишь во сне, когда обычные видения заменяются кошмарами. И в этом случае даэву лишь надо повернуть процесс вспять, рассеяв влияние темной энергии.

— Сара, чего ты боишься? — Громко спросил Люций и, не дождавшись ответа, продолжил: — Слышал, что у нас будет общее занятие по снам, посвященное борьбе со своими страхами.

Мои пальцы чуть сильнее сжали хронику. Ему весело. А мне — ни капли. Для кого-то, может быть, поделиться своими кошмарами и пустяк, но не для меня.

Теневики шумели, и я уже начинала злиться.

Я все еще оставалась на своем месте, когда вдруг краем глаза выхватила светлые одежды, и заметила своего наставника, Лоуза Прауда. Мужчина приостановился в проходе, его внимание обратилось к нашему столу — от меня к Люцию и обратно.

Он был удивлен.

Я же встала на ноги, склоняя голову. Учитель приветствовал в ответ.

— Приятно видеть, что отпрыски больших орденов ныне имеют широкие взгляды, — сказал он, посмеиваясь. Его взгляд последний раз

мазнул по нашему столу, задержавшись на корешках книг, и наставник ушел.

Некоторое время я, озадаченная, стояла не шевелясь. В голове крутились мысли. Не только в словах, но еще и в отголосках эмоций мужчины я уловила пренебрежение. Будто я делала честь тeneвым, сидя с ними за одним столом. Его улыбка — ложь, а смех — фальшь.

Да, они мне не нравились. Но это было лишь личным предпочтением. Почему-то я думала, что Прауд не такой. Считала мужчину слишком умным, чтобы усложнять и без того нелегкие отношения.

На самом деле, по словам брата, раньше происходящее в академии совсем не напоминало вражду, а скорее соревнования. Вне занятий, по вечерам, ученики двух направлений даже проводили вместе время, но с тех пор, как кто-то стал рушить статуи на этажах, отношения сильно накалились.

Я медленно повернулась, собираясь сесть, и инстинктивно посмотрела на Люция. Серые глаза потемнели, но на губах змеилась усмешка. Див понял, что я тоже заметила.

Я не успела занять свое место, как появился еще один знакомый, — Натан куда-то спешил между рядов, но, заметив меня, остановился.

— Сара! Ты тоже здесь. Уже видела списки патрулиро... — Светлый вдруг споткнулся и полетел вперед. Я поймала его, схватив за плечи.

— Хм-м, спасибо, — сконфуженно поблагодарил он, оглядываясь.

Люций же качая головой, поднимал свой меч. Ранее, тот стоял, прислоненный к сидению, и Натан его сбил. Наверное...

Я с подозрением взглянула на Морана.

— Ладно, я пойду. Увидимся позже, Сара, — с хмурым видом сказал Страйд и тоже покинул нас, несколько раз обернувшись.

— Какой неуклюжий, — невинно заявил тем временем тeneвой див. — Что? Это правда было случайностью.

Я не пыталась разобраться и вновь подошла к столу, закрывая хроники. Начинала болеть голова. Обычно в библиотеке было тихо, и едва ли за весь вечер я встречалась хоть с кем-нибудь. Но этот день, кажется, решил разрушить все стереотипы.

Я, не прощаясь, убрала книгу и ушла, уже за пределами читального зала, столкнувшись с Фредериком. Он искал меня —

пришли письма из дома, и от нечего делать он отправился в библиотеку, чтобы отдать мне конверт. Мне оставалось лишь порадоваться, что я так вовремя покинула подземный зал.

Я часто просыпалась посреди ночи, вставала, иногда выходила на улицу подышать ночным воздухом. Глашатаи всегда кружили поблизости, льнули ко мне, опускаясь на плечи, руки, облепляя пальцы. И в подобные моменты крылья бабочек сияли чуть ярче — их пыльца мерцала, как сталь светлых клинков.

Айвен говорила, что я им нравлюсь. Смеялась над удивительной способностью привлекать насекомых. Но раз за разом мне казалось, что девушка не договаривала свои мысли.

Насекомых, а не людей...

Но несмотря ни на что, я никогда не чувствовала себя одинокой.

В этот раз, рассматривая темное небо, я вновь задумалась о своих снах. Почти каждую ночь мне снились кошмары, они так глубоко засели в моей голове, что никакой сомниум с ними не справится. Они проросли во мне корнями, опутали и ни за что не желали погибать.

— Ты снова не спишь? — Фредерик появился из ниоткуда — шел по тропинке, сжимая тонкие ручки двух дымившихся чашек, а из его рта вырывался пар.

Он поднялся на крылечко, одетый небрежно, в одну ночную рубашу и штаны, золотые волосы его лежали в беспорядке. Брат передал мне одну из чашек и ободряюще улыбнулся, спрашивая взглядом: «Не ждала меня, да?»

— Как ты их донес? — удивилась я, принимая чай. На душе стало теплее.

— Ловкость и аккуратность — это все про меня, — усмехнулся Фредерик, становясь рядом. Домик с кухонной утварью находился на другом конце лагеря, и он не поленился сходить туда в столь ранний час.

Улыбка против воли тронула мое лицо — немного, едва-едва. Но Фредерик это заметил. Мы несколько минут молчали. Пальцы крепко сжимали горячий фарфор, а бабочки, потревоженные приходом дива, летали вокруг, не спеша приближаться.

Брат посмотрел на них и покачал головой.

— В последнее время теневые совсем распоясались. Вещи пропадают, — произнес он серьезнее.

Я кивнула. Даже я уже слышала об этом. То и дело что-то исчезало из комнат. Это началось неделю назад, когда вновь разрушили статую в Светлой башне.

— Будь внимательнее, когда выходишь по ночам, — добавил юноша. — Хотя я знаю, это не за тебя надо беспокоиться... — Взгляд его опустился к Туманному — меч одиноко лежал на длинном ровном помосте у стены, что заменял сиденья и использовался для медитаций.

Фредерик повернулся, прислоняясь спиной к перилам.

— Девчонка таскается с ним день и ночь, знала бы, что так будет, — не отдала бы. Выбрала бы другой, — передразнил он скрипучим голосом. — Так ведь говорит моя бабка?

— Да, так. — Я сама не раз слышала это от нее. Раньше она часто меня ругала. Но это всегда было скорее старческим ворчанием, чем настоящим недовольством.

Я прекрасно помнила тот момент, когда впервые увидела клинок, закутанный в тонкое клетчатое покрывало, одно из тех, что было куплено отцом на рынке. Оно даже все еще пахло нашим домом — старой мебелью и травами. Больше мятой, чем лавандой. Отцу не нравился аромат этих цветов, что был, казалось, повсюду.

«Мы живем по совести, Сара. Так чего нам опасаться?» — не раз говорил он, уверенный в своей правоте. А я всегда гордилась, веря, что мой отец умнее остальных и сильнее всех на свете. Слепая детская любовь... Наши родители — наши герои.

Но совсем скоро я поняла, что он ошибался во всем.

— Меч был спрятан в вашем доме. Сталь чистая, еще не успела никого признать, — сказала в тот день бабушка Фредерика. — Человеку непросто найти такой клинок. Твой отец очень постарался, чтобы отыскать его для тебя.

В глазах старой женщины мелькнуло уважение. Она протянула руку, обтянутую тонкой, точно пергамент, кожей, с выступающими венами, и аккуратно, не касаясь самого оружия, пододвинула его мне.

— Возьми, девочка. Думаю, он не один раз спасет тебе жизнь.

Столько лет прошло, а я до сих пор в мельчайших подробностях помнила тот день. Часто вспоминала, особенно в такие моменты, как сейчас, по ночам.

Мы еще долго стояли с Фредериком, болтая о разном, обсуждая занятия, грядущие задания, — около двух раз в год ученики

отправлялись за пределы Академии Снов, чтобы набраться боевого опыта. Помимо этого даэвы каждую ночь обходили окрестности башен за пределами магической защиты. Одну неделю патрулировали светлые, другую — теневые дивы.

Вскоре на небе вспыхнула заря — багряно-оранжевый огонь прорывался сквозь неплотные облака. До подъема оставалось еще часа два, и мы решили разойтись, чтобы поспать.

Фредерик удалился, а я задержалась на крыльце, провожая взглядом его спину. На повороте брат обернулся и, продолжая идти спиной вперед, махнул мне рукой, в которой были зажаты две пустые чашки. Вдруг он споткнулся, едва устояв. Но одна из чашек вылетела из его пальцев. Еще немного, и она бы разбилась о выложенную камнем дорожку, но Фредерик поймал посудину краем ботинка, и фарфор отскочил в сторону, покотившись по траве и оставшись целым.

Брат сделал знак, говорящий, что все в порядке, и бодрой походкой, забрав потерянное, свернул за угол.

С каждой неделей становилось все больше совместных занятий с теневыми даэвами: сражение на мечах, уроки общей истории, изучение магических знаков и управление снами. Мы постоянно путешествовали из одной башни в другую. Строения все больше казались мне отражением друг друга, отличаясь лишь цветом стен и налетом безрассудства, что всегда царило в темной.

Наш поток — тридцать даэвов — оказался самым многочисленным в академии за последние годы. И поэтому в аудиториях было ровно столько мест, сколько необходимо. Каждый выбрал себе стол еще в первый месяц, и обычно, даже меняя классы, все сидели в привычных уголках помещения.

Кроме меня...

Вот и теперь, войдя в помещение с темно-серыми стенами, я на мгновение остановилась, осматриваясь. А после, ничем не выказывая недовольства, пошла дальше.

Мой стол уже занял Моран. И это случилось далеко не впервые. Обычно друзья дива поддерживали его, и сразу несколько учеников менялись местами. Приходилось либо дожидаться начала занятия, когда аудитория заполнится, либо следить, кто какое место занял и какой стул в конце концов остался свободен.

Это глупо и так по-детски. Но в то же время я постоянно ловила себя на мысли, что не могу прекратить этого, и поэтому принимала правила игры. Я хотела, чтобы Люцию просто наскучило, а не чтобы он в очередной раз посмеялся надо мной.

С каждым разом пересадок становилось все больше. Но я прошла и, не колеблясь, заняла один из столов. Раздались одобрителные возгласы.

— Сара Сорель... Ты удивляешь меня все больше и больше! — восхитился Моран, хлопая в ладони. — Не смотри на меня так. Я не умру от одного взгляда.

Див сидел через ряд от меня и выглядел донельзя довольным, словно выиграл приз. Как обычно, он болтал без умолку. Иногда мне чудилось, как он повторяет мое имя, даже когда Морана не было поблизости.

Вскоре помещение заполнилось. Люций замолк, но вовсе не от раздраженных взглядов, устремленных к нему с разных уголков кабинета, — в аудиторию вошла наставница. Стало настолько тихо, что слышны были лишь ее шаги. Эта женщина в возрасте, худая, точно жердь, с собранными в тугой пучок седыми волосами, уже не один десяток лет преподавала в академии. Все поднялись, приветствуя ее. Занятие началось.

— Сегодня мы будем учиться показывать свои сны, — сухо оповестила преподаватель, стаскивая ткань с природного кристалла на столе. Его грани красноватого оттенка блестели, отражая косые лучи солнца.

Я оцепенела. Но со стороны этого было не понять.

В воздухе плескалось воодушевление — многим порядком надоела теория, практические занятия выпадали крайне редко.

— Как вы знаете, когда прикасаетесь к кристаллу и тянетесь к своим снам, первыми всегда откликаются кошмары, — проговорила Анима Мерсер. — Мы, как и люди, запоминаем их лучше всего. Они задевают нас за живое, показывают потаенные страхи, которые мы не хотим признавать, и даже после пробуждения первое время мы еще находимся под их властью. На этом занятии главная ваша задача — показать хоть что-нибудь. Уже сегодня вы начнете лучше понимать природу снов. Я постараюсь научить вас по своему желанию являть другим свои видения, управлять ими, искать ответы на вопросы,

которые в реальности найти гораздо сложнее. Полностью овладеть наукой сновидений выйдет далеко не у каждого. Сомниумы находятся в заведомо выигрышной позиции, но и у остальных остаются хорошие шансы достигнуть в этом деле успехов.

Я сидела, уставившись на свои руки. В голове была путаница. Свои кошмары я не желала являть никому. Но выбора нам не оставляли. Не прошло и минуты, как первый ученик приблизился к наставнице, а потом второй и третий.

Кристалл мерцал. Его грани озарялись каждый раз, когда кто-то клал ладонь на поверхность. Преподавательница внимательно наблюдала, давая советы. И раз за разом беззастенчиво рассматривала отражение в поверхности.

— Руньян, вы... — протянула она, глядя, как миниатюрная фигура из сновидения мечется по сужающейся комнате. Вскоре она вовсе превращается в лаз, но и он продолжает смыкаться над телом даэва.

Секунда, две, и земляные стены обхватывают юношу так плотно, что он не может не только пошевелиться, но и дышать. Прежде чем это произнесла Анима Мерсер, я догадалась сама: его пугали тесные пространства.

Подавляющая часть присутствовавших в своих кошмарах спасалась бегством от какой-то опасности, один юноша тонул и не мог всплыть, у других в видениях мелькали монстры. Но не настоящие, потому как существа имели смазанные черты, додуманные воображением, — даэвы видели ревенантов и других перерождений тьмы лишь на картинках.

Рафаиль выглядел бледным. Дыхание с хрипом вырывалось из его груди. Но никто даже не думал над ним смеяться или говорить хоть что-нибудь. У всех были свои страхи, с которыми они боролись.

Эмоции однокурсников были настолько яркие и малоконтролируемы, что постоянно задевали эмпатов в комнате. От этого в помещении становилось душно, и казалось, будто сам воздух давил на плечи.

Наблюдая за тем, как даэвы проходят задание, я поняла, что многие даже не догадывались, какой именно сон отразится в кристалле. Одни и те же эмоции сменялись на их лицах: растерянность, удивление, испуг. А после завершения испытания они чувствовали себя опустошенными.

Но когда наступила очередь Айвен, поверхность кристалла заволокло густым дымом, что постепенно рассеивался. Девушка запаниковала. Оглянулась, краснея и смущаясь. И отпрянула, словно обжегшись, прижимая руку к груди.

Спустя мгновение я все поняла: в природном камне отразился облик ее матери...

Я сглотнула. Опустила взгляд к своим ладоням, покоившимся на столе. Раньше я чувствовала, как она ее боится и одновременно любит, но не думала, что все настолько далеко зашло. Кристалл показывал не просто опасения, а настоящие страхи.

Учительница сделала вид, будто ничего не произошло. Даже сложно представить, сколько всего она повидала.

Я проводила взглядом Айвен. Она села рядом, и я протянула руку, собираясь коснуться ее запястья и успокоить.

— Сара Сорель, вы следующая, — раздалось внезапно, и я отдернула ладонь, выпрямляясь.

Встала. Мой взор случайно упал на Люция — он ободряюще улыбнулся и подмигнул. Это на секунду отвлекло меня — я совершенно не понимала Морана. Порой некоторые его поступки противоречили всему, что я о нем знала.

Отвернулась и подошла к наставнице. В кристалле, искажаясь и танцуя на его гранях, отразилось мое отстраненное лицо без тени улыбки и холодный взгляд.

— Что, если у меня не получится? — спросила я перед тем, как повернуться к аудитории.

— Получится. У всех получается, — ответила наставница с непоколебимой уверенностью.

Я нахмурилась. Ее ответ заставил задуматься.

Вздохнув, я медленно коснулась прохладной поверхности. Она запульсировала, обдала теплом, которое вынудило мою руку пылать. Я попятилась, понимая: что-то не так. Я не собиралась показывать свои кошмары, но что-то будто насильно вытягивало их на поверхность.

Кристалл замерцал, внутри хаотично вспыхивали смазанные картинки. А в следующий миг я ощутила все то, что случилось много лет назад, будто это происходило вновь. Не так, как это бывает во сне, — блекло, лишь с оттенками прежних эмоций. Все казалось слишком

реальным. По лбу катился пот. Я находилась в своем собственном кошмаре.

Нет. Нет. Нет!

Я не хочу *это* чувствовать.

Я не хочу чувствовать...

В помещении раздался крик. Женский. Он звучал где-то на периферии сознания. Но кричала не я, а кто-то другой.

— Остановись! — Меня схватили за запястье, дернули.

И я вырвалась из оков ужасного сновидения. Ладонь пылала, а тело била мелкая дрожь и пробирал озноб. В горле пересохло.

В аудитории же царил хаос. Я увидела дэву, что, обхватив голову, тихо всхлипывала, несколько мест опустело, а дверь в коридор оказалась распахнута. Наставница смотрела на меня будто громом пораженная. Упираясь руками в крышку стола, она едва стояла, пошатываясь.

Рядом находился Люций — именно он отлепил мою руку от кристалла. Его дыхание было частым и поверхностным, лицо побледнело еще больше, чем обычно, хотя, казалось бы, куда больше.

Я потеряла контроль. Не сдержала свой дар. Все, что испытывала я, ощутили и они.

Усилием воли я взяла себя в руки. Было тяжело. Я едва справлялась с желанием просто сбежать. Но справилась, отошла от теневого дива, заставляя его выпустить мою руку. Глядя лишь на учителя, игнорировала чужие взгляды и ту гнетущую тишину, что будто заковывала меня в клетку.

— Извините за потерю контроля. Этого больше не повторится, — словно со стороны услышала свой голос — ровный, хрипловатый, он отскакивал эхом от стен. Склонила голову. — Я выйду.

Не вопрос, а утверждение.

Двинулась между рядами к своему столу, чтобы сложить принадлежности, и с той же непоколебимой уверенностью вышла прочь.

Но внутри я медленно умирала. Душа до сих пор трепетала от пережитых эмоций. За ничтожное время я точно сгорела дотла. Остался лишь пепел. Пепел после моего сна.

Я долго сидела, прислонившись спиной к каменному изваянию. Вокруг были лишь древние регалии, скрытые под стеклом, статуи в

нишах (в одной из таких я и спряталась) и голые стены.

Подземный лабиринт под Академией Снов, являлся необычным местом. Большинство ответвлений было перекрыто огромными железными дверьми с несколькими замками. На них постоянно обновляли печати, и твердую поверхность давно избороздили глубокие царапины. Ученики в этих коридорах практически не бродили, пользуясь лишь тем, что вел к библиотеке. Именно поэтому, это место показалось лучшим для того, чтобы побыть в одиночестве.

Камень охлаждал спину. Я медитировала. Случившееся не прошло для меня бесследно.

С кристаллом что-то сотворили, наверняка, поискав, я нашла бы на одной из граней следы колдовства. Поэтому все вышло таким образом.

Я выдохнула. Следовало вернуться. Даже из-за одного пропущенного занятия мне грозило наказание.

Поднялась, уже собираясь выйти из своего укрытия, как услышала разговоры и чужой смех, — кто-то направлялся прямо сюда, в хранилище светлых артефактов. Реликвии, собранные здесь, не магические, но являются частью истории.

Я спряталась обратно, стараясь слиться с холодным камнем. Неизвестные замолкли, но их шаги звучали все ближе — они вошли в комнату с артефактами.

— Она должна быть где-то здесь... — с энтузиазмом произнес юноша.

Мне не нужно было слышать дважды его голос, чтобы узнать его.

«Она?» — Я сильнее вжалась в стену.

На миг показалось, что он говорил обо мне. Но эта мысль была глупой, как ни посмотри, и я отогнала ее прочь.

— Так что ты все-таки ищешь, Люций? — спросил Коэн.

В отличие от своего друга, последний всегда казался суетливым и неуверенным. Худой, с блондинистыми волосами, отдававшими рыжиной, и по-женски смазливый лицом, он смотрел на Морана с обожанием и завистью. Коэн во всем хотел походить на Люция, которого воздвиг на пьедестал.

Не знаю почему, но эмоции этого дива вызывали у меня беспокойство. Вот и теперь я нахмурилась, силясь понять, что именно меня тревожило.

— Символ сгинувшего ордена. Они построили эту академию, но оттиск есть далеко не на всем.

— И зачем он? С каких пор тебя интересуют древности? — манерно протянул див.

Люций хмыкнул.

— Ну, вообще-то они меня всегда интересовали. — Моран стоял совсем близко. Его голос, казалось, звучал у меня прямо над ухом. — Просто древности есть разные. А в свете новых событий, эта точно стоит нашего внимания...

Руки юноши принялись шарить по статуе, скользя по ее плечам, шее, голове. Я задержала дыхание. Дважды див едва не коснулся меня, и в последний раз замер всего в нескольких миллиметрах от моего бедра.

— Люций, ты не это ищешь, — спас меня Коэн.

— О, точно. Молодец, Коэн. С меня выпивка, — радостно заявил Моран.

— Настойка на кедре?

— Ну, пусть будет настойка на кедре. Не сопьешься?

— Я же не один буду.

— А-а-а. Ну да, ну да. Как же ты без меня. Надо будет Рафаиллю с Блезом сказать. У меня как раз припасена одна бутылочка.

Я закатила глаза. Люций Моран, как всегда, в своем репертуаре.

— Так зачем ты искал этот символ? — невинно поинтересовался Коэн.

— Да так. Думаю, совпадение ли... — задумчиво проговорил Моран. — Я тебе сейчас кое-что расскажу, а ты сохранишь это в тайне. Все статуи, что были разрушены, имели на себе этот знак. И не только статуи, но и книги. Я сравнивал перечни в архивах, за последние пару лет пропало очень много фолиантов. Но на это почему-то обращают мало внимания. Мне кажется, что кто-то целенаправленно это делает. И теперь мне очень интересно для чего...

Я вспомнила библиотеку и труд, что держал в руках Люций. Это было несколько недель назад. Выходит, уже тогда он начал что-то подозревать?

Я была удивлена. Настолько, что едва не свалилась с каменного выступа, на котором стояла статуя.

— Ты ничего не слышал? — с подозрением спросил Моран.

Я зажмурилась, когда он двинулся ко мне.

— Нет, ничего. Это, наверное, крысы.

— Крысы? Здесь? Рядом библиотека, здесь не может быть крыс.

— Ну, тогда другая живность. Я как-то слышал писк в коридорах, а еще вой. Так завывало, что я поспешил убратсья прочь, — рассказал Коэн и обиженно продолжил: — Эй, не улыбайся. Я правду говорю! Если бы кто-нибудь слышал этот вой, то обязательно сегодня показал бы это в кристалле.

— Так ты же и слышал, — возразил ему див. Люций отвлекся, кажется, забыв о шуме.

— Ну, я — это я. Меня подобным не испугать. — Самомнению парня можно было только позавидовать. — Вот Сорель бы явно сбежала. Это же надо как ее пробрало на занятии.

По комнате прокатился смех.

Чужие слова меня почти не задели. Я знала, что так будет.

— Ты помнишь тот случай с ревенантом два года назад? — вдруг невинным тоном сказал Моран.

Веселье внезапно затихло.

— Д-да, — неохотно отозвался его друг.

— Тот монстр не испугал Сару. И даже если испугал, то не сильно, — заметил Люций, а я словно наяву увидела его улыбку. — А теперь задумайся, что же такое снится ей, раз вызывает настолько сильные эмоции. Это что-то явно похлеще обычного ревенанта... — И серьезнее добавил: — Поэтому я бы не спешил над ней смеяться.

Повисла тишина. Звучали лишь их шаги в пустой комнате и... мое сердце. Я вдруг поняла, что оно билось гораздо чаще.

— Сам-то издеваешься над ней постоянно... — спустя время негромко проворчал Коэн.

— Это другое, — беспечно отмахнулся Люций. — Ладно, вернемся к нашим знакам. Я нашел еще много предметов с этими символами. Скоро проверим мою гипотезу.

— А на вещах, которые воруют у светлых, тоже, что ли, это изображение?

— Вещи? А-а-а, нет. Это правда наши балуются. Слышал, второкурсники под шумок соревнование затеяли, кто больше стащит. Ученики из ордена Ликорис всех подначивают. — Люций вздохнул. — Ерундой маются.

«В кои-то веки у него правильные мысли в голове...» — подумала я, прикрывая глаза.

— Придумали б лучше что-нибудь поинтереснее. Много ума не надо воровать вещи из комнат. — Люций усмехнулся, а я поджала губы.

Горбатого только могила исправит...

— Идем. Я нашел что хотел.

Вскоре оба дива покинули комнату с артефактами. Я же вышла из укрытия и направилась к другой статуе, возле которой они, по моим предположениям, стояли. Мне даже не пришлось долго искать, символ обнаружился на внутренней стороне запястья изваяния — три круга, заключенные друг в друга и пересекаемые линией.

И чем больше я думала об этом, тем больше казалось, что Моран прав, — в Академии Снов что-то происходило.

Глава 11. Забота

Предназначение даэвов — помогать из тени. Появляться, когда в нас нуждаются, и исчезать, когда надобность пропадает. В противном случае мы погрязнем в людских заботах и стремлениях. Мы потеряем себя...

«Записи исчезнувшего Ордена Хранителей». Библиотека города Турис

Академия Снов, тридцать один год назад...

Сара

Когда второй и третий курсы одновременно отправились на задания, Академия Снов неожиданно опустела. Снаружи постоянно лили дожди, и с каждым днем звук воды из ущелья, разделявшего две башни, становился все громче. Он резонировал, многократным эхом поднимаясь наружу подобно раскатам грома. Даже сейчас я слышала непрекращающийся гул, что звучал будто отовсюду.

Держа поднос в руках, я села за стол, аккуратно развернув салфетку и положив ее на колени. Убрала назад волосы и подтянула рукава мантии чуть выше. Айвен и еще несколько дэв уже приступили к еде.

Мои соседки оживленно обсуждали предстоящее путешествие. В конце месяца, после возвращения старших учеников академии, мы должны были отправиться в Турис, тот самый город, что раскинулся около лагеря у озера Спокойствия. Пару недель назад там пропал человек — никаких следов местные жители не нашли, могло статься, что исчезнувший отправился в путь, никому ничего не сказав. Но наставники решили, что стоит проверить, и это задание отлично подходило первогодкам.

Поселение славилось всем, что так ценилось в мире даэвов: хорошим вином, большой старой библиотекой, что, несомненно, возникла там из-за близости к академии, водоемами, которые считали священными, и фестивалями. Последние устраивались по любому поводу. Только постоянных в год проводилось не менее двадцати штук.

И пусть Турис располагался на землях Феросии, все же до границ Акракса и Исонии рукой подать, и поэтому каждые выходные там собирався люд со всех трех королевств. Неудивительно, что будущий поход так взволновал всех. Особенно тот факт, что в даты запланированного путешествия вновь намечался какой-то праздник.

— Сара! — Люций появился рядом внезапно, заставив всех сидящих поблизости замолчать. Он сел рядом и только теперь заметил, что натворил.

Когда он меня окликнул, я как раз подносила ложку с бульоном ко рту, но рука дрогнула, и большая часть расплескалась по тарелке, подносу и моей мантии.

Вновь... Он мне запачкал уже вторую мантию. Это стало традицией.

— Извини. Я не специально, — примирительно поднял руки див. Я тяжело вздохнула, опуская столовый прибор. — Я хотел с тобой поговорить. Найдется минутка после? — Так и не дождавшись ответа, он с энтузиазмом продолжил: — Ну, тогда не уходи без меня. Это важно.

Моран улыбнулся. Поднялся, направляясь к своим. Односторонний диалог завершился так же быстро, как начался.

Всего мгновение, и его след простыл.

— И как он не понимает, что ты его на дух не выносишь? — фыркнула Айвен, провожая парня взглядом. — Вы как небо и земля. Неудивительно, что всегда что-то происходит, когда вы сталкиваетесь. Такой наглый. Слышала, что он спорил с наставником. Кто вообще спорит с наставниками?

— Рано или поздно его поведение вернется ему сторицей. Всегда так. Гнилая натура губит своего хозяина, — поддакнула ей соседка.

— А по мне, он не так прост, — осторожно проговорила другая дэва. — Не могу объяснить, но он умен и на мечях прекрасно сражается, а еще... кхм. — Девушка запнулась, понимая, что перегнула палку, и сразу же исправилась: — В общем, если бы я родилась темной, то, возможно, присмотрелась бы к нему. Ну а так, конечно, ужасно, что он к тебе прицепился. Сочувствую.

— Это не очень хорошее знакомство. Особенно в свете последних новостей, — заметила Ирис. — В одной из совместных охот погибли светлые, тогда как теневые отделались ранениями. Грядут разборки.

Произошедшее вызывает у всех вопросы. Говорят, на это время многие ордены затаились и пока не участвуют ни в каких совместных мероприятиях.

Она тревожно замолчала. Айвен выразительно поглядела на меня. Нам приходили вести из дома, и нынешняя ситуация сильно беспокоила. В былые времена студентов, чьи родители занимали видное положение в ордене, отзывали назад до тех пор, пока смута не прекратится.

За столом неподалеку раздался хохот. Айвен, вздрогнув, оглянулась и, поджав губы, осуждающе покачала головой.

— Я пойду, — сказала я, вставая из-за стола.

— Я тоже. — Айвен подскочила следом за мной.

— Правильно, что ушла пораньше и не стала его ждать, — когда мы отошли, сообщила дэва.

— Дело не в этом, — отозвалась я, выходя в коридор теневой башни.

Каждый год столовая переезжала то в один корпус, то в другой. Готовить в обеих башнях было слишком затратно.

— Ты не в духе. Все из-за письма из дома? — проявила проницательность Айвен.

Помедлив, я кивнула. Шумно вздохнула, пытаюсь унять беспокойство.

В послании из дома говорилось не только о тревожных новостях с последней охоты, но и, в самом конце, одним-единственным предложением, о том, что Долорес, бабушка Фредерика, вновь слегла. В последние несколько лет это происходило все чаще. Она лежала без сил, большую часть времени проводя во сне.

Все знали, к чему это ведет. Время ее жизни медленно, но верно подходило к концу. Сто тридцать пять лет считалось большим сроком, и даже по меркам даэвов Долорес была долгожительницей. Но разве для меня это имело значение?

Я чувствовала себя потерянно и много думала, казалось, анализируя даже самые незначительные события, что когда-либо происходили со мной.

Долорес обучила меня всему. Именно благодаря ей я стала частью семьи Сорель, куда меня привели после трагедии. В тот день женщина случайно зашла к врачевателям. Провидение это было или нет, но,

лишь взглянув на меня холодными, но мудрыми, успевшими многое повидать глазами, она будто все поняла. Поняла меня.

Не прошло и дня, как даэвы в целительском здании стали причитать о том, как мне повезло. Мне до сих пор казалось, будто, едва встретив Долорес, я сразу почувствовала, что она станет для меня кем-то важным.

Когда-то я прочла в книге, что у каждой души есть мелодия. Она становится громче, когда ты встречаешь тех, кто предназначен тебе судьбой. Родные, друзья, случайные знакомые. Тогда рассуждения автора показались мне глупостью. Теперь же я предполагала, что он имел в виду нашу интуицию и внутренний голос, что постоянно подсказывал нам верный путь.

— Не переживай, скоро ей станет лучше. Как и всегда... — неловко произнесла Айвен и, помолчав, попыталась сменить тему. — Как думаешь, когда вернется Фредерик? Он обещал привезти мне какой-нибудь подарок.

— Сорель! — Нас настиг Люций. Опередив, див запрыгнул на первую ступеньку лестницы. Тяжелые кованые перила, извивающимися линиями повествовали историю воина, который сражался с монстром и на последней ступени наконец его побеждал.

На лице Айвен отразилась сложная гамма чувств. Она предостерегающе глянула на меня.

— Еле догнал тебя, — светился добродушием Моран. — Добрый день, госпожа Ларак. Позвольте мне поговорить с вашей подругой?

Айвен опешила, явно не ожидая подобной вежливости. Она замялась, но под ожидающим взглядом Люция быстро сдалась.

— Конечно. — пробормотала она. Мне показалось, что она сама не поняла, как согласилась. И теперь выглядела куда более растерянной.

Подруга развернулась, видимо, собираясь вернуться в столовую, к остальным.

«Наглый лис», — пронеслась мысль. Я стала подниматься, преодолевая ступеньку за ступенькой.

— Премного благодарен, — послышалось позади, а уже через мгновение див догнал меня. — Сара, разве это правильно — убегать, когда мы договорились поговорить?

Издевательства Люция нередко имели нравоучительный тон. И именно поэтому выводили из себя.

— Мы не договаривались.

Моя фраза лишь рассмешила его. Он вновь обогнал меня и стеной вырос впереди, заставив остановиться.

— Уйди.

— Ты со всеми разговариваешь так односложно, или только со мной? Это привычка?

Я промолчала.

— Я хотел обсудить с тобой последние происшествия в академии.

Мой взор взметнулся к его лицу, на котором застыло хитро-снисходительное выражение.

«Догадался, что я все слышала тогда? — вспомнила я случай в хранилище светлых артефактов. — Но как?»

— Какие происшествия? — спросила невозмутимо.

— Ты ведь догадываешься, о чем я.

— Это дело наставни...

— Ты действительно веришь, что они быстро разберутся? — вздохнул он, складывая руки на груди и небрежно прислоняясь спиной к перилам. — С твоей способностью мы бы быстрее отыскали виновного.

В этот момент от него исходили легкие волны заинтересованности. Для Люция это была любопытная загадка, на которую так хотелось найти ответ.

«Даже если кто-то преследует свои цели, это не наше дело. Наставники разберутся», — про себя решила я. Тем более предложение Морана походило на очередную уловку.

— Я не буду проникать в чужие чувства без позволения, — холодно отрезала я, поднимаясь дальше.

Да, меня достигали особенно яркие эмоции, но они были размытыми и нечеткими. Всего лишь показывали чужое настроение подобно тону голоса и выражению лица. Если целенаправленно копаться в них, все иначе.

— Почему же?

— Это слишком личное.

— Ты ведь не знаешь их мыслей. Это всего лишь чувства, которые предстоит еще правильно понять. Если тебе нечего скрывать, то и

поделиться эмоциями не будет проблемой, — рассуждал он. — Не так ли? Я, например, совсем не расстроюсь, если ты прямо сейчас прочтешь мои чувства.

Так легкомысленно... Он не ведал, о чем говорил.

Но я остановилась на ступеньке.

— Рано или поздно у тебя появится то, что ты пожелаешь скрыть от меня. Чем ближе общение, тем больше я начинаю понимать. Никто не пожелает постоянно быть открытой книгой.

— А как же твой брат? И эта девушка... Айвен? — возразил Люций, не теряя свой веселый настрой.

Я не ответила. И, отведя взгляд, проговорила:

— Я не буду вмешиваться. И тебе советую поступить так же. — Мой голос звучал строго. Перед тем как уйти, повинувшись внутреннему порыву, я добавила: — Если тебе есть что поведать наставникам, я могу сделать это вместо тебя. Ты привлекаешь слишком много внимания, как бы не случилось беды.

— Неужели ты беспокоишься за меня, Сара? — обрадованно спросил Люций, а я вздрогнула. Ведь правда, зачем я забочусь о нем?

— Нет. — Я повернулась и пошла прочь.

— А все выглядит именно так! — крикнул он мне вдогонку.

В этот момент Морана догнали друзья, в компании которых он поднимался по лестнице вслед за мной. Я почти забыла, что у нас совместное занятие.

— Перестал бы ты ее злить. Она точно когда-нибудь тебя зарубит, — тихонько предупредил Рафаиль, но я прекрасно его расслышала.

— Как она может зарубить друга?

Я прибавила шаг, увеличивая расстояние между нами.

На следующем занятии наставник затронул тему тайных знаний — у многих фамилий хранился в рукавах козырь, особенная магия, что возвышала семью над остальными. И я подумала, что знание Мораном фларканского языка как раз и является этим преимуществом.

Взгляд раз за разом невольно обращался к Люцию. И я вдруг поймала себя на том, что слишком много думаю о нем. Тот хаос, что он создавал вокруг себя, никого не оставлял равнодушным. Этим Моран вызывал симпатию у учеников академии. Он владел просто-таки мистической способностью располагать к себе всех и быть в центре внимания. Даже светлые дэвы в столовой, пусть и бранили его, но в

самом деле не говорили это всерьез. Пример Айвен оказался наглядным.

Люций обернулся, застав меня врасплох. Я порывисто отвернулась.

А буквально через несколько секунд на мой стол приземлился клочок бумажки. Это одна из многочисленных записок, которые я не открыла. И подозревала, что, даже открой я хоть одну, она оказалась бы пустой. Юношу, скорее всего, позабавило бы то, что я вообще к ней притронулась.

— Моран, — вдруг позвал наставник. — Я понимаю, что вы неровно дышите к Сорель, но хватит мусорить в моем кабинете.

— Что вы, наставник. Меня просто восхищает образованность и сила дэвы из ордена Сорель, — не смутился Люций.

— Хм, понятно. Но восхищайтесь не на моих занятиях.

Учитель продолжил лекцию, а я с усилием сжала перо, готовая провалиться сквозь землю. Смущение смешивалось пополам со злостью и досадой.

Прошел всего день, и до того как солнце скрылось за горизонтом в Академию Снов вернулась группа Фредерика. Они возвратились одними из первых. Обычно каждый курс делили на два-три отряда и таким составом отправляли на охоту в сопровождении наставника.

Тем же вечером я сидела в своей комнате на кровати, согнув ноги в коленях, и рассматривала книгу на древнем языке. Некоторые символы можно было отыскать в справочнике, но их оказалось всего пара десятков. Каждый знак имел свой смысл, который сразу менялся, стоило появиться даже едва заметной черточке. Я несколько дней искала труды о фларканском языке в библиотеке, но приходилось довольствоваться лишь крохами ничего не значащей информации. Нигде не нашлось ни подробного объяснения структуры языка, ни хотя бы перевода текста, соседствующего с оригиналом. Авторы, написавшие целые фолианты, раздули скудные сведения до неведомых размеров, приходилось разыскивать скудные знания как иголку в стоге сена.

Вдруг раздался стук. Вскинув голову, я почти сразу обнаружила источник шума — кто-то кидал камешки в деревянные ставни. Окна в домиках были без стекол и закрывались перегородками изнутри.

Улыбнувшись, я поднялась на ноги. Полы мантии с легким шорохом скользнули к полу. Подошла, впуская гостя внутрь.

Первым в комнату попал прохладный влажный воздух, а следом, подтянувшись на руках, забрался Фредерик. Брат был без мантии, в одной нижней рубаше и короткой накидке, перевязанной поясом, — в подобном обычно ходили на тренировки, чтобы не запачкать выходной наряд.

Лишь когда я закрыла ставни, он заговорил с наигранной обидой:

— Ты даже не пришла меня навестить...

— Подумала, что ты предпочтешь отдохнуть. — Я быстро подошла к кровати и подняла обе книги с покрывала. Закрыв, убрала в дальний угол полки, на которой ровными рядами стояли другие сочинения.

Сделала это не задумавшись. Наверное, потому что не желала, чтобы брат задавал вопросы.

— Ты же знаешь, я полон энергии, даже весь день в пути не мог меня изнурить! — Несмотря на свои слова, Фредерик лег поперек постели, заложив руки за голову. Его что-то беспокоило.

— Что-то произошло в дороге? — спросила я, садясь на краешек кровати.

Смотрела внимательно, пытаясь уловить каждую эмоцию на его лице.

Он глубоко вздохнул.

— На самом деле ничего опасного. Наткнулись на оскверненную тьмой вещь — лопату могильщика. Мужчина использовал ее на протяжении многих лет. — Фредерик говорил хрипло, прикрыв глаза.

— И что она делала?

— Копала. Точнее, закапывала.

— Людей? — нахмурилась я. На самом деле вот такие проявления энергии из Серого мира, отнимали не мало жизней.

— Нет, петухов. — Выражение моего лица рассмешило дива. — Мужчина был божьим одуванчиком, пусть и занимался всю жизнь столь мрачной работой. Но теневая энергия требовала жертв и ухватилась за то, что могильщика будили крики петухов, не давая выспаться.

— Необычно, — заметила я.

— Еще как, — подтвердил он и замолчал. Улыбка с его лица бесследно исчезла. — Я получил письмо из дома.

Мысли о Долорес вновь дали о себе знать. Обычно я была куда смелее, но в этот раз старалась все тяжелые думы гнать прочь. Однако не получалось. Я постоянно вспоминала наше прощание, когда, изучая слабый вид старой женщины, я подумала, что, возможно, вижу ее в последний раз. В тот момент я не осознала всю глубину своих размышлений, а теперь боялась, что они окажутся пророческими.

— Отец в курсе разрушения реликвий в академии... — вдруг произнес Фредерик совсем не о том, чего я ожидала. — И он зол на то, что это продолжается столь долго. Может, мне стоило бы самому начать поиски?

— Думаю, этого он от тебя и добивается. Но пока ты только ученик, и он не вправе этого требовать. — подумав, сказала я. — Нельзя прыгнуть выше головы. Но я знаю, что, когда наступит время, твое имя будет не один раз записано в хрониках. Тебя запомнят.

Я произнесла это без каких-либо сомнений, уверенно. Но мои слова не слишком его убедили. Я уже давно полагала, что Фредерик рассказывал мне далеко не все, что происходило в его жизни. С тех пор, как отец стал все больше посвящать его в управление орденом, брат изменился.

— Я могу помочь. Снимешь ограничитель? — Не знаю, почему предложила это именно сейчас. Я так давно не влияла на его эмоции.

Брат быстро глянул на меня. Мужская рука поднялась, сначала касаясь шеи, а потом и витой цепочки. Вытащив из-под одежды голубой кристалл, увитый серебряными лозами металла, он несколько секунд задумчиво смотрел на ограничитель, когда-то сотворенный мною. Моим подарком был лишь осколок, а оправу див создал сам, своими руками.

Сложно предположить, сколько времени он в свое время на нее потратил, не став обращаться к мастеру.

— Только не заглядывай глубоко, — снимая цепочку, предупредил он.

— Не буду, — пообещала я. Я не касалась чувств дива уже больше двух лет, и поэтому подступалась осторожно. Остаться на поверхности чужих эмоций тоже требовало сил и концентрации. — Я лишь придам веры в себя. Никто не заметит.

Фредерик — наследник ордена Сорель. Ему нельзя проявлять слабость перед другими, особенно перед даэвами из нашей обители. Его отец тщательно за ним наблюдал и следил, чтобы брат соответствовал своему статусу.

Долорес часто хмурилась и осуждала то, как глава ордена воспитывает своего сына. Говорила, что он превращает его в свою же копию и отчасти это ее вина.

Див отложил ограничитель, оставив на покрывале неподалеку. И замер, когда я коснулась его пальцев.

Кожу закололо. Я ощутила легкую тень его нервозности. Отыскав в клубке эмоций нужное чувство, усилила его. Это заняло чуть больше минуты.

Фредерик шумно выдохнул. Его грудная клетка опала. Глаза оставались прикрыты, лицо просветлело.

— Не позволяй отрицательным чувствам завладеть собой. Чем больше о них думаешь, тем сильнее они становятся, и ты начинаешь сам себя изводить, Фредерик, — тихо, почти шепотом сказала я.

— Знаю, просто у меня не всегда получается, — так же негромко ответил он. Я смотрела на него, в душе радуясь, что смогла помочь.

— Со временем выйдет. Просто не пытайся заглянуть слишком далеко в будущее. Его ведь не предскажешь. Поэтому не надо мучить себя бесполезными опасениями.

Я поднялась на ноги, краем глаза заметив, что книги, среди которых я спрятала фолиант на древнем языке, теперь стояли неровно. Приблизившись, поправила корешки, пряча издание на фларканском еще глубже.

— Я все же попытаюсь расследовать это дело. Отец написал, что отправит в академию кого-то, чтобы провести проверку и быстрее во всем разобраться. Теневые...

В голове сразу вспыхнуло воспоминание нашей беседы с Мораном.

— Вдруг это не теневые дивы? — спросила его я, обернувшись.

Подслушанный в хранилище артефактов разговор укрепил и без того терзающие меня сомнения. Кто-то прикрывался враждой между даэвами, пряча истинные цели. К тому же, когда дело заходило о вине теневых дивов, не оставалось сомнений, кого станут подозревать в первую очередь.

— Конечно они! — возразил брат, усмехаясь. — Если не они, то кто? Светлые?

Я промолчала, а Фредерик покачал головой.

— Ты же сама знаешь, насколько они легкомысленны и безалаберны. Слышал, что Морана заперли сегодня на ночь в светлой башне отбывать наказание. Думаешь, я не знаю, что происходит на занятиях? Как тебе не дает покоя этот... — Он разозлился и, не договорив, замолк, переводя дыхание. — До сих пор не вмешался лишь потому, что он — сын главы самого крупного теневого ордена, а я — светлого. Это может стать последней...

Наказание? Выходит, Люций даже не попытался прислушаться к моим словам.

— Перестань, — бросила я.

Мы с братом встретились взглядами: горящий праведной яростью — его, и спокойный, но непоколебимый — мой. Я не нуждалась в его защите, но порою Фредерик это забывал.

В дверь неожиданно постучали, и напряжение спало. Мы настороженно переглянулись.

— Сара, ты не спишь? — послышался голос Айвен.

Указав Фредерику на окно, я направилась к двери. Айвен, пусть и невольно, но могла донести о визитах брата своей матери, которая приближена к главе. А ему не стоило знать о поздних встречах.

В эту ночь я вновь проснулась под утро. Рассвет едва-едва окрасил небо, когда я вышла наружу, вдыхая студеной воздух. Уснуть снова не получилось бы, и я, решив прогуляться, дошла до самой академии, лишь тогда вспомнив, что Моран остался в башне. Обычно студентов запирали в архиве разбирать записи. Объем работы поручали просто гигантский и продлевали наказание до тех пор, пока все не будет выполнено.

Скользнув взглядом по темнеющему высоко над землей окну, я было отвернулась от башен, как вдруг раздался глухой звук. Я осмотрелась, до конца не понимая, послышалось мне или нет, но теперь вокруг была лишь тишина. Постояла некоторое время и только потом сдвинулась с места, но вновь удивленно остановилась.

Из леса, со стороны жилищ теневых даэвов, к башне кралась темная фигура. Я без труда узнала в ней Люция, который подбежал к строению и ухватился за веревку, болтавшуюся вдоль стены и не

замеченную мной издалека. Стремительно забравшись наверх, див исчез в проеме окна.

Это все произошло так быстро и выглядело настолько нелепо, что я пораженно застыла. Лишь через несколько минут, осуждающе покачав головой, направилась обратно, чтобы еще немного поспать.

Уже на следующий день, только зайдя в светлую башню, я узнала, что кто-то ночью разрушил одну из стен. Пролом обнаружили под самое утро. И ладно бы это была обычная каменная кладка, но в этот раз пострадала древняя фреска с изображением озера Спокойствия, что застала еще те времена, когда у водоема не построили дома для учеников.

Мне нравилась та картина, было в ней что-то завораживающее — природа, безмятежная гладь и каменный алтарь, от которого в наше время остался лишь постамент. Я видела этот камень, что был окружен ровной насыпью светлого, почти белого песка. Как и многие другие священные предметы, его нельзя было трогать, а насыпь не позволяла злостным нарушителям остаться незамеченными.

Отсидев все теоретические занятия, я спустилась в горячие источники. Они располагались на подземном этаже башни. На самом деле название было номинальным, и воды постоянно подогревались печатями.

В одной из стен виднелся ряд дверей, что вели в комнатки для переодевания. Сменив облачение на более простой наряд для тренировок и собрав волосы в высокий хвост, я взяла Туманный и покинула купальню, собираясь помыться уже после занятия. Направилась к длинному наклонному коридору, что поднимался на поверхность и выводил прямо к тренировочной площадке, которая была поделена на сектора.

— О, Сорель, — просветлел учитель. Он как раз оглядывался в поиске подходящего противника для стоявшего рядом дива.

Парень обернулся, и я узнала его лицо — он был сокурсником Фредерика из ордена Западных ветров, что находился на западном берегу. Они вели активную торговлю с Аркадианом, островом-государством, отделенным от материка проливом, поэтому были бессовестно богаты. В мире светлых их часто осуждали. Аркадиан — то еще местечко, говорят, там царит хаос, и вес имеют лишь деньги. В одном городе живут магические существа, наемники, изобретатели, и

несколько религий соседствуют друг с другом, из-за чего там постоянно случаются стычки.

Юноша доброжелательно посмотрел на меня, а я наконец-то вспомнила его имя — Оскар. В руках он держал меч с изящной, искусно выполненной рукоятью, но тяжелыми, чересчур украшенными вышивкой и сапфирами ножнами.

В голове пронеслись все подробности историй об Оскаре, гулявших в академии. Даже я, далекая от сплетен, слышала, как див забирался на верхушку башни по внешней стене, чтобы подарить цветок девушке (совершенно не понимаю, почему он это сделал, если можно было воспользоваться лестницей), доставал сладости из Туриса, что располагался почти в дне пути, запускал в небо сотню воздушных фонарей и писал портреты своим возлюбленным. Лишь за прошедшие полгода этот статус примерили на себя три дэвы.

— Наставник. — Я склонила голову, приветствуя учителя.

Постепенно на тренировочной площадке становилось громче, все больше даэвов первого курса приходило на занятие. Сражения занимали в нашем расписании всю вторую половину дня.

— Сразишься с Оскаром, он решил подтянуть свои навыки и заодно оценки.

Юноша приуныл.

— Эм-м, наставник, может, мне подобрать кого-то другого? Боюсь, если обижу сестру своего друга, мне несдобровать.

Мужчина глянул на него с неодобрением.

— Это не имеет значения. Встретившись с монстром, тоже ужимками будешь сражаться?

— Я вас понял, учитель.

Наставник кивнул и отошел.

Парень глянул на меня.

— Извини, ничего личного, но я предпочитаю не драться с девушками. Это одно из моих правил. — Оскар вонзил свой клинок в землю и оперся на него на манер трости.

Его взгляд был оценивающим, но совсем не таким, каким смотрят на противника.

— Сорель! Ставлю на твою победу свой меч! — Моран махал ножнами у другого конца площадки.

На него все оглянулись. Кто вообще делает ставку на свой меч? Это ведь самое дорогое, что есть у даэва.

Я отвернулась, заметив, что лицо Оскара выглядит оскорбленным. На скулах играли желваки, от привычной снисходительности не осталось и следа. Ведь если кто-то ставит на чужую победу свое оружие, значит, он абсолютно уверен в проигрыше другого.

— Пустоголовый болтун, — бросил светлый, крепче перехватывая клинок. — Хотя... Кто знает? — Див ухмыльнулся. — Я видел, как он крутился около статуй, что потом разрушили. И фреску уничтожили как раз тогда, когда он отбывал наказание в башне. Тебе не кажется это странным?

— Нет, не кажется. — Наши клинки скрестились, и руки противника дрогнули — он не ожидал такой силы удара.

Оскар удивленно вскинул брови, но тут же взял себя в руки и продолжил сражение. Сталь встретилась со сталью еще несколько раз, прежде чем кончик Туманного, ярко сияя под лучами солнца, уперся в чужое горло. Я всегда ощущала, когда меня недолгоблюдали, но в этот самый момент меня скорее возненавидели. Да и я сама была беспокойна, даже в сражении — атаки вышли слишком быстрыми и поспешными. Пусть я победила, но дыхание сбилось. А в длинной схватке подобное могло стоить жизни.

На плечо села птица из тьмы, от теневой магии дохнуло отрезвляющим холодом. Существо запрыгало по моему плечу, будто танцуя. Я глянула на Морана, который вновь улыбался. Его искренне радовала моя победа.

В этот миг я испытывала настолько непонятные для меня эмоции, что разозлилась на самую эту неопределенность. Смахнула теневое существо, развернулась и пошла за пределы тренировочного сектора, собираясь перевести дух.

Глава 12. Прошлое

Когда случайностей происходит слишком много, разве это не судьба?

«Личные записки Люция Морана»

Академия Снов, тридцать один год назад...

Люций

— Рафаиль, а ты, кажется, стал лучше держать клинок, — заметил Люций, локти которого покоились на невысокой ограде, что разделяла тренировочные поля. Поза выглядела беззаботной, носок одной ноги упирался в землю. Голова была насмешливо склонена набок, в руке див держал меч — черная сталь выглядела темнее ночи, отчего бледная ладонь, сжимавшая оружие, казалась еще белее.

Руньян хмуро глянул на друга, подошел к краю, все еще шумно дыша после поединка.

— Не издевайся, — кинул он.

Несмотря на замечание, ухмылка Морана стала еще шире.

— Как думаешь, насколько оправдан риск?

— Это ты о чем?

— Да так, — протянул Люций. — Я кое-что сделал, а теперь сомневаюсь, верно ли поступил. Возможно, я сам себя загнал в западню.

— И что же ты сделал? — напрягся Рафаиль.

Услышав изменение в голосе друга, Моран бросил на него быстрый взгляд.

— Ничего страшного. Просто это может как помочь, так и подставить меня. Хотя второй вариант маловероятен. Я почти не рассматриваю его, но все же проверить надо.

Лицо Рафаиля стало еще мрачнее.

— Скажи мне, ту фреску ведь не ты...

Бровь Морана удивленно изогнулась.

— Уж не думал, что мой лучший друг будет подозревать меня в подобном. А ты, господин Руньян, оказывается, намного хладнокровней, чем я думал. Подозревать меня, того, кто...

— Хватит-хватит. Я понял, — поморщился Рафаиль. — Подашь воды?

— Как быстро ты переменял тему. Но, конечно, подам, тебе ведь надо набираться сил. Хотя поможет ли это? — Моран отошел к бочке, где всегда можно было отыскать питьевую воду. Когда вернулся с набранным ковшиком, продолжил: — Но ты определенно стал больше времени уделять тренировкам. Ты просто обязан преподнести Сорель подарок в благодарность и договориться еще об одном сражении. Глядишь, еще несколько поединков, и научишься чему.

Недавний проигрыш остался темным пятном на репутации Рафаиля. Хотя нельзя было сказать, что исход оказался неожиданным. Сара Сорель все свое время тратила на учебу, тренировки и медитацию. Со стороны жизнь светлой казалась скучной до зубовного скрежета.

— Сам бы сразился с ней.

— Да я бы с радостью, даже предлагал. Но она упорно отказывает.

— И сколько раз ты ей предлагал?

— Раз десять?

Рафаиль закатил глаза. Даже у него не всегда хватало терпения на Морана. Тот был слишком неусидчивым, всегда находился в поиске приключений и обязательно их находил. Но в то же время именно эта его черта не столько отталкивала, сколько привлекала. Когда Руньян надолго оставался один, он не знал, куда себя деть. Мир словно замедлялся, становясь зыбучей трясинной, в обыденности которой можно было легко задохнуться.

Тут взгляд Люция выловил фигуру в белом, только что появившуюся на тренировочной площадке. Быстрая, но не суетливая поступь, беспристрастное, словно высеченное из камня лицо. Аура неприкосновенности вокруг нее была настолько сильна, что многие расступались и оглядывались вслед. Это неминуемо создавало мертвую зону вокруг Сары. Ее дар и взгляд заставляли других инстинктивно держаться от нее подальше.

— Сорель! Ставлю на твою победу свой меч! — прокричал Люций, поднимая клинок в воздух.

Девушка, едва взглянув на дива, отвернулась. Ее противник скривился. Моран подмигнул ему, и лицо его перекосилось еще сильнее. Люций расхохотался.

— Зачем ты это делаешь? — спросил Рафаиль, держа в руках опустевший ковшик.

— Не люблю напыщенных индюков. Но их так легко вывести на чистую воду.

— Я не об этом. Сколько наблюдаю, не понимаю. Поначалу думал, что тебя гложет совесть за тот случай в лагере, но то, что ты делаешь, не очень похоже на попытку все исправить.

— Ты так считаешь? — задумчиво отозвался Моран с едва заметной улыбкой. Но его взгляд стал куда серьезнее, с нотками грусти.

Рафаиль промолчал, размышляя над ситуацией. Несмотря на всю свою придурковатость, Люций редко поступал необдуманно.

После того случая в лагере у озера Спокойствия диву казалось, что настоящим наказанием для Морана стал совсем не домашний арест и несколько суток в кандалах на жарком солнце, а мысли о том, что могло произойти, не явись Люций вовремя. Глава Северного ордена был крайне разочарован в поступке сына, чего совсем не скрывал.

— Ты должен загладить свою вину, — в то время сказал он.

— Я знаю, — ответил Люций.

Отец, сурово поглядев на него, удовлетворенно кивнул, понимая, что сделанного не воротишь, теперь главное — суметь вынести из случившегося урок и взять на себя ответственность. С тех пор больше они об этом не заговаривали. Прошло два года, а Моран не позабыл о данном себе обещании.

— Победила. Даже быстрее, чем я ожидал. — Лицо дива озарилось, с руки сорвалась птица, воссозданная из тьмы. Она черной молнией пронеслась на противоположную сторону площадки и опустилась на девичье плечо.

Сара обернулась. Нахмурилась. Раздосадованно взглянула на Морана, будто обвиняя во всех грехах, и смахнула создание из темной магии.

Див улыбнулся — в последнее время реакция светлой изменилась. Раньше она шугалась его гораздо сильнее, а теперь даже сама искала его взглядом, когда думала, что он не видит. И быстро отворачивалась, стоило поймать ее на этом. Теперь в ее ворчании и упреках звучало лишь усталое раздражение. И пусть разговаривала она все так же мало, зато слушала Люция с куда большим вниманием.

Сорель развернулась, стремительно покидая тренировочную площадку. Она с такой решимостью сжимала эфес меча, будто готовилась вот-вот вступить в новый бой. Светлую сталь, реагиовавшую на настроение хозяйки, окружал ореол неплотного сияния, издавелеа напоминавший туман.

Люций, улыбаясь, смотрел ей вслед, когда услышал тихий голос друга.

— Не понимаю. Все равно не понимаю. — Рафаиль помотал головой. Кажется, он окончательно отчаялся разобраться в происходящем.

Люций глянул на него и вновь рассмеялся. Но его смех быстро утих.

Моран последний раз посмотрел на удаляющуюся девушку.

— Просто я не могу отделаться от мысли, что она очень одинока, вот и все, — вдруг выдал он.

— Одинока? У нее есть соратники из ордена и брат. Разве это одиночество? — возразил Рафаиль.

Моран поморщился, запрокинув голову, и протянул:

— Не знаю. Но ее брат мне не нравится. Думает только о себе и о том, чего хочет он.

Люций вспомнил их стычку у домика врачевателей на озере Спокойствия, когда Сара спала после столкновения с ревенантом. Фредерика ослепила ярость, и это не вызывало удивления, учитывая случившееся. Но в том, как светлый кричал, угрожал, чувствовалось что-то иное, нежели привязанность к сестре. И его взгляд, которым он смотрел на Морана теперь, стоило им случайно повстречаться в коридорах академии, вызывал еще больше подозрений.

— Не мне судить. Но если я могу хоть немного заполнить эту пустоту, то я сделаю это. Даже столь своеобразным способом. Тем более из всех светлых Сара действительно нравится мне больше всего. С ней весело.

Рафаиль бы с ним поспорил, но им неожиданно помешали.

— О чем болтаете? — К ним приблизилась Розали. Девушка только закончила поединок и теперь искала нового партнера. Ее взгляд коснулся меча, что сжимал Люций, слегка раскосые глаза сощурились. — Моран, не боишься разучиться пользоваться оружием? Будешь так

стоять — и любой светлый сможет раздавить тебя как жалкое насекомое.

— Ликорис, за меня беспокоиться не надо. Я всегда в форме.

— Выходи на площадку.

— И не стыдно второгодке вызывать на бой кого-то младше себя?

Вон, пристань к кому-то из своих.

Розали обернулась и фыркнула.

— Свободны лишь светлые. А они, что бы ни случилось, сразу плакаться. Поднимают шум по любому поводу, — неприязненно отозвалась девушка, намекая на неразбериху вокруг недавней охоты. Когда имеешь дело с нечистью, может произойти всякое. Даже в том, чтобы умереть случайно, просто потому что не повезло, нет ничего необычного.

— Ну, я слышал, что один из наших отступил. Не ясно, то ли он сбежал первым, поняв, что дело плохо, то ли у него действительно не оставалось иного выбора. Все станет понятно, когда очнется его соратник, — вмешался Рафаиль, он уже успел перемахнуть через ограду и теперь протирал свой меч от пыли, что висела в воздухе.

— Верно, нас там не было, поэтому не будем судить. Хотя в чем-то я с тобой согласен, Розали, — проговорил Люций. — Но от этой вражды никакого проку. Если мы сами не можем разобраться, неудивительно, что и люди так и норовят развязать войну.

Повисло молчание. И Рафаиль, и Розали поняли, что имел в виду див. Два года назад на трон Акракса взошел старший сын почившего короля. Нынешний монарх оказался головной болью для всех — высокомерный и глупый, жаждущий славы, которую, как он думал, мог завоевать лишь одним способом — развязав войну. Ему не давали покоя портовые города Феросии с кипящей торговлей и земли с более теплыми зимами. Но война — игра для королей, а для простого народа — бедствие.

И уже больше года глава Северного ордена регулярно посещал Дельтрас, чтобы повлиять на монарха и не позволить ему наделать глупостей.

Второй наследник же, младший сын, пропал. Мальчишке было всего девять лет. Ходили слухи о том, что его спрятали. В этих слухах имелся смысл, ведь останься принц во дворце, и на сохранность его жизни не поставили бы и медяка.

— Что это у тебя на мече? — внезапно спросила Розали, склоняясь ближе.

Она нахмурилась, разглядывая едва заметную нить.

— Волос? — с недоверием произнесла она.

— Это талисман.

— Это волос.

— Ну, это не мешает ему быть и тем и другим, — пожал плечами Моран.

Розали одарила его странным взглядом.

— Чей он?

— Сары Сорель, — без стеснения признался он. — Ты слышала про удачу в бою?

Ликорис, помедлив, кивнула.

— И ты всерьез повязал волос светлой? Да это же все байки! И что, она так просто позволила взять у себя волос, или ты бегал за ней с ножницами? — Розали глядела на него как на сумасшедшего и в то же время улыбалась. Поступки, на которые не решались другие, Моран совершал, совсем не смущаясь.

И эта смелость была в своем роде похвальна. Ведь как часто мы не решаемся сделать что-то из-за страха! Боимся осуждения и непонимания со стороны.

— Почти, — встрял Рафаиль.

— Сара Сорель, говоришь... — распрямляясь, задумчиво протянула Розали. — Приемная дочь их главы и сестра Пшеницы.

— Пшеницы? — развеселившись, переспросил Люций.

— Ну, мы так называем Фредерика Сорель среди своих. Волосы как колосья, — пояснила теневая дэва. — Я кое-что слышала о ней. Случайно. Просто кое-кто из моего ордена был в том месте тогда... Я плохо помню подробности, еще ребенком была.

— И что же ты слышала? — Взгляд Морана прикипел к Розали.

— А я смотрю, тебя заинтересовало... Я расскажу, а ты возьми свой меч и выйдешь со мной на площадку, — не упустила своей выгоды девушка, протягивая руку. — Договорились?

Люций с сомнением глянул на ее ладонь, брови парня приподнялись.

— Хорошо, — хмыкнул див, совершая рукопожатие. — Но только если это действительно окажется чем-то, чего я раньше не знал.

— Это я тебе обещаю. После удочерения семья Сорель постаралась все скрыть.

— А почему?

Девушка пожала плечами.

— Кто их знает. Скорее всего, желали избежать слухов и домыслов.

Люций на миг задумался.

— Ну, тогда, наверное, и нам лучше хранить это в секрете? Разумеется, только после того, как ты мне расскажешь.

Розали покачала головой.

— Ну ты и интриган, — упрекнула она его. — Хорошо, я поняла. Никому больше не расскажу.

— А вам не кажется неправильным лезть в чужое прошлое? — поинтересовался Рафаиль, наблюдая за странной сделкой.

Моран оглянулся на друга. Безусловно, в его словах была истина, но то, что испытал на собственной шкуре Люций, отдирая руку Сорель от магического кристалла, не позволяло относиться с уважением к секретам светлой.

— Рано или поздно я узнаю. Так к чему ждать? — беспечно произнес див. — Давай, Розали.

— Ну хорошо. Тогда слушай. — Голос Ликорис стал тихим настолько, что никто даже случайно не смог бы их подслушать. — Сорель вырастил человек.

— Человек? — переспросил Люций удивленно.

Это было из ряда вон выходящее явление. У даэвов существовало негласное правило брать на воспитание осиротевших детей своего народа и уж точно не отдавать их людям. Ведь никто из них не сможет должным образом воспитать дитя.

Свою силу даэвы возвращали с детства, тренировками и медитациями, и поэтому их тела крепили. Самый умелый воин короля никогда не сравнится даже с учеником Академии Снов, ему сложно будет уследить за движениями, не говоря уже о том, чтобы отразить атаку.

— Да. Торговец без семьи. Он нашел ее младенцем в лесу, спас и растил как свою дочку. По крайней мере, так сказали люди в их деревне. Хотя еще кое-кто из них болтал, что много лет назад с этим торговцем жила незнакомка, которая вскоре исчезла. Не знаю, правда

ли. Но последний вариант событий светлым не понравился еще больше. Ведь тогда само собой возникало предположение, что кто-то из их народа связался с человеком. А вы сами знаете, как светлые относятся к смешению крови. А если быть честными, то это никому не по душе. Вдруг дитя родится человеком? Что тогда делать? Ладно они слабы, но еще и живут меньше, а пережить собственного ребенка — такое себе удовольствие. — Ликорис покачала головой.

— Да уж, — выдал Рафаиль. Как бы он ни хотел соблюсти приличия, но любопытство пересилило. Впрочем, Руньян был не из болтливых, особенно в подобных случаях. Жизнь долгая, еще не знаешь, что с тобой приключится в будущем, — искренне считал див.

Розали выразительно подняла и опустила брови. Как бы велико ни было ее презрение к светлым, но даже Ликорис, похоже, относилась к Саре иначе. Видимо, всему виною оказалась история, которую она рассказывала.

Люций же стоял нахмурившись. На его лице не осталось и намека на прежнюю улыбку.

— Деревушка располагалась в глухом местечке, вдали от крупных городов. Поэтому, возможно, если бы не происшествие, которое случилось вскоре, Сорель еще долго бы оставалась среди людей, — продолжила девушка. — Все в курсе, что каждый год, после праздника сбора лаванды, большую ее часть развозят по всем уголкам материка. Жители жгут цветы перед сном, и этот аромат делает их невидимыми для тварей. Плюс обычно раз в сезон в поселение обязательно наведывается кто-то из наших, проверяет на наличие сгустков темной энергии, что может привлечь ревенантов, спектров и иных монстров, а также оставляет цепочку защитных печатей, активирующихся друг за другом. Это позволяет обеспечить некоторый уровень безопасности, хотя и не полностью. Так вот, однажды в эту деревню никто не приехал. Она оказалась без запаса лаванды и без защиты магических знаков.

— Почему? — спросил Рафаиль.

— Поселение было малочисленным. Не исключено, что просто пренебрегли своими обязанностями, посчитав, что ничего страшного не случится, — предположил Моран. Руньян кивнул, соглашаясь и тут же добавляя:

— Лаванда стоит денег. Если даэвы пренебрегли, то кто-то из людей мог захотеть подзаработать и продать цветы на стороне.

— Все возможно. Но так или иначе, деревня осталась без защиты. Она находилась в захолустье, и большинство жителей никогда не покидали ее пределов, — подытожила Розали.

— Но отец Сорель был торговцем... — мрачно протянул Моран, складывая руки на груди.

— Верно. И неудивительно, что именно он отправился в путь. Однако отец не рискнул оставлять дочь одну дома. Конечно, он мог договориться с кем-нибудь из соседей, тем более учитывая цель своего пути, но, как и раньше, он взял ее с собой. Предполагаю, уже тогда этот человек догадывался о происхождении своей дочери и опасался, что об этом узнают остальные. Чего уж говорить, когда мы нужны, на нас молятся, когда нет — нас боятся. Особенно в таких захолустьях. — Ликорис тяжело вздохнула. — Ну вот они и отправились в путь. До ближайшего города было около двух суток пути, но они собирались привезти обратно запасы цветов и ехали на телеге, а это прибавило к дороге еще сутки. И до поры до времени их путешествие протекало мирно, пока на третью ночь они не остановились на ночлег в сторожке у реки. И это стало роковой ошибкой. Лучше бы в ту ночь они вовсе не ложились спать...

Когда Ликорис завершила эту часть рассказа, повисло гнетущее молчание. Звон стали с тренировочной площадки, казалось, звучал, как никогда, громко.

— Ого, — пробормотал Рафаиль. Его глаза были широко распахнуты, выражая крайнее удивление.

— Так совпало, что даэвы как раз шли по следу. Обнаружили их на утро. Вся сторожка в крови, а у отца перерезано горло. Его кожа почти полностью потемнела, еще немного, и он бы окончательно переродился. А мы все знаем, что бы тогда произошло...

Когда человек не совершал преступлений и жил в гармонии с собой, энергии Серого мира было гораздо сложнее его захватить. Но если это происходило, то, в отличие от грешников, процесс делился на два этапа. Первый — когда тело оставалось человеческим, пусть и появлялась недюжинная сила и нестерпимая жажда крови, на этом этапе его можно было умертвить обычным оружием. Также в это время несчастного еще могли вернуть обратно сомниумы, что

изменяли видения, побудившие к перерождению. Но без посторонней помощи неминуемо наступала вторая стадия — постепенно темнела кожа, видоизменялись конечности и выпадали зубы, заменяясь острыми клыками. Человек становился монстром.

— По всем признакам, мужчина промучился до утра, борясь с собой на глазах у дочери. А когда понял, что вот-вот окончательно потеряет разум, нашел в себе силы и убил себя. Сорель повезло. Хотя это сложно назвать везением, — окончательно завершила повествование дэва. — Раньше я часто пряталась у отца в кабинете и подслушивала отчеты подчиненных. Вот так я узнала об этом. И, что удивительно, запомнила.

— А ты была очень способным ребенком, Розали, — проговорил Люций. Его губы улыбались, но в глазах царил мертвенный холод. Радужки потемнели.

Ликорис сглотнула, передернула плечами — ей совсем не понравился зловещий тон, который она услышала.

Лицо Морана было непроницаемым, но из-за почти черных глаз, пепельных волос и всколыхнувшейся ауры темной магии, что чернильной дымкой проступала возле его тела, не оставалось сомнений в том, насколько дива потрясла услышанная история. А еще он, без сомнения, был зол. Теперь многое, что раньше оставалось ему непонятным, нашло объяснение.

— Она заслуживает уважения, — произнес Рафаиль, странным взглядом одарив свой меч.

— Ну да, пережить такое... — согласилась Ликорис.

— Я не об этом, — возразил див. — Нас начинают обучать гораздо раньше. Мне едва исполнилось семь лет, когда отец преподавал мне первый урок. А она приступила к тренировкам и другим наукам в одиннадцать, все это время прожив в совершенно другом мире. Теперь же она одна из лучших на своем году обучения. Наверняка, это стоило немалых усилий. — Руньян ругнулся, вспомнив что-то. — И два года назад, у озера...

— Рафаиль, — одернул его Моран и предупредительно покачал головой. Пусть то происшествие в лагере и не являлось большим секретом, но Люций не хотел, чтобы его мусолили в академии. Не из-за своей вины — просто то событие вдруг показалось неразрывно

связанным с трагическим прошлым Сары, ведь в обоих случаях она оказалась практически в ловушке.

«Наверняка ситуация у озера заставила ее вспомнить ту ночь. Теперь я злюсь на себя еще сильнее...» — подумал Люций, мрачней. И в этот момент див вдруг все понял. Все его существо будто молния пронзила. То, что он почувствовал, когда схватил ее за руку, и то, что успел заметить в кристалле... Благо тогда, в кабинете, он заслонил камень собой, и больше никто ничего не разглядел.

Он судорожно выдохнул и застыл, словно вовсе не в силах нормально дышать.

— Люций, ты в порядке? — растерянно спросила Розали.

— Да. Все прекрасно. — Люций поднял на нее взгляд. Улыбнулся в своей привычной манере, так что никто не заподозрил подвоха. — Ну что, настала пора исполнить свою часть сделки? — Моран легко перемахнул через ограду, что окружала тренировочную площадку. — Идем. У меня как раз появилось настроение сражаться.

Глава 13. Мы идем по одному пути...

Чужая смерть — страдание. Скарды же переживают ее раз за разом, помогая спасти невинные жизни.

«Энциклопедия 1 уровня». Библиотека Академии Снов

Академия Снов, тридцать один год назад...

Сара

День быстро подходил к концу, догорая алым закатом на небе. Выйдя на крыльцо после медитации, я бездумно стояла, наблюдая, как чернеет лес, и тени становятся все мрачнее. И в это самое время по магическому барьеру, окружающему Академию Снов, неожиданно прошла рябь. Цвета по ту сторону исказились на миг, став ярко-зелеными, а потом все вновь вернулось на круги своя. Минуло несколько секунд, и меня достигло легкое колдовское давление — через защиту прошла многочисленная группа даэвов, что и вызвало волнения.

В академию вернулась один из отрядов, что отправлялся на охоту.

Обычно подобные вылазки длились около двух недель, но в этот раз почти все вернулись раньше.

Я уже собиралась пройти к себе, как вдруг, исходя будто ото всюду, раздался звон. От него затрепетали листья на деревьях, а глашатаи испуганно вспорхнули ввысь.

«Тревога. Есть раненые», — вот что нес в себе этот звук.

Я сорвалась с места, спеша к главной дороге. Выбежала, подхватив полы мантии, прямо под начавший накрапывать дождь. Оказалась у двух дубов одновременно с Винсентом, что тоже был на первом году обучения. Юноша растерянно озирался, пытаясь сориентироваться и понять, в какую сторону бежать. А звон колокола тем временем наконец-то затих. Печать, создавшая эти зловещие раскаты, истратила всю силу.

Когда звон исчез, я отчетливо услышала чужой стон, суету и низкий рык. На границе барьера, едва проехав несколько метров от

древних дубов, стояли две крытые телеги. Около них сновали потрепанные охотой даэвы, чьи лица даже издалека выглядели изнеможенно. Не оставалось сомнений, что поход этой группы прошел не столь благополучно, как путешествие Фредерика.

— Срочно создайте дополнительные сдерживающие печати! Иначе он вырвется! — раздался приказ господина Норкрасса. Он вынырнул из-за телеги, продолжая руководить отрядом. Кусок рукава на его мантии отсутствовал, ножны, висевшие на боку, у самого основания клинка были в потеках почерневшей крови, а на виске виднелась рана.

Мужчина не преподавал в Академии Снов, а лишь иногда курировал охоты учеников. Говорят, у таких воинов, как он, было не меньше десяти звезд на ключицах — значит, он убил немало тварей и обычно отправлялся за ними в одиночку. А далеко не каждый даэв осмелится путешествовать самостоятельно.

Мы стремительно направились к повозкам. Норкрасс быстро заметил нас. Остановился, переводя острый, тяжелый и холодный взор. Он прямо сейчас расчетливо прикидывал, чем мы можем помочь и вообще можем ли.

— Какой дар? — требовательно спросил он у Винсента.

— Сомниум.

— А ты? — повернулся ко мне.

— Эмпат.

— Сильный?

— Говорят, да. — Норкрасс задумался, сомневаясь. Но все же с неохотой произнес: — Хорошо, попробуем. В повозке раненые — облегчи их боль, пока не прибудет кто-то из старших. Еще есть парень-скард, он очень плох. Переусердствовал, когда отслеживал тварь. Попробуй чем-нибудь помочь, но если поймешь, что неспособна, то не суйся. Еще одного увечного нам не надо. Поняла?

Я сдержанно кивнула.

Оценивающий взгляд даэва задержался на моем лице и скользнул за мою спину.

— Люций, Рафаиль, помогите ей. Надо будет поддержать. — И он громко проворчал себе под нос: — И где вообще пропадают остальные светлые?

Я едва обернулась, чтобы увидеть силуэты теневых дивов, ведь даже не заметила их присутствия, пока об этом не сказал наставник. И сразу направилась к повозкам, одна из которых безумно тряслась, готовая завалиться на бок. Удушающий запах гнили, исходящий от нее, окутывал все вокруг, словно забирался под самую кожу, полностью заглушая собой ароматы леса.

Многих тошнило, когда они впервые чувствовали эту вонь. Она могла принадлежать лишь ревенанту, который находился в одной из повозок.

Иногда в Академию Снов привозили монстров в качестве материала для занятий. С одной стороны, это негуманно, ведь большинство из них когда-то были людьми, но без этого многие бы погибли на своих первых охотах, так и не получив бесценный опыт. Ведь даже после обучения некоторые даэвы цепенели от ужаса, когда сталкивались с порождением тьмы.

Дождь все усиливался, и дорогу начинало развозить. Мы наконец подошли ко второй крытой телеге, и Люций, опередив меня, отодвинул закрывавшую вход ткань. Див выглядел собранным и не в пример серьезным.

Я первой забралась внутрь. В самой повозке почти не осталось свободного места, было душно, и в воздухе пахло кровью. Что-то ударило меня по ногам, едва не сбив, а потом откатилось прочь. Я попятилась, упершись в грудь Морана как раз в тот момент, когда царившую полутьму рассеяла вспыхнувшая в его руке печать.

Пятеро раненых со свежими перевязками лежали на деревянном настиле — их состояние было стабильным и могло подождать, даже потемневшие от яда монстра бинты не выглядели столь ужасными. Но вот шестой даэв...

Юноша с закрытыми глазами и искусанными до крови губами метался по полу, погруженный в кошмары. Из его рта вырвался крик, что тут же прервался хрипом, и он закашлял кровью.

Я шумно втянула воздух, понимая, что теневой див потерял себя. Иногда скарды, отслеживая ревенантов с помощью их жертв, слишком долго пребывали в чужом ужасе и страхе. Обычно их учили покидать видение до смерти человека, но это выходило не всегда. И порою, когда они все же видели чужую гибель, тени тех событий захватывали

их и не отпускали, заставляя раз за разом переживать трагический конец.

Моран, поняв меня без слов, приблизился к несчастному и, упав на колени, придавил его к полу. Вытащил чистый лист и, быстро начертив печать, приложил его к груди юноши. Дазв перестал метаться.

Я опустилась рядом, коснувшись руки дива.

— Он сильно увяз. — Мой голос прозвучал негромко, почти утонув в окружающих звуках.

— Может, тогда обойдемся печатями? Ты можешь с этим не справиться, — звенящим тоном процедил Люций, собираясь создать очередной магический знак.

Его глаза наполнились тьмой, а пальцы ловко рисовали новые печати на листах, что он раскладывал по всему телу несчастного.

— Нет. Я справлюсь.

Див не стал спорить.

Чувства пострадавшего скарда были словно речка, воды которой почернели и бурлили под гнетом ужасных видений.

«Как долго он пребывает в этом состоянии?» — лишь поразилась я. В юноше почти не осталось жизни. Он был на грани.

Я прикоснулась к его лбу, чувствуя пронизывающий холод, и влила силу, тревожно вглядываясь в обезвоженное лицо. Скард застонал, по его телу прошлась дрожь, что с каждой секундой становилась только сильнее. Если бы не магические знаки Морана, то все бы не ограничилось одной лишь дрожью.

Тьма не желала успокаиваться, не хотела засыпать, она собиралась забрать его с собой и увести под завесу.

— Не так быстро... — прошептала я, отодвигая лацканы чужой мантии и ворот нижней рубахи. Одна моя рука коснулась шеи, другая забралась под одежду, сжимая плечо.

Я прикрыла глаза.

Морозные иглы пронзили мои ладони, тут же плавясь, растекаясь по венам. Они проникали все глубже, жадно пытаясь добраться до самого важного — сердца и разума. И в конце концов у них это вышло... Но, даже достигнув цели, эта сила ничего не смогла со мной сотворить, а только испуганно отпрянула.

Мое дыхание стало громким и хриплым. Я открыла глаза, удивленно замерев, и сглотнула. Прямо внутри повозки порхали на окрашенных в алый крыльях бабочки-глашатаи. Их магическое сияние придало всему вокруг темно-бордовые тона.

Моран же наклонился ко мне.

— Ты в порядке? — услышала я непривычно низкий голос.

— Да.

Мой взгляд метнулся к юноше на полу, спешно проверяя его состояние. Он обмяк, лицо его выглядело умиротворенно, и бледность постепенно отступала — несчастный просто спал.

Самое страшное осталось позади.

— Спасибо, — вдруг тихо сказал Моран. — Правда, спасибо.

Почему он меня благодарит? Вновь.

«Скорее всего, Люций его знает», — подумала я, отнимая руки от спящего и поправляя его мантию.

На помощь остальным ушло немного времени. Быстро со всем покончив, я направилась прочь из повозки. Эмоции скарда теперь бурлили во мне. Требовалась медитация, чтобы обуздать их.

— Их привлекает твой дар. Теперь я все понял, — проговорил Моран. Когда одна из бабочек села на его вытянутую ладонь, слабо улыбнулся. — Уже уходишь? — И поднялся вслед за мной. — Давай помогу.

— Не надо, — бросила я, отодвигая полог. Рафаиля снаружи не обнаружилось. Видимо, поняв, что мы справимся сами, див отправился на выручку другим. Я спрыгнула на землю.

— Как парень? — Норкросс появился вместе с моим наставником. Руки светлого были без перчаток. За те несколько минут, проведенные в повозке, из академии успела прибыть помощь.

— Ему лучше.

Теневой с сомнением кивнул. Подошел к пологу, на ходу говоря:

— Прауд, ему требуется глубокое влияние. Скорее осмотрите его...

Норкросс застыл, сжимая грубую ткань.

— Он в порядке, — кинул Люций, в этот самый момент укладывавший парня поудобнее. Мантия Морана подобно одеялу лежала под юношей. Дорогушая ткань оказалась испачкана в крови и нещадно измята.

— Да, я вижу, — сухо произнес мужчина и медленно повернулся. — У вас очень одаренные ученики, Лоуз. Я боялся, что парень не выживет, но, видно, зря.

— Спасибо за такую высокую оценку, но здесь мало моих заслуг, — помедлив, безмятежно отозвался наставник. Так, будто я и вовсе не нарушила приказ.

Мне запрещено было раскрывать все возможности своего дара, Прауд об этом знал. И теперь о моей оплошности обязательно доложат в обитель.

— Наставник, — склонила я голову. — Если моя помощь больше не нужна, я пойду.

— Да, конечно, — мягко согласился мужчина. — Тебе уже пора.

Прощавшись, я пошла к лесу. Сердце сдавливало от недавно поглощенных эмоций. Страх, ужас, желание умереть... Последнее подавляло, ввергало в отчаяние, заставляя собственные воспоминания пережитого вновь проникать в сознание.

Я шла словно в тумане, не в силах сосредоточиться на одной мысли. Было тяжело дышать. Звуки с главной дороги затихали под ударами нарастающего дождя, как вдруг кто-то схватил меня под локоть.

Оглянувшись, снова натыкаясь на Морана.

— Я тебя провожу.

— Не надо, — выдавила я — у меня осталось не так много сил с ним бороться. Больше всего на свете я желала остаться одной. Он прицепился ко мне совсем не вовремя.

Я осмотрелась — вокруг были лишь темные стволы деревьев и оставленная неподалеку насыпь крупных камней, что поднималась на несколько метров над землей. Несколько булыжников оказались просто раскиданы тут и там. И я вдруг поняла, что шла совсем не в том направлении.

— Зачем же злиться? В этот раз я и правда хочу помочь, — сказал Моран, обгоняя меня. — Ой, у тебя рукав испачкан.

Он было потянулся к ткани, но я не задумываясь отдернула руку. С каждой секундой все тяжелее было сохранять ясное сознание, чужие эмоции вырывались на поверхность, а Люций ослаблял концентрацию, мешал контролю.

— Люций, уйди, — сквозь зубы произнесла я.

Но это вовсе не произвело должного эффекта. Парень обрадовался. Его брови взметнулись вверх.

Я нахмурилась, смутно подозревая, что совершила какую-то ошибку.

— Ты впервые назвала меня по имени, Сара. И как я теперь могу тебя оставить? Или боишься, что нас увидят вместе? Но тебя ведь не волновало это, когда ты лечила теневого дива... Сара, позови меня вновь. Скажи, Лю-ций.

От его трескотни разболелась голова, я, сжимая виски, кое-как дошла до одного из камней и села. Мантия уже давно намокла от дождя, что ожесточенно барабанил по кронам деревьев.

— Ты уже не бережешь свою одежду, — остановившись рядом, проговорил Моран.

— Это обычная мантия, — тяжело ответила я. — Повседневная. Почему ты пошел за мной? Твои товарищи все еще находятся там, раненые, — не выдержала, взглянув на него.

Моран склонил голову.

— Но теперь ведь с ними все будет в порядке. Верно? — Пусть див и спрашивал, но в его голосе не было ни капли сомнений. — После того, как ты поработала с их эмоциями. Яд ревенантов питается болью. Чем больше мучается пострадавший, тем сильнее яд распространяется. И тот парень, ты ведь забрала его чувства себе? Я слышал, это опасно...

Как он понял? Откуда у него столько опыта?

Я несколько секунд следила за Мораном, что, остановившись, поднял с земли ветку и теперь крутил ее в руках.

— Ладно. Если не уходишь, то просто помолчи немного, — сдавшись, попросила я и прикрыла глаза. Не в силах больше ждать, погрузилась в себя.

Не знаю, сколько времени прошло, когда внутренний холод отступил и на смену ему пришла внешняя прохлада и сырость. На днях шел снег, что, конечно, растаял, но температура до сих пор была низкой, и после дождя даже теплая мантия стала бесполезной. Я продрогла и ощутила себя настолько изможденной, что боялась не устоять на ногах.

В этот миг я почувствовала запах дыма, а потом раздался треск веток.

Люций сидел на камне напротив меня. Склонившись к огню, он подбрасывал ветки в костер.

— Стало лучше?

— Да. Почему ты не ушел? — удивилась я.

— И оставил тебя одну?

— Ты мог кого-нибудь привести. — Слова давались с трудом, но я совершенно не понимала его поступка. Он вновь поставил меня в тупик.

Люций покачал головой.

— Ты не любишь показывать слабость. И... разве у тебя не будет проблем из-за раскрытия своего дара? — Огонь разгорался все ярче. Мы были в лесу, совсем близко к академии, но в то же время будто за тысячу миль от нее. — Каждый орден собирает данные о членах другого, и я знаю, что нигде в записях не указано, что ты эмпат со способностью отнимать эмоции. Наверняка это скрывают.

Так вот оно что...

— Больше нет причин хранить тайну, — лишь прошептала я, отводя взгляд. Вновь ощутила ту самую неловкость наряду со смущением. В такие моменты внутри будто разгорался огонь, который уже давно должен был потухнуть. — Уже не сохранить.

— Ну, мы попытаемся. Потребуется время, пока новость разлетится.

— Делай как знаешь.

— До сих пор не пойму, как можно быть такой отстраненной? — Моран вдруг подсел поближе. — Хочешь, высушу твою мантию? Я недавно изучал одну печать. Не уверен, что все выйдет как надо, но почему бы не попробовать?

Он потянулся было к поясу.

— Ой, точно. Я все израсходовал на того парнишку. Ну, ничего не поделаешь, тогда нам лучше просто вернуться. Ты забежала так далеко, что идти долго придется. — Он поднялся, протягивая ко мне руки.

— Что ты делаешь? — насторожилась я, отодвигаясь.

— Хочу тебя поднять. Ты ведь не сможешь идти самостоятельно.

— Не смей. Отойди.

Брови Морана сошлись на переносице. На меня посмотрели как на упрямого ребенка. Но мне было все равно — надо лишь немного

отдохнуть, и силы вернутся.

— Сорель, зачем упрямиться, когда я помочь хочу? Подожди-подожди... Ты сейчас упадешь! — Он ухватил меня за плечо в последний момент, не давая рухнуть с камня на холодную землю. — Хорошо. Тогда, может, просто будешь держаться за меня? Но как ты собираешься участвовать в совместной охоте? А вдруг тебя серьезно ранят? Тоже не позволишь никому тебе помочь?

В отличие от прошлых порицаний, в этот раз в его словах был смысл. Я правда почувствовала себя глупо. Просто... это же Люций Моран! Именно потому, что это он, я не могла нормально реагировать.

— Ладно, ты прав, — с неохотой сдалась я, все еще ощущая некий подвох.

— Вот так бы сразу. — Уже через несколько секунд я оказалась на ногах. Моя рука была легла на его плечи, а ладонь Люция — на мою талию. — Хорошо, идем. Нам в ту сторону, — добавил он, делая первый шаг.

Мы брели по лесу, пока неугомонный Моран все продолжал болтать.

— Ты вроде такая худая, но, Сорель, как ты удерживаешь свой клинок? Даже если его вес становится меньше из-за установленной связи, это удивительно. Однажды ты даже победила Рафаиля. Ты точно должна мне спарринг. Почему мы еще ни разу не сражались? Я, конечно, понимаю, что играть в догонялки интереснее, мы тогда хорошо повеселились в столовой, но не хочется постоянно получать наказания по таким пустякам.

Догонялки? Моран про тот случай, когда я хотела его зарубить?

Дождь давно завершился, но теперь все вокруг темнело от пропитавшей землю влаги.

— Разве не все твои наказания получены по пустякам? — сухо спросила я.

— Не все.

— Но как ты понимаешь, пустяк это или нет? Даже невинный проступок может стать причиной горя. — В этот раз я не укоряла его, а пыталась понять.

— Если так рассуждать, то и следование правилам может принести беду. Все очень неоднозначно.

— Приведи пример.

— Да легко! Недавно я предлагал тебе присоединиться ко мне и найти виновника, который крушит реликвии в академии. Но ты отказалась, — вещал Люций, его голос звучал громко, почти у самого уха. Я поморщилась. Мне не нравилась чужая близость, особенно прикосновения. Но эмоции Морана были легкими, невесомыми, как облака на небе. Даже когда чувства дива имели негативный окрас, ни одно из них не было направлено на меня. Это еще одна из причин, по которым я не воспринимала издевки юноши всерьез. — Что, если и твое бездействие тоже станет причиной несчастья?

— Глупость, — процедила я, отвернувшись. — По твоим словам, любой поступок может принести вред.

— Верно. Но разве не правильнее будет решать в каждом конкретном случае? Правила писали такие же даэвы, как мы. А они уж точно не могли предвидеть всех обстоятельств. Если у тебя достаточно ума, то лучше доверять самому себе.

— Ты, как всегда, слишком самонадеян, — произнесла я. Некая доля истины в словах дива имелась, но мы не одиночки, чтобы постоянно поступать так, как нам заблагорассудится. — Ты не можешь вечно пренебрегать решениями соратников.

— Если иметь свое мнение — это быть самонадеянным, то пусть будет так. Я лучше понесу ответственность за свои ошибки, чем останусь в стороне. И не говори мне, что ты не такая же. Пусть используем разные методы, но идем мы по одному пути, — убежденно заявил див, и его слова неожиданно оставили след в моей душе.

«Но идем мы по одному пути...» — повторила я про себя.

Действительно ли это так?

Повисло гнетущее молчание. Я посмотрела под ноги. Люций почти взвалил меня на себя, отчего двигались мы быстро.

— Но не стоит путать сказанное мною с легкомыслием. Тогда, два года назад, мой поступок был легкомысленным и халатным... Сара? — Люций посерьезнел. — Ты потеряла кого-то близкого?

— Почему ты так решил? — отстраненно спросила я.

— Я почувствовал это, когда оторвал твою руку от кристалла на занятии по сновидениям.

Мое сердце испуганно замерло.

— Ты видел что-то в его отражении? — сглотнув, проговорила я.

— Нет, — поспешно откликнулся Люций. Но он сам на себя похож не был. Отчего-то див испытывал вину.

Лжет или нет?

Я не боялась монстров, но мысль о том, что кто-то узнает правду, ввергала в тихую панику и заставляла кровь стыть в жилах.

Над головой громко и пронзительно прокричала птица, а весь остальной лес, наоборот, тревожно затих.

Я было промолчала, и когда, казалось, возможность для ответа была упущена, вдруг глухо сказала:

— Мой отец стал ревенантом. Он не был мне родным по крови, нашел меня совсем маленькой в лесу. До его смерти я даже не знала, кем являюсь. — Я впервые кому-то рассказывала об этом самостоятельно. В горле стоял ком, но я продолжила, хотя знала, что, скорее всего, в будущем буду себя корить за несвойственную мне болтливость. Ведь лучше всего было, как и прежде, проигнорировать Люция. — Это случилось ночью. Мне только исполнилось одиннадцать. Мы путешествовали и остановились на ночь в сторожке. Во время сна отцом овладела тьма. Он был хорошим человеком, поэтому перевоплощение происходило медленно. В ином случае я бы сразу умерла, но он упорно боролся с тьмой, что захватила его. Это длилось несколько часов, прямо у меня на глазах, а потом... Я не смогла его спасти.

Я знала, как сухо звучит мой рассказ, но каждое слово давалось тяжело. В груди словно образовалась пустота, а в голове оживал один из кошмаров, в котором именно моя ладонь сжимала окровавленную рукоять ножа.

Я чувствовала, как тело Люция напряглось. Он будто перестал дышать.

— Сор...

— Сара, ты ранена?! — вдруг раздался возглас. Из-за деревьев к нам бежала Айвен. — Что случилось? Как ты?

Девушка приблизилась, а за ней показалась Флер.

— Ничего страшного. Просто не рассчитала силы.

— Фредерик отправился на твои поиски. Ты так неожиданно пропала! — Она порхала вокруг меня, когда ее взгляд вдруг запнулся о мужскую руку. — Э-э-э...

— Похоже, мы могли не волноваться, — встряла Флер.

— Видимо да. Мы дивно провели время, верно, Сара? — тут же отозвался Моран. Ему палец в рот не клади — откусит.

Я поморщилась, снова вспоминая, почему он мне не нравился.

— И поэтому я просто обязан доставить ее домой... — Див крепче обхватил меня, и пусть не поднял на руки в привычном понимании, но оторвал ноги от земли, просто проносясь мимо застывших девушек.

— Поставь, поставь меня! — запротестовала я, но из-за недавнего рассказа мой голос звучал слабо. Люций попросту не обратил внимания, продолжая идти. Так мы ворвались в лагерь светлых, а я прикрыла глаза от бессилия, задаваясь вопросом: с каких пор моя жизнь стала именно такой?

Порой в подобные дни мне казалось, что я — не я вовсе. Пустая. Всего лишь оболочка. Даже открыв сегодня глаза и слушая пение птиц, видя свет, пробиравшийся сквозь ставни, я долго не находила причин, чтобы встать, умыться. Лишь шум за дверью и звук шагов Айвен, топавшей по половицам в коридоре будто какой-то великан, напомнили, что пора идти на занятия.

Я поднялась, долго рассматривая свои ладони.

«Выгорела», — осознала я. Еще ночью мне казалось, что эта участь обошла меня стороной. Но дар эмпатов коварен, будто тысяча брошенных кинжалов, — рано или поздно один из них достигнет цели. А может и не один.

Жить вовсе без чувств тяжело, но сталкиваясь с этим не впервые, я знала, как себя вести, — просто следовать распорядку.

Взяв в руки пошедший волной из-за постоянной влаги пергамент с расписанием, просмотрела перечень занятий. Вспомнила про монстра в клетке — уже прошло полгода с начала обучения, и похоже, ревенанта привезли именно для нас, первоодок.

Вчера у меня не было времени задуматься о наказании за свой проступок, а оно, скорее всего, непременно будет. Для всех даэвов существовало правило: орден превыше всего. Могло показаться, что нам только и оставалось, что бороться с порождениями тьмы, но нет. Орден — все равно что маленькое королевство, с кем-то он находился в союзе и партнерстве, с кем-то отношения были накаленными, а некоторые являлись врагами, которых следовало уничтожить. Поэтому

скрывать свою истинную силу считалось само собой разумеющимся. А сила обители — это умения ее воинов.

Я лишь недавно стала размышлять о противоречивости нашего мира. О многих условностях, что не приходились мне по душе... И возможно, именно Люций Моран стал тому причиной.

Весь день на занятиях царило спокойствие. Многие узнали о том, в каком состоянии вернулась недавняя группа, и это стало неожиданным стимулом, чтобы внимать каждому слову наставников.

Но несмотря ни на что, взгляд Айвен весь день был наполнен любопытством. Она желала расспросить меня о вчерашнем, но прекрасно понимала, что в нынешнем состоянии я вряд ли скажу ей хоть что-то.

Если бы эта девушка прикладывала столько усилий в учебе вместо того, чтобы стремиться узнать все и обо всех, возможно, ее мама и не была бы к ней так строга. Изабель желала видеть свою дочь лучшей. В этом мать Айвен была очень схожа с отцом Фредерика. Вот только брат и вправду соответствовал требованиям и прикладывал для этого все силы и время, а Айвен... В большинстве своем учеба ей была неинтересна, за что мать постоянно порицала ее, обвиняя в недостаточности амбиций.

Амбиции... Вот только при чем здесь они?

В разгар очередного занятия меня вдруг вызвали к моему наставнику. Я шла в кабинет без посторонних мыслей. И лишь открыв дверь и увидев еще одного даэва внутри, удивленно замерла. Кто ж знал, что та, о ком я размышляла совсем недавно, окажется не в обители, на расстоянии многих миль отсюда, а здесь, в Академии Снов, всего на пару этажей выше.

Изабель Ларак обернулась, сложив руки на груди. Ее белая мантия, вышитая темно-сиреневыми цветами лаванды по рукавам и подолу, скрывала женскую фигуру до самых пят. На пальцах серебрились кольца с прозрачными кристаллами — поговаривали, что в них она могла заключать чужие сны. Кожа на ее ладонях была покрыта множеством мелких шрамов, напоминавших царапины, оставшиеся от очень взбешенной кошки. Может, это и правда была кошка, которую захватила тьма, — кто знает? Скорее всего, Айвен была в курсе о происхождении ран, но сколько в свое время ее ни спрашивал Фредерик, та упорно это отрицала.

— Сара, я рада, что ты пришла, — сказала она.

Не рада. Совсем нет.

— Прауд, не оставите ли нас на пару минут?

— Да, конечно, — отозвался учитель с завидным спокойствием, хоть его и просили покинуть собственный кабинет.

Совсем скоро он вышел, а взгляд Изабель похолодел.

Глава 14. Обвинения

*Мы блюстители мира.
Мы носители истинного света.*

*«Записи светлого даэва». Библиотека
ордена Сорель*

Академия Снов, тридцать один год назад...

Сара

Изабель подошла ближе и прищурилась.

— Ты нарушила приказ, — прозвучало резко. — Глава будет недоволен.

— Я не могла поступить иначе. Надеюсь, глава ордена смягчится.

— Твой дар, Сара, достояние ордена. И тебе было наказано не раскрывать его.

Я посмотрела прямо в серо-зеленые радужки, которые без всякой магии меняли цвет, бывая разных оттенков моря.

— Он мог умереть. Разве чужая жизнь не является достойным оправданием?

— Нет. Ведь ты не знаешь, как обернется спасение его жизни для тебя и ордена. Если бы он умер, то было бы распоряжение судьбы. Важно послушание приказам главы. В будущем могут возникнуть ситуации, когда придется делать тяжелый выбор. И поверь, зачастую любое решение не обходится без жертв.

Я несколько секунд молчала, обдумывая ее слова, и спросила:

— Но если я все же могу избежать жертв, почему не спасти кого-то? Разве не для этого все наши тренировки?

Изабель отошла.

— Если ты не начнешь думать иначе, то в будущем это принесет тебе немало проблем. И обители в том числе, — проговорила она. — А пока... По возвращении домой тебя ждет наказание. Отправишься в пещеры у Духовного озера. Раз ты так симпатизируешь теневым даэвам, то тьма пещер будет тебе по душе.

— Я вас поняла, — отозвалась я. От Изабель я и не ожидала другого решения. — Можно задать вопрос?

— Говори.

— Как поживает госпожа Долорес? — спросила я, с трепетом в душе ожидая ответ.

— Пока ее состояние без изменений. Но врачеватели обещают, что она скоро придет в себя.

— Насколько скоро?

Дэва смерила меня холодным взглядом.

— Сара... Наш орден гордится тобой и возлагает большие надежды. Постарайся их оправдать. Можешь идти. — Изабель повернулась спиной, всем своим видом показывая, что разговор окончен.

И я покинула кабинет. Прауда снаружи не оказалось — видимо, наставник убежал по делам. Этаж пустовал, но едва я дошла до лестницы, как безмятежность светлой башни нарушилась покидающими учебные помещения даэвами.

На ступенях я встретила с Фредериком.

— Ты видела Изабель? — сразу догадался он, останавливаясь и отступая к стене.

— Да. Это ее прислали для расследования?

— Похоже, что так.

Мама Айвен занимала одно из главных мест в ордене. И выглядело очень необычно то, что именно ее прислали в Академию Снов.

— Наверное, дело в недавней охоте, где погибли светлые.

— Возможно, — согласилась я и сразу же рассказала о том, зачем меня вызывали.

— Подземелье? — удивленно вскинул брови див. — А это не чересчур?

— Ты сам бывал там дважды.

— Все равно это слишком строго, — нахмурился он. — Я понимаю, почему ты раскрылась, но все же... — Див вздохнул. — Ладно, пока забудем об этом. Как думаешь, Айвен уже знает, что ее мама здесь?

— Теперь уже да, — ответила я, глядя на замершую на лестнице девушку. Она хотела подкрасться и напугать Фредерика, но, услышав новость, остановилась на полпути. Похоже, мы обе одновременно

вспомнили о том, что дэва недавно проиграла подряд почти с десяток сражений, результат которых заносился в рейтинговую таблицу.

— Похоже, я пропала, — побледнев, испуганно прошептала она.

Когда занятия завершились, я вдруг вновь стала чувствовать. Эмоции вернулись быстро и совсем не вовремя. Мысли постоянно возвращались к наказанию. Чем больше я задумывалась об этом, тем сильнее меня одолевало беспокойство.

Ноги сами привели меня к тренировочной площадке. Сталь звенела. От множества столкновений в округе словно разливалась мелодия. Когда-то я корила Морана за то, что он выплескивал эмоции в сражении, теперь же сама была близка к этому, следя за спаррингами на площадке.

Само наказание волновало меня мало. Тревожила причина.

— Как Айвен? — спросила я, когда ко мне подошел Фредерик.

— Вроде хорошо. Хотя и получила нагоняй. Кажется, она даже рада, что увидела маму, — отозвался брат, и мы вместе прошли к скамейке, откуда можно было наблюдать за происходящим на площадке.

Значит, мне не стоит беспокоиться о кошмаре Айвен, который я увидела в кристалле? Всего лишь навязчивый страх? Возможно. Но дурное предчувствие, все равно не отпускало.

— Ах да. Это тебе. — Брат достал из кармана глухо запечатанный конверт. — Оно почему-то оказалось в моих письмах. Наверное, малец воспользовался золотой птицей. Хотел, чтобы оно скорее дошло.

Я перевернула конверт, увидев изящное «Саре», — даже в таком юном возрасте каллиграфии Сезара могли позавидовать взрослые даэвы.

Улыбнулась.

— Наверное, — отозвалась, вспоминая, как он жаловался в последнем послании о том, что письма доходят слишком долго.

— Этот ребенок меня пинает, а тебе шлет письма, — проворчал Фредерик, поднимая взгляд к небу.

— Ты просто не нашел к нему подход. Ничего, скоро он привыкнет.

— Кого-то он мне напоминает...

— Кого?

— Тебя. Правда, ты не пиналась. — Брат рассмеялся. — Лишь толкалась.

Когда я только появилась в обители, Фредерик ходил за мной по пятам. Даже когда я попыталась сбежать, чтобы еще раз увидеть свой прежний дом, он отправился меня вернуть. Далеко уйти я не смогла — дошла лишь до Духовного озера в получасе пути. Когда брат меня нашел, я попробовала толкнуть его, но он уклонился, а я свалилась прямо в озеро с невысокого обрыва.

Утонула бы, если бы брат меня не вытащил.

В то время я была не похожа на саму себя. Может быть, поэтому я нашла общий язык с Сезаром, когда он появился в обители Сорель год назад. Мне хотелось помочь этому ребенку, как когда-то помогли мне.

Я убрала конверт в карман, собираясь прочитать письмо чуть позже. Запустила руку под ворот мантии, вытаскивая серебристый кулон-полумесяц на толстой, выполненной из темного металла цепочке. Эта вещица всегда напоминала мне о детстве — беззаботном и счастливом, в котором мой отец был еще жив.

— Смени цепочку. Она совсем не подходит, — в который раз невзначай заметил Фредерик.

— Нет. И подвеска, и цепочка — это память.

— Об отце... — со знанием дела протянул Фредерик.

— Не только, — негромко прошептала я, почему-то вспомнив об этом именно сейчас. Я уже почти и забыла тот день и того человека, что оставил цепочку мне.

— Да-да. Я помню. Ты рассказывала, — отозвался брат слегка небрежно.

Вскоре мы отправились к домикам светлых.

Прошло несколько дней, на первый взгляд спокойных, но постоянное пребывание Изабель Ларак неподалеку не позволяло расслабиться. Она даже посещала занятия и вызывала к себе учеников.

В это же время настала моя пора патрулировать окрестности Академии Снов. Наша группа, состоявшая из трех светлых даэвов с разных годов обучения, бродила по лесу, охраняя территорию. В середине ночи мы менялись с другим отрядом. Выходило поспать несколько часов, а потом мы шли на уроки наставников.

Ночные патрулирования развивали выносливость, ведь никто не знал, сколько предстоит провести без сна на охоте. В сложных

ситуациях выслеживание и преследование какой-нибудь твари могло занять не одни сутки.

В один из таких тяжелых учебных дней я вдруг поняла: что-то не так. И буквально через минуту осознала причину — Моран отсутствовал.

Пропускать уроки считалось злостным нарушением, и за это всегда давали наказания — внеочередное участие в ночном патруле, переписывание какого-нибудь обветшавшего фолианта, разборка хлама в неиспользуемых помещениях... А иногда просто заставляли стоять на коленях перед одним из входов, на улице, лицом к окнам. Каждый наставник имел свои способы обеспечивать посещаемость, и нужна была веская причина для неявки.

Второй странностью стало поведение теневых — Рафаиль без конца ерзал на стуле, даже не пытаясь записывать за наставником. Он тяжело дышал и поджимал губы, не в силах успокоиться. Коэн дрожал, страхась неизвестности, — отголоски этого страха даже донеслись до меня. Блез вел себя чуть спокойнее Руньяна, но все же был хмур и задумчив.

Что происходит?

— Каждого даэва в конце года ожидает испытание, которое состоит из двух частей — практической и письменной. Первое — это совместная охота, по истечении которой наставник оценивает ваше мастерство, а второе — контрольная работа, в которой вам предстоит ответить на несколько вопросов. По итогу испытания учителя решают, какое количество звезд вам присудить. — Див остановился, перестав мерить шагами комнату.

Дантал Жевре принадлежал к тeneвым. Обычно его голос был монотонным, скучающим, он позволял себе сидеть, развалившись на стуле, закинув ноги на стол, отчего полы его мантии свешивались вниз. И в целом, по моему мнению, вел себя крайне вызывающе и невоспитанно, особенно с учетом его статуса учителя.

Заметив странности, теперь я пригляделась и к наставнику.

Сегодня мужчина выглядел нервно и рассерженно, метался по кабинету, заложив руки за спину. И даже его меч был при нем, прикрепленный к поясу, а не как обычно небрежно лежал на краю стола.

Я прикрыла глаза и потянулась даром, прощупывая всех студентов.

Обеспокоенность была повсюду. Особенно среди теневых. Прошрое занятие у наших потоков проходило отдельно, значит, что-то произошло на предыдущем предмете, когда даэвы тьмы находились у себя.

— Но все знают, что дар даэвов обладает разной мощью. Да, мы все имеем склонность, но все же потенциал разный. В совместном бою с тварями от этого зависит, где именно вы будете находиться, — в авангарде или позади. Но как бы то ни было, главное ваше преимущество — владение клинком. Советую не пренебрегать тренировками и упражняться еще чаще, чем поручают другие наставники. Тогда звезд на ваших ключицах будет больше, и вы добьетесь уважения и почитания.

Див вещал, давно сбившись с изучаемой темы. На его занятиях мы проходили иные ордена, их устройства или изучали героев, оставивших след в истории. Примеры из прошлого помогали справиться с порождениями энергии Серого мира в будущем.

Совсем недавно мы изучали биографию Малфаса Умелого, который заманивал ревенантов в ловушки, используя туши животных, и однажды победил тварь, уничтожившую целый город, — руины Ситри до сих пор сохранились на юге Исонии.

По записям в хрониках, это произошло почти два века назад.

— Сегодня его совершенно невозможно слушать, — тихо прошептали рядом.

Флер глянула на меня, заправила локон волос за ухо, придвигаясь к краешку стула и в то же время не отрывая взгляда от наставника. Ее изящные ладони смиренно лежали на столе, но ноги, пусть и скрытые мантией, были расслабленно вытянуты и перекрещены между собой.

— Я видела Морана. И мне показалось, что дела у него идут не очень хорошо.

Дантал Жевре кинул на нас острый взгляд. Пока его внимание не ослабло, я молчала, но стоило наставнику отвернуться, попросила:

— Расскажи.

Флер лукаво улыбнулась, а я отчетливо поняла, что все же ее характер мне не по душе. В каждой ее фразе чувствовалось второе дно.

Флер родилась в одной из нижестоящих семей, служащих ордену. И несмотря на то, что мои настоящие родители неизвестны, а я даже не родилась в стенах обители, мое положение было гораздо выше.

— Разве Айвен не рассказала о планах своей матери? Кажется, она с самого начала стала подозревать Люция. Опросила несколько светлых, узнала, кто чаще всего нарушает всеобщий покой... И вот — виновный найден. Тем более ту стену с фреской разрушили как раз тогда, когда Моран отбывал наказание в башне.

— Со мной никто не разговаривал, — прошептала я, оставаясь спокойной, но хруст пера в ладони не дал обмануть даже саму себя.

Если и разговаривали, то не об этом.

Ни для кого не секрет, что Изабель Ларак относилась ко мне неблагожелательно. Отчасти из-за Айвен, отчасти из-за Фредерика. По крайней мере, так считала Долорес, которая однажды сказала, что я помеха, возникшая из ниоткуда и внезапно смешавшая все планы. Бабушка брата еще иронично рассмеялась — ее очень забавляла эта ситуация. Но смысла ее слов я не поняла до сих пор, а она лишь бормотала: «Придет время — поймешь. Все поймешь».

Не исключено, что меня целенаправленно обошли стороной. Или просто решили не связываться.

— Подозреваю, сейчас они обыскивают жилище Морана. Ты же знаешь ее методы. Может, они там и найдут что-нибудь, — тихо продолжала Флер.

— Зачем ты мне это говоришь? — обернулась я к ней.

Девушка пожала плечами.

— Все просто. Мне не нравится ни мать, ни дочь. А теневые дивы... Ты же знаешь Люция лучше любого из нас. Хотя если это правда и он виновен, ты, наверное, будешь рада. Не так ли?

«Не так ли?» — повторилось эхом в голове.

Я глянула на Айвен. Та сидела на нескольких столов впереди, склонив голову, записывала слова наставника на пергамент.

Теперь понятна нервность Рафаиля, страх Коэна, обеспокоенность Блеза и метания учителя.

— Фредерик тоже успокоится, он ведь... — Флер резко замолчала.

— Сорель, что? — недовольно спросил учитель, останавливаясь и прерывая лекцию.

— Можно выйти? — Я опустила руку.

— Хорошо. Только ненадолго.

— Спасибо, наставник. — Коротко склонив голову, я вышла из-за стола, идя к выходу.

Айвен вопросительно оглянулась на меня.

Покинув кабинет, я спустилась по лестнице и направилась к лесу, где, по моим предположениям, находился лагерь теневых.

Темная дорога, устланная мелким черным гравием, беспорядочно петляла между деревьев, делая крюки, точно стараясь запутать. Постепенно тут и там стали попадаться черные камни, что блестели в это время года от постоянной влаги в воздухе.

Вскоре я прошла насыпь, возле которой мы остановились в ту ночь с Мораном. Это навевало воспоминания. Он не ушел, пусть мерз сильнее меня, оставшись без мантии.

На ветку дерева, которая прогнулась от веса приземлившегося на нее ворона. Он глянул на меня с подозрением и крикнул. Глубокий гортанный звук разнесся по лесу.

Стоило пройти птицу, как сразу возникла другая. Они то ли провожали меня, то ли желали спугнуть и прогнать.

Вороны любили темную силу, следовали за ней. Но пустоголовые птицы никогда не понимали разницы и слетались как к стражам, так и к порождениям Серого мира, к разной нечисти и к жертвам ревенантов. Исключением оставался лишь особый вид, что был гораздо меньше и умнее своих сородичей, — на севере, в Акраксе, его использовали для доставки писем.

Лагерь теневых окружала живая изгородь из колючих кустов, настолько высоких, что просто так не перепрыгнешь, — разве что забравшись на дерево. Изгородь была скорее частью антуража, чем настоящей защиты. Сразу за ней начинались дома — невысокие, сложенные из серого камня, которые точно так же, как и вторую башню академии, пятнами покрывал мох.

Вокруг было пусто. Я прошла дальше, заходя все глубже и слыша нарастающий шум.

— Мы бы не делали этого без веских доказательств, господин Норкросс. — Голос Изабель звучал исключительно вежливо.

Рядом с ней находился теневой див, что, сложив руки на груди, всем своим видом излучал гнев. Возле него едва не клубилась теневая энергия, выдавая в нем мортема. Воин еще не успел покинуть

Академию Снов после недавнего возвращения его группы и, похоже, был втянут в новое происшествие.

— Ваши доказательства притянуты за уши.

— Не злитесь, коллега. Мы пока просто расследуем это дело, — невинно вмешался Лоуз Прауд. Все трое собрались неподалеку от входа в жилище теневых даэвов.

Люций тоже находился здесь — стоял у противоположного угла дома в окружении теневых наставников. На лице Морана застыло мрачное выражение лица. Он ни на кого не смотрел и не обращал внимания на шорох, раздававшийся из окна его комнаты, где, видимо, происходил обыск.

Он был задумчив и испытывал досаду, но не оттого, что его поймали, а будто что-то упустил...

Эмоции Люция звучали громко, разливаясь на всю округу. Он всегда чувствовал слишком ярко, поэтому, что бы он ни творил, я знала, что злого умысла в его поступках нет.

Если вину Морана докажут, то даже статус наследника могущественного ордена не поможет. Главы — не исключено, что только светлые, — потребуют наказания, и отцу Люция не останется иного выбора. Он обязан будет исполнить требуемое, чтобы не подвергнуть всю свою обитель опасности.

— Сорель? — Прауд заметил меня первым, посмотрел удивленно. А я подошла ближе, видя, как с подозрением сощурилась Изабель.

Норкросс вздернул подбородок. Его взгляд стал настороженным.

Но их реакция была ничем по сравнению с тем, как изменились чувства Морана. Я замедлила шаг, когда от его эмоций по телу прокатились волны холода и жара. Я даже не смогла разобрать оттенки — он испытывал слишком много.

— Извините за беспокойство, наставник, — склонила я голову и перевела внимание на Прауда.

— Что ты, думаю, ты бы не пришла сюда по пустякам, — отозвался Лоуз, его взор скользнул к моим ладоням и вновь поднялся к лицу.

В этот момент из дома вышел один из светлых, держа в руке несколько книг.

— Госпожа! — Даэв быстро спустился по ступенькам. — Посмотрите.

Изабель отвела от меня напряженный взгляд, обратив его к страницам.

Она непонимающе нахмурилась, начав листать, а потом коротко усмехнулась.

— Норкросс, гляньте. Странно, что кто-то совершенно не причастный к преступлению хранит у себя подобные вещи. — Фолиант оказался у теневого, к которому я стояла ближе всего. На страницах обнаружили зарисовки...

Это был путеводитель по Академии Снов, где на каждой странице были изображены значимые места башен и статуи с описанием личности, которой они принадлежали. Но по тому, как быстро сменились картинки изваяний другими предметами, мне показалось, что там были далеко не все. И больше всего внимания привлек тот самый символ древнего ордена в углу каждого листа. В книге в перечеркнутых кругах прятали нумерацию талмуда, поэтому знак не бросался в глаза.

Они не знают...

— Это все косвенные доказательства, — в конце концов бросил Норкросс, но голос дива звучал уже не так уверенно.

Я вновь бросила быстрый взгляд на Люция. Тот стоял, зло поджав губы.

— Книги в комнате, его магическая печать на обломках. Есть те, кто утверждает, что видели господина Морана возле разрушенных реликвий. Не вспоминая о той ночи, когда он отбывал наказание.

— Вам не кажется, что это слишком глупо? — вдруг встрял Моран, его голос был мягок, но вот взгляд колюч. Он склонил голову, устало и раздраженно смотря на наставников. — Если бы даже это было моих рук дело, я бы не стал себя так подставлять. Не говоря уже о руне, которую вы нашли на разрушенном изваянии. Это была отслеживающая магия, не разрушающая.

— Мы видели печать... — отчеканила Изабель.

— Ее могли поправить.

— Не говорите ерунды, ни у одного ученика не хватит знаний и сил, чтобы внести изменения в чужую печать, — поморщилась мама Айвен.

— Вот именно, это был кто-то из наставников, — прозвучало как гром среди ясного неба, вызвав гнев у всех старших без исключения.

Даже Норкросс предостерегающе уставился на Морана, будто говоря: «Не делай свое положение еще хуже...»

Воцарилась удушающая тишина.

— Извините, — вмешалась я. — Вы упомянули ночь с наказанием и разрушением фрески.

— Да, Сорель. Тебе есть что сказать? — ответил мне Норкросс, опередив всех.

— Стену разрушили ранним утром, и я хорошо помню этот день. Меня часто мучает бессонница, и в то предрассветное время я вышла прогуляться, — начала я. Изабель знала о моей проблеме, и я никогда не лгала, что уже придавало весомости моим словам. — Так совпало, что я слышала шум из светлой башни. Поначалу я не обратила на это внимания, но теперь поняла, что именно в тот момент уничтожили фреску. Однако не это главное... — Не знаю, что заставило меня посмотреть Люцию в глаза, но это придало уверенности в собственном решении. — Спустя несколько минут я заметила Морана выходящим из леса. Он, видимо, отлынивал от наказания. Это непозволительно, но не отменяет того, что в башне его не было. И эта книга... — Я указала на фолиант в руках Норкросса. — Это я дала ее Люцию.

Я впервые соврала. Никогда не думала, что сделаю это ради теневого дива. Но в жизни каждого бывают моменты, когда приходится поступать так, как велит интуиция. Не хватило бы одних показаний как свидетеля, стоявшего у башни, надо было ударить по обоим фронтам. А еще требовалось их отвлечь...

— Зачем вы дали ее Люцию? — продолжил Норкросс, пользуясь всеобщим замешательством.

— Из-за символов на страницах, — сообщила я.

— Символы? — Див озадаченно покрутил книгу в руках.

— Да. Там, где нумерация. — Я подошла ближе, показывая на уголок потемневшего от времени листка. — Мы с Люцием заметили, что этот символ был на многих разрушенных статуях. Не уверены, что на всех, но на последних точно.

— Хотите сказать, что вы расследовали это дело? — Норкросс удивленно глянул на Морана.

Похоже, див был приближен к Северному ордену... Надо понять, как они связаны с Люцием, на всякий случай.

— Можно сказать и так, — согласилась я.

Норкросс усмехнулся, теперь уже не скрывая улыбки.

— Мой племянник говорил вам, что его не было в башне.

А-а-а, дядя! Надо же.

Похоже, мне не хватало образования в области кровных уз тeneвых. Надо будет восполнить пробел.

Гордость Изабель была задета. Ее взгляд не предвещал ничего хорошего.

— Сорель, а почему вы не сообщили о том, что Моран нарушил правило и не был в башне, сразу? — спросил Лоуз Прауд.

— Забыла, — призналась я, прикрывая глаза. — Его поступок возмутил меня. Но это происходит так часто, что я просто забыла. Готова принять наказание.

Я замолчала, ожидая их решения. Старалась не задумываться о том, что в последнее время моим наказаниям и так не было числа.

— Ну, думаю, раз у Люция есть алиби, то его невиновность доказана, — подытожил Норкросс, не скрывая своей радости.

— Пока да, — осторожно согласилась Изабель и попросила книгу, что нашли в комнате Люция. — Хочу изучить. А что касается знаков... приятно видеть у молодого поколения подобный энтузиазм. Вот только совсем не удивительно, что символ ордена, основавшего Академию Снов, находится здесь повсюду.

— Это верно. — Теневой див передал фолиант. — Пойдемте, не стоит попусту тратить время.

Изабель с неохотой кивнула.

— Возвращайтесь на занятия, — бросила она, и вся делегация пошла прочь. Мы с Мораном остались вдвоем.

Повернувшись, я было собралась идти следом.

— Сорель... — Я остановилась. — Как ты узнала о знаках?

Значит, Люций все же был не в курсе, что я их подслушала. Даже обидно, что меня приняли за крыс.

— Случайно. — Нельзя было уйти, не выяснив кое-что. — Ты взял ту книгу в библиотеке без записи? — Подобный поступок в духе Морана.

Я повернулась к нему. Мне так не хотелось вмешиваться в это дело, но выбора не оставалось.

— Верно, без записи. Не хотел, чтобы кто-нибудь узнал о том, что я интересуюсь этим.

Значит, меня ждало очередное наказание. Теперь я еще и стащила книгу из читальни.

— А насчет печати?

— Оставил несколько отслеживающих, но я хорошо их спрятал. Это были редкие символы, их не изучают в Академии Снов.

В умениях Морана я не сомневалась. Если он это утверждал, значит, так и было.

— А уж так тонко внести изменения в знак, не оставив следов...

— Он хмыкнул, уставившись в никуда. — Это сделал кто-то из наставников, Сара.

Повисло молчание. Я помнила, как оскорбились старшие, стоило Люцию сообщить о своих мыслях. Не зная я всей ситуации, тоже бы разозлилась.

— Сара... — На губах Морана расцвела лукавая улыбка, он подался вперед. Я настороженно попятилась. — Ты спасла меня. Почему? Неужели причина в моей обворожительности?

— Что?! Не мели ерунды, — возмутилась я.

— А что? Это была бы достойная причина. Только подумай, бесчувственная Сара совсем не бесчувственна. Светлая, которая является примером для всех, была сражена харизмой теневого дива, — заливался соловьем Люций, до поры до времени не замечая ничего вокруг. — Это было бы почти как в леген... Стой, ты что делаешь? Не надо вытаскивать меч! Отпусти его. Вот так.

Тяжело вздохнув, я убрала руку.

— Извини, — вдруг произнес Моран. — Я всегда веду себя так в напряженных ситуациях. Это моя защитная реакция. Меня едва не обвинили в том, чего я не совершал. — Он некоторое время помолчал. Потом вновь улыбнулся, и его глаза лихорадочно заблестели. — Просто кто бы мог подумать, что единственной, кто поверит мне, будешь ты — Сара Сорель. И теперь мы просто обязаны вместе разобраться со всем.

Глава 15. Подготовка к путешествию

Истинные верующие задаются вопросом: почему боги покинули этот мир? Мы же должны подумать о том, существовали ли они вообще.

«Записи исчезнувшего Ордена Хранителей». Библиотека города Турис

Шум пенящегося подземного потока, врезающегося в гладь водоема, ворвался в сознание. Мысли оказались настолько спутанными, что я не сразу поняла, где нахожусь. Прошлые до сих пор яркими картинками стояло перед глазами. Воспоминания вынырнули на поверхность, будто поток воды, прорвавший платину.

Голова разболелась. Я накрыла ладонью лоб, не сдерживая сдавленного вдоха.

— Сара? — Люций, склонившись, сидел возле меня. Его волосы серебряными реками скользили по моим коленям и ниспадали на пол. — Что случилось?

Одна рука дива легла на мою щеку, вторая коснулась подбородка, заставляя поднять на него взгляд.

Звуки вокруг будто усилились, я заново оглядела пещеру, точно очутилась в ней впервые. Не покидало чувство, словно в мою личность вложили еще один пазл. Один из центральных, что влиял на все остальные мысли.

— Все хорошо. Голова разболелась, — пробормотала я, отворачивая голову. Моран опустил руки.

Я смотрела в стену грота, ожидая, что Люций отстранится, но див продолжал сидеть передо мной, поджав под себя ноги.

— Ты ведь догадываешься, где второй кристалл? Тот, что принадлежит мне, — спросила хрипло.

— Предполагаю, что у светлых в обители Сорель. — Его голос звучал мягко и успокаивающе.

— Почему там?

— Это ведь ты его нашла. Кому бы ты отдала осколок, как не своим? — иронично ответил див, вмиг переменившись.

Всякий раз, когда мы заговаривали о моей семье, Люций становился колючим и язвительным. И судя по моим воспоминаниям, ему не за что было их любить, но все же... В этом определенно крылось нечто еще.

— И как ты планируешь его достать? — спросила прямо. — И почему не отыскал его раньше?

Люций склонил голову набок.

— Пробовал как-то. — Он вновь улыбнулся, но в этот раз его улыбка оказалась какой-то надменной. — Около десяти лет назад. Случайно столкнулся с твоим братцем в Астерии. Хотел поговорить по душам, узнать, где спрятан кристалл, а он сбежал.

— В столице Исонии? Разве срединное и третье королевства не ведут на тебя охоту?

— Ведут. Но пока безуспешно, — поведал он. — Тебя ничуть не удивляет, что он сбежал?

Люция развеселил этот факт.

— Видимо, у него были на то причины, — произнесла я.

Моран рассмеялся.

— Наверное... Великий глава ордена Сорель бегал от меня как заяц. Пока не затаился в одном из домов. И вот здесь случилась странность. Фредерик пропал. Я точно знал, что он должен был находиться в той комнате. Но там оказалось пусто, а одна из дверей обратилась пеплом. Что это была за магия, Сара? Не знаешь?

— Не знаю. Она у тебя на глазах рассыпалась? — задумчиво поинтересовалась я. Соврав один раз в прошлом, я врала вновь. Ложь так легко срывалась с языка, будто ничего не значила.

— Нет. Не на глазах. — Моран наклонился, пристально посмотрел на меня. Я же спокойно встретила его внимание. Это продолжалось несколько секунд, пока он снова неожиданно легко не улыбнулся и не отодвинулся как ни в чем не бывало.

— Прежде не было смысла разжигать новый конфликт. И я был очень терпелив.

— Конфликт?

— А ты думаешь, светлые отдадут кристалл просто так?

— Тебе — нет.

Моран фыркнул.

— Сара, что бы ты сейчас ни думала, поверь мне, в лучшем случае они запрут тебя в обители, запудрят голову, а потом будут являть народу как ожившую святую. Фредерик любит тебя и вреда не причинит. Но все же, пока не убедятся в твоей верности, свободу тебе не получить, — с недовольством бросил он и гораздо тише, почти шепотом, продолжил: — Можешь подозревать меня в обмане, но рано или поздно ты поймешь, что из всех оставшихся в этом мире, возможно, только я заслуживаю твоего доверия.

Его слова показались мне зловещими. В них звучала недосказанность. Я пока не собиралась спорить, тем более вернувшиеся воспоминания заставляли задуматься. В чем-то Моран был прав, когда говорил, что я забыла лишь его. Но я не то чтобы забыла, а скорее помнила лишь все самое плохое.

До этого дня слова Люция о том, что он считал меня другом, выглядели чушью, но теперь... Я бы не стала отрицать это столь категорично.

— Но все же, как ты тогда собираешься достать кристалл?

— Неужели тебе это правда интересно, Сорель? — лукаво сказал Моран.

— Интересно, — подтвердила я. — Как и то, почему все вокруг считали меня мертвой.

— Если подумать, это было не так уж далеко от правды, — мрачно протянул он. — Ведь даже я не знал, очнешься ты или нет. Должен признать, именно это было мучительнее всего. Но прошел год, а ты все еще была жива. Так минуло пять лет, потом десять. Примерно в это время я понял, что мы с тобой перестали стареть. Поначалу это даже обрадовало — пусть годы утрачены, но все же отведенного времени стало больше. Вот только, когда прошло еще столько же... — Див вдруг взглянул на меня, замолчал. Мне даже казалось, что он пожалел о сказанном, пока Люций не произнес легкомысленно: — Если бы ты не очнулась, то у нас бы не было и шанса закрыть второй портал.

Он вновь улыбнулся, а я вдруг испытала облегчение.

Почти сразу вспомнила встречу с Сезаром в Тронге. То, как он был потрясен и, когда нас догнали теневые даэвы, собирался сражаться до конца, даже если это принесло бы ему смерть... Пару секунд назад взгляд Морана очень напоминал взгляд Сезара. Мое

сердце при виде выражения его лица словно провалилось в пропасть. И не понимая причины, я предпочла пока просто забыть, сосредоточившись на действительно важном.

— Помнишь, когда в академии рушили статуи? — произнесла я. Идеи, что рождались в моей голове, и решения, которые принимались, вряд ли бы понравились Люцию.

— Конечно, помню. Это было очень запоминающееся время. — Див вдруг разлегся на полу, вытянув одну ногу, а вторую согнув в колене. Подперев щеку, он с любопытством уставился на меня.

Прямо сейчас Люций напоминал теневого бога Фародея, что нередко изображался на полотнах в подобной расслабленной позе, полной сладкой неги и наслаждения. Не хватало винограда, алой ткани и змей, что всегда роились у его тела.

Мой взгляд остановился на татуировке, прикрывающей шрам.

— Я вспомнила далеко не все... И мне интересно, кто, если не ты, разрушал изваяния и воровал книги.

— Ох, ну это не такой уж секрет, — заметил он. — Но давай ты сначала попробуешь догадаться сама.

Я нахмурилась.

— Ну же, Сара, сделай мне одолжение. — Но, так и не дождавшись ни одного предположения, Люций сощурился. — Что ж, ладно. Не могу удержаться — это был Лоуз Прауд. Твой наставник.

— Мой наставник? — быстро переспросила.

— А в прошлый раз я не видел у тебя такого выражения лица. Возможно, потому что это ты обо всем догадалась, — заметил Моран, отрешенно подняв взгляд к потолку. — Помню, что этот светлый казался таким правильным, вызывающим доверие, за которое мы едва не заплатились жизнью. Мы ходили по грани, еще немного, и нас бы растерзала нечисть.

— О чем ты?

— Да, в общем-то, нечего рассказывать. Мы просто оказались в ловушке.

Я совсем не помнила того, о чем говорил Люций. Снова темное пятно, подобно грозовому облаку плотно укрывшее собою события прошлого.

Никогда бы не подумала...

В момент, когда на краткий миг воцарилась тишина, ее безжалостно разрушил чужой крик — сбоку пронеслась тень, и в воздух поднялась волна. Если бы не вскинутая Люцием ладонь с печатью, нас бы окатило с ног до головы.

— Даже не рассчитывал на такой улов, — произнес Моран.

Я скептически уставилась на него. Теперь не оставалось сомнений, чьими стараниями исчезли ступеньки у меня под ногами.

— Ты ни капли не изменился...

— Ошибаешься, Сара. Я очень сильно изменился, — почти прошептал он.

Вдруг раздались ругательства.

— Люций! Да чтоб тебя тьма побрала! Сожрали твои же вороны! — отплевываясь, поносил его Рафаиль. Он продолжал ругаться и ворчать. И говорить что-то про хорошее настроение, которое Морану некуда направить.

— Он не всерьез, — доверительно сообщил мне теневой.

— Я не была бы в этом уверена, — ответила скептически. Слова Руньяна звучали очень уж убедительно.

— Когда-то давно мы заключили пари. Обычно играем до трех. Кто первый попадется три раза, тот проиграл, — поведал див.

— И какой приз?

— Он всегда разный, — таинственно прошептал Люций. — Если желаешь узнать, то сыграй со мной.

— Нет, спасибо, — не задумываясь отказалась я.

За эту ночь ловушка сработала дважды. Ступеньки вновь исчезли, и в этот раз уже тот, кому она и предназначалась, ласточкой полетел вниз.

На мокром полу подрагивали отражения свечей. Рафаиль рывком подтянулся и выбрался на каменный берег. Потряс головой точно животное.

Моран, поднявшись, сел в позе лотоса, не спеша скрываться от разгневанного дива, а я кое-что вспомнила.

— Он же боится тесных помещений, коридоров и тем более пещер. Тогда почему...

— Боится. Поэтому много лет назад Рафаиль изучил весь план подземелья, продумал несколько способов выбраться, если какой-нибудь ход обвалится, и лишь тогда смог спуститься. В Академии

Снов он воспользовался тем же способом. Уметь справляться со своими страхами очень важно, не так ли? — с многозначительным видом выдал Люций.

— Вновь ты за свои... — Рафаиль замолчал, наконец-то заметив меня, и застыл на полушаге.

Я все еще сидела на полу. Раньше я бы себе этого не позволила. Но какой прок в чести, когда тебя столько лет считали мертвым и ты находишься в другом теле?

И все же, не став расслаиваться, я медленно поднялась, обдумывая недавно услышанное. Лоуз Прауд. Кто бы мог подумать?..

Когда все началось и в светлой башне разрушили изваяние, он был первым преподавателем, явившимся к нему. Потрясение на его лице казалось таким настоящим. Если он и притворялся, то делал это с завидным мастерством.

Но...

Перед глазами вновь предстала картина того, как мы с наставником стояли около осколков статуи. Когда я подошла к нему, даэв отшатнулся от меня. Неужто испугался, что я прочту его чувства?

Сейчас я не могла найти ни одного воспоминания со старших годов обучения, в котором присутствовал бы Лоуз Прауд. Конечно, моя дырявая память — не то, на что следовало полагаться. Но пока рассказ Люция выглядел правдиво.

Учитель всегда вел себя крайне осторожно, зная, что я могу прочесть отголоски эмоций и без прикосновения, он тщательно за собой следил.

Прикосновения... Когда я лишь начинала развивать свой дар, то не могла обойтись без них. И поменялась телами с Майей, как раз когда она держала меня за руку. Совпадение?

Неожиданно взгляд уперся в собственное отражение в практически глянцевом полу — облик пухленькой девушки весьма контрастировал с внешним видом Люция и Рафаиля. Белые волосы Морана будто светились, создавая ореол вокруг его головы, словно у божественного создания. Рафаиль же, будучи в ярости и желая мести, выглядел воинственно.

Я совсем не ощущала гнева Руньяна. Но зато знала, что Майя сейчас сладко спит в своей постели, — ей даже снилось что-то приятное.

— Я слишком стар для подобных причуд.
— Что ты. Ты, наоборот, слишком молод.
— Не сравнивай меня с собой, — процедил Рафаиль.
— А куда делся Коэн? Он же всегда ходил следом за вами, — бесцеремонно встряла я.

Повисла краткая тишина. Оба дива тяжело переглянулись.

— Он умер, — низким голосом сообщил Люций. — И кстати, Лоуз Прауд тоже.

Рука Рафаиля постоянно касалась стен подземного хода. Если его пальцы и отнимались от твердой поверхности, то лишь чтобы с плохо скрываемой поспешностью вернуться обратно после нового шага.

Запах гнили, ранее полностью захвативший подземные коридоры, куда-то испарился. И теперь единственным его источником была я. Мне стоило бы вновь окунуться, но я решила не лезть в ледяные воды в человеческом теле. Ведь, даже несмотря на мою сущность, велик шанс подхватить воспаление легких.

Стоило только спросить про Коэна, как между мной и теневиками воцарилось нерушимое молчание.

Я никогда не испытывала симпатий к этому диву. Скорее наоборот. В его поклонении Морану было что-то настораживающее, немного даже отвратительное, ведь то обожание было безвозвратно отравлено завистью. Но все равно... умер? И наставник тоже? Когда это случилось? Пока я спала или до?

За размышлениями я едва осознала, что мы с Рафаилем разминулись.

— Приятно видеть, что хоть что-то неподвластно времени, — заметила я, когда мы остались с Мораном наедине. — Руньян все еще верен тебе.

Семья Рафаиля испокон веков следовала за главами Северного ордена. И если последние всегда являлись советниками короля Акракса, Руньяны исполняли ту же роль для глав ордена. Еще в академии, какое бы наказание ни получал Люций, его друг всячески ему помогал. Хотя и обратное происходило нередко.

— Это да. — Теневой слабо улыбнулся.

— Куда мы идем?

— Да так. Хочу кое-что показать. Не пойми превратно, раньше я собирал эти вещи для коллекции.

Уже некоторое время ход вел вверх, и мы приближались к поверхности. Теперь коридор укрепляли деревянные палки, изборозжденные глубокими трещинами. В углах, на стыке укреплений, совсем не стесняясь, сплели свои паутины колонии больших черных пауков.

Один из которых внезапно свесился вниз прямо перед моим лицом.

Протянув руку, Люций убрал его прежде, чем это сделала я.

— Почти на месте, — предупредил он.

Стоило пройти еще несколько метров, и мы уперлись в стену. Нашарив рычаг, Люций нажал на него, раздался щелчок, и дверь открылась. Я едва ли разглядела огромную картину, за которой эта дверь скрывалась, — то, что находилось внутри, полностью захватило мое внимание.

Круглое помещение оказалось полностью заставлено разномастными фигурками, картинами, тряпичными куклами, как теми, что могли восхитить искусной работой мастера, так и простыми, сшитыми из первой попавшейся под руку ткани, с глазами-пуговками, а у стены пылились пергаменты, сваленные в кучу на кушетке.

Это было поистине потрясающее зрелище, ведь лучшие экспонаты позволяли узнать, кому именно посвящались все эти предметы. Мне. Какие-то были красивы, какие-то уродливы. Почти всегда в моих руках находился клинок.

На картинах я боролась против лишнего облика сгустка тьмы. Одна же глиняная статуэтка и вовсе пошла дальше всех — она показывала двух даэвов, где один стоял прямо, а другой — перед ним на четвереньках. Нога первого была согнута в колене и в униженном жесте опиралась на чужую спину.

Статуэтка была грубой работы, но учитывая тематику собранных тут экспонатов, не оставалось сомнений в том, кого именно она изображала. Меня и Люция.

Я обомлела.

— Моя коллекция. Отправляясь в светлые земли, я всегда привозил оттуда сувениры, — поведал Моран, проходя вглубь, с задумчивым видом подошла к стопке свитков и развернул один. — О, подойди. Это я нашел в одной из деревень. Прекрасная работа.

Я приблизилась, ожидая увидеть что-то наподобие фигурки из глины, но нет. На коричневом, с темными вкраплениями, листе одними чернилами были нарисованы два силуэта, от которых, будто вырываясь из самих тел, устремлялись навстречу друг другу вороны и бабочки. В отличие от остальных экспонатов, целью этой картины не было превознести одного и очернить другого.

— Видишь, я не соврал тебе про храмы. Большинство этих предметов из них.

— Это... — Я оглянулась. Я все еще не могла поверить в то, что видела. Все эти лица... — Ужасно.

Моя оценка повеселила Морана. Может быть, я и была слишком резка, но увиденное поразило меня.

Люций подошел, облокотился на бюст, изображающий меня.

— Итак, ты уже заметила, что на многих картинах ты пронзаешь меня мечом? — Не дождавшись ответа, продолжил: — Считается, что ты, жертвуя собой, проткнула мое тело клинком и утянула меня вместе с собой в портал. Мы оба умерли, а потом я возродился из тьмы и вернулся в этот мир. И кстати, я ничуть не удивлюсь, если, когда новость о том, что ты жива, распространится, появится продолжении истории: Святая Сара вернулась, чтобы навсегда избавить мир от ужасной тьмы. Тобишь от меня.

— Первая часть истории правдива?

— Нет. — Он чуть задумчивее добавил: — Не полностью. Если тебя это порадует, то мечом ты меня не пронзала. Но... — Люций поднял указательный палец. — Между прочим, твой брат много раз пытался. Чужими руками. У самого смелости не хватало встретиться.

— Почему Фредерик хотел это сделать?

— Это ты мне сама скажешь, Сара. — Он вдруг приблизился и прошептал: — Когда все вспомнишь. А еще я жду не дождусь, когда ты вернешься в свое тело... Что ж, наверное, нам пора.

Див прошел к потрескавшимся деревянным дверям и открыл одну из створок. По ту сторону оказался лес, но редкие деревья лишь обступали строение, а сразу за ними виднелись стены крепости. Окна помещения были занавешены белой тканью, поэтому я до сих пор даже приблизительно не понимала, в какой части форта находилась.

Осмотрев в последний раз покрытые пылью вещи, я ощутила смешанные чувства. Зачем надо было собирать это все в одном месте?

Перед тем как затворить за собой дверь, я мазнула взглядом по очередной картине, что стояла на полу, прислоненная к стене, — на полотне, нарисованный тушью, в клубах черного дыма извивался змей.

Я спустилась по ступенькам, понимая, что строение, в котором мы побывали, напоминало формой и размером беседку. Обычно подобные места использовали для поклонения богине света. При богатых поместьях всегда строились подобные сооружения — должно быть, эта крепость не всегда принадлежала даэвам.

Среди верхушек деревьев, на небосводе, уже медленно таяла в предрассветных лучах луна.

— Твоя сила... Она изменилась после того, как ты прикоснулся к кристаллу? — Я вспомнила языки тьмы на его коже.

Люций обернулся. Сбоку от него виднелась крепостная стена, что шла напрямик через лес, а чуть дальше от нас, все так же прячась среди деревьев, высились над землей плоские камни. Это было кладбище.

Даэвы предпочитали сжигать тела, но прах не развеивали по ветру, а закапывали, прикрывая погребальными камнями. Со временем эту традицию переняли и люди.

— Изменилась, — признался Моран. — Дар стал сильнее.

— Насколько?

— Достаточно.

— И ты справляешься? Тьма не разрушает твоё тело?

— Как видишь, нет. Сила кристалла укрепила его, разве не этим объясняется то, что мы не стареем?

Не стареем... Я впервые всерьез задумалась об истинном смысле случившегося. Вряд ли это бессмертие, в этом мире нет ничего вечного. Но как много нам отпущено?

— Значит, моя сила тоже должна была измениться?

— Скорее всего. Но перемены происходили не сразу. Это требовало времени. Ты уснула прежде, чем это произошло. Поэтому даже я не знаю наверняка, какой твоя сила стала. Но раз ты находишься сейчас в другом теле, разве это не ответ? Вдруг ты можешь захватить любое тело? Даже мое. — Он положил ладонь на свою грудь.

Я несколько секунд глядела на него, а потом пробормотала:

— Надеюсь, судьба убережет меня от подобного.

Моран усмехнулся.

— Как можно быть такой грубой? Ты совсем не боишься меня обидеть?

На этот вопрос я даже отвечать не стала. Судя по некоторым вернувшимся воспоминаниям, Люция невозможно обидеть, задеть или оскорбить. По крайней мере, точно не словами.

И мое предыдущее замечание было вызвано вовсе не отвращением или неприязнью. Сложно предположить, насколько это будет неловко, окажись я в действительности в его теле.

Мой взгляд скользнул с его лица к груди и ниже. Это будет просто...

Я быстро отвернулась. Уши запылали.

— О чем думаешь?

— Ни о чем.

— Ну же, Сара Сорель, врать нехорошо. — Его лицо вдруг оказалось прямо перед моим.

Я отшатнулась. На мгновение мне захотелось позорно сбежать, прямо как в первый день в Академии Снов.

— Не подходи ко мне так близко. — Мой голос прозвучал на удивление холодно.

Див отшагнул, заложив руки за спину, но издевательская улыбка никуда не делась с его губ. Сейчас он был гораздо выше меня, мне постоянно приходилось задирать голову, чтобы встретиться с собеседником глазами, а не гипнотизировать его шею.

Это досаждало.

— Как зовется тот поселок, куда ты отправишься?

— Подслушивать нехорошо.

— Как и ставить ловушки.

— Кервель, — бросил он. — Это севернее, у самых гор.

— Возьми меня с собой, — почти потребовала я.

— Вряд ли ты сможешь чем-то помочь, — заметил Люций, совсем не удивившись моей просьбе.

— Но и обузой не стану.

— И зачем же тебе это? Поведай, Сорель.

— Ты уверен, что там есть монстры, раз отправляешься на охоту лично. Если, как ты утверждаешь, влияние портала на материк изменило их силу, то я хочу увидеть это.

— Это в твоём духе, Сорель. — Он замолчал, задумчиво изучая меня.

— Ну так что?

— Я подумаю, — усмехнувшись, многозначительно произнес он.

В комнату лился рассеянный свет из окна. Майя успела несколько раз перевернуться, скрывая лицо от ярких лучей. Девушка, заняв всю кровать, раскинув руки и ноги в разные стороны, спала на животе. Когда я раздвинула шторы, она лишь накрылась одеялом с головой и продолжила спать.

Беззаботно. Со спокойной совестью.

Но и проснулась она внезапно. Минул почти час с тех пор, как я пришла в комнату Майи. Все это время сидела в кресле, размышляя о своих делах. Простыни зашуршали, притягивая мой взгляд к кровати.

— Доброе утро, — неловко произнесла она. — Ты давно здесь?

— Нет. Не так давно, — отозвалась я, сидя в кресле.

Мой ответ заставил девушку занервничать.

Туманный лежал на коленях, а мои руки то и дело касались лезвия. Я уже соскучилась по своему телу, но пока возвращаться в него не собиралась.

— Я знаю, что ты соврала мне. В склепе ты оказалась не случайно.

— Я... — В голосе ее слышались нотки паники. — Да, это так, — не став оправдываться, призналась она.

Я кивнула.

— И давно ты служишь Люцию? — Ответ я знала из подслушанного разговора. Этот вопрос был скорее испытанием.

— Мы живем здесь уже больше десяти лет. Отец говорит, что так безопаснее. А служу... Ходить к тебе я стала около пяти лет назад. — Майя, тревожно замерев, сидела, укутанная в одеяло.

И лишь теперь я заметила, что ее взгляд неотрывно следит за моими ладонями, поглаживающими меч.

Я отняла руки от серой стали.

— А откуда переехали?

— Из столицы.

— Разве здесь безопаснее, чем там? Безопаснее в логове преступника?

Дельтрас — столица Акракса — был большим городом, его охраняли как паладины, так и даэвы, а на каждой улочке и в каждом доме можно было отыскать веточку лаванды. Чем больше людей, тем сильнее тянется к ним энергия Серого мира. Но зато и к защите относятся гораздо добросовестнее.

— Господин Моран не преступник! Пусть светлые болтают что хотят, но именно благодаря ему в Акраксе практически не встречается порождений, он... — Майя быстро замолчала. Ее щеки пылали, нижняя губа покраснелась — у девушки была привычка ее прикусывать — волосы беспорядочно рассыпались по плечам.

Я будто смотрела на свое и не на свое тело вовсе.

Майя не врала. Она действительно верила в то, что говорила. Я почувствовала какое-то внутреннее удовлетворение от ощущения чужих эмоций. Пусть я могла дотянуться до эмоций лишь одного человека, зато могла разобрать их до малейших оттенков, даже будучи в другой комнате. Это было так знакомо, я скучала по этой уверенности.

Уважение, страх, благодарность и обожание... За что она так сильно ему призывательна?

— Я забуду об обмане, но тебе необходимо выполнить мою просьбу. Она простая. — Моя рука вновь коснулась стали. Новые ножны стояли рядом, прислоненные к креслу.

Я обнаружила сверток с ними сегодня утром, у дверей в мою спальню. Ножны были точной копией моих прежних, только выполненные из серой, не крашеной кожи. Прошлые же имели девственно-чистый белый цвет, как и у всех светлых даэвов.

— Хочу оставить тебе Туманный на несколько дней. Он для меня очень важен, но я не могу взять его с собой. Слишком тяжелый.

— Да, конечно, — не скрывая вздоха облегчения, слишком ретиво согласилась Майя и лишь спросила: — А ты куда-то уезжаешь?

— Да. Мне ненадолго надо покинуть крепость. Полагаюсь на тебя, Майя. И очень надеюсь, что ты меня не подведешь, — чуть улыбнувшись, проговорила я.

Поднявшись и убрав меч в ножны, подошла к специальной стойке, что находилась у шкафа, и положила оружие, накрыв его заранее приготовленной белой тканью. И только потом, попрощавшись, покинула спальню Майи и отправилась к себе.

Мне тяжело было оставлять Туманный. В былые времена я не расставалась с ним на такое долгое время, как планировала теперь.

Вернувшись в комнату, я переоделась в темные хлопковые штаны, просторную рубаху, сшитую из гладкой, приятной к телу ткани, и верхний плотный халат, повязанный поясом. От привычной одежды даэвов одеяние отличалось отсутствием вышивки, длиной и шириной рукавов. Если мантия привлекала взгляды, показывая то, кем ты являешься, то нынешний наряд, наоборот, был призван сделать хозяина настолько непримечательным, чтобы взглядом не за что было зацепиться.

Подойдя к шкафу, я отыскала кусок материи, который обычно использовали для перевязки ран. Она лежала в одном из боковых ящиков в самом низу, соседствуя с пучками трав и бутылками настоек. Повязав ткань на манер шейного платка и натянув ее до самого носа, я взглянула в зеркало и удовлетворенно кивнула. Остался лишь завершающий штрих — шляпа с широкими полями, что отбрасывала тень на вторую половину лица.

То, что меня путали с Майей, вызывало неудобства. Меня узнавали. И я не хотела повторения ситуации на улицах этого маленького города, раскинувшегося под окнами цитадели.

Когда я закрепила кинжал, полученный от Рафаиля, мой взгляд остановился на бутылке опиума, что находился не тумбочке рядом со свежим букетом лаванды. Ее цветки оказались белыми — этот оттенок встречался реже всего. Обычно люди предпочитали выращивать иные цвета бутонов.

Опустив снотворное в карман, я вдруг услышала далекие крики и подошла к окну.

Трое молодых даэвов стояли у крепостных стен и выводили печати. Делали они это громко, дурачась. Они были явно младше меня, но вот насколько — понять было невозможно. Я считала свой возраст, принимая во внимание лишь года, которые прожила.

Прямо на моих глазах девушка, взяв с земли ветку наподобие меча, тыкала ею одного из дивов. Тот поначалу лишь отмахивался, а потом, поймав другой конец, потянул на себя, дернул и вырвал ветку из рук дэвы. А уже через несколько секунд парочка, бросив свое занятие, убегала друг от друга, носясь возле цитадели.

Они бежали зигзагами, перемахивая через все то, что попадалось им на пути: бочки с вином, корзины с продовольствием, недавно доставленные в крепость. Неизвестно, сколько бы это продолжалось, если бы внизу кто-то не рявкнул. Хрипло, не так звучно, как прежде, но я узнала голос. Пожилой мужчина, хромая, шел к тем двоим, что тут же замерли, вытянувшись по струнке.

Надо же...

Это был тот самый наставник из лагеря с озера Спокойствия, который сначала разгонял дерущихся теневых в первый день, а потом застал нас в Священном озере. Он до сих пор со всем усердием следил за порядком.

Я рассмеялась — легко, прикрывая рот ладонью. Но когда в дверь резко постучали, замолкла. Застыла, настороженно прислушиваясь.

Стук повторился. Развернувшись, я подошла и открыла. За дверью оказался Рафаиль — вид у него был крайне растерянным, а взгляд полнился подозрением.

— Это ты смеялась? — нахмурившись и поднеся ладонь к виску, спросил он.

— Что-то не так? — поинтересовалась я, почти не смутившись.

— Нет. Просто хотел попросить кое о чем... — Он засомневался и уточнил: — Это точно ты, Сара?

— Не помню, чтобы ты раньше звал меня по имени.

Мы и не разговаривали-то толком прежде. По крайней мере, я этого не помнила. Рафаиль всегда пытался заставить Люция остепениться и не искать себе неприятности. Но выходило у него это из рук вон плохо.

Мой ответ заставил дива расслабиться.

— У меня просьба.

— Если это в моих силах, то конечно.

Теневой див кивнул. Прищурил голубые глаза, осмотрелся.

— Пригляди за Люцием.

— Почему я должна за ним приглядеть? — изучающе глянула я на него.

— Магия тьмы, которую он использует, слишком могущественна. Порою у него меняется настроение. Потеряв контроль, он способен перейти грань.

Слова дива прозвучали зловеще и в то же время как-то обыденно для той новости, которую он поведал. Когда теневой переходит грань, итог бывает один — его смерть.

Я вспомнила о том, что когда-то сказал Сезар: «Он дал тьме поглотить себя». В тот момент я не поверила, что Люций способен на это, но выходит, ошибалась?

— В отличие от остальных, он возвращается. Всегда. Только без последствий это не проходит.

Пятно тьмы на спине Морана, то, как просто он использовал свой дар... Все это тревожило меня.

— Я поняла. Спасибо, что предупредил.

Кивнув, див повернулся ко мне спиной, собираясь уйти. Его черная мантия, сшитая из атласной ткани, отражала свет, играя складками.

— Рафаиль? — Мужчина обернулся. — Что означает змея на шее Люция?

— А-а, это... — Рафаиль странно усмехнулся. — Змея олицетворяет темного бога Фародея. Они всюду сопровождают его, являя собою мудрость и хитрость. Однажды кое-кто сказал Люцию, что он похож на этого бога.

Улыбка дива стала шире.

— Наверное, этот кто-то был важен для Морана, раз он настолько проникся чужими словами, — отозвалась я.

— Верно. Ладно, я пойду. И прошу... По возможности не сообщай Люцию о нашем разговоре. Это не понравится ему.

Мне ничего не оставалось, кроме как согласиться. Хотя я не была уверена, что исполню обещание и сумею приглядеть за Люцием, скорее разочарую. То, насколько изменился Дэвлат, поражало. А еще я не могла вечно сидеть на одном месте.

Я вышла из крепости, подставляя лицо яркому, по-осеннему ласковому солнцу. Молодые даэвы, что покрывали стены печатями, уже скрылись позади башни цитадели.

Осмотревшись, я пошла вдоль строения, обходя его, опустив сильнее шляпу с широкими полями и натянув повыше платок, повязанный на шею. Повсюду сновало много людей, и мой облик, к счастью, не вызывал ни у кого вопросов.

Юные даэвы успели притомиться и уже не находили времени для шалостей. В руках все трое держали кисти и ведра с белилами, которыми они выводили знаки на каменной кладке.

Поздоровавшись, я спросила:

— Вас наказали?

Печати расходовали магическую силу, заключенную в наших душах, а когда ее становилось мало, приходила усталость. Поэтому начертание знаков не проходило бесследно. Даэвы выглядели бледными, под глазами пролегли тени.

Один из парней оглянулся, угрюмо посмотрев на меня.

— Тебе-то какое дело? — бросил его друг. Третья — девушка — промолчала, шумно выдохнув.

Слова прозвучали грубо. Но я осталась на месте, хмуро оглядывая все более слабые выходящие из-под их рук печати. Раньше мне не приходилось сталкиваться с пренебрежением и грубостью — всегда был кто-то рядом, чтобы выяснить нужную информацию, да и люди и даэвы предпочитали держаться от меня на расстоянии. Косились издали. И даже если болтали, то делали это настолько тихо, чтобы можно было соблюсти приличия и сделать вид, что ничего не слышишь.

— Почему она еще стоит? — поинтересовался парнишка у другого, будто я пустое место.

— Вы пробудете здесь до глубокой ночи, если продолжите в том же духе, — проговорила я смиренно, рассматривая символ на стене — это была магия укрепления. Стандартная. Не затратная. До поры до времени.

Камень, из которого оказалась сложена стена, должен был стать прочным и защищенным от любых попыток его разрушить. И чем больше печатей использовали, тем крепче становилась эта броня. Но это была далеко не единственная защита. В верхней части укрепления чувствовалось колдовство посильнее, созданное более опытным стражем.

— Краски у вас много, и кисти необычные. Но тот, кто поручил вам это задание, не объяснил, как завершить дело быстрее. Можно? — Я протянула ладонь к девушке, что стояла поблизости. — Твою кисть.

Дэва дала ее без сопротивления, озадаченно меня рассматривая.

Деревянная широкая ручка приятно легла в ладонь. Как я и ожидала, на древке находились заляпанные краской следы от прогоревшей печати. Но если не знать, что искать, ее и заметить сложно.

Несколько штрихов, и печать вновь зажглась. Кончик кисти засветился.

Наклонившись, я обмакнула ее в краску, что тонкой змейкой взметнулась вслед за кистью. Начертила следующий знак прямо в воздухе и пошла вдоль стены, оставляя оттиск. Ушло всего несколько минут, чтобы покрыть пару десятков метров стены символами.

Эта магия была не так полезна на поле боя, ведь требовала полной сосредоточенности и времени — отвлечешься, подумаешь о другом, а краска обязательно запачкает что-то, и придется начинать все заново.

Однажды, еще по юности, Фредерик таким образом измазал лицо одного из учеников ордена чернилами. Чернила отмываются сложно, и та девушка еще долго ходила с темным подтеком под глазом. Брат потом извинялся перед ней по несколько раз на дню.

— Как ты это сделала? — Ко мне подошел один из юношей.

— Вот эта засечка позволяет повелевать воздухом. На самом деле ничего, кроме четкости образа, не требуется, чтобы оставить отпечаток...

Спустя некоторое время, когда я закончила объяснять теорию, див заявил:

— Ты так понятно рассказываешь. Мой наставник по печатям просто кидает учебник и уходит. А дядя пытался объяснить, но я понял не до конца. — Паренек рассмеялся, сидя в позе лотоса прямо на земле. А мне, чтобы объяснить, пришлось присесть на корточки. И я вспоминала, как давеча этой ночью ползала коленями по полу, перемазанному кровью, и раз за разом подавляла желание подняться.

Хотя то, с каким вниманием меня слушали, окупало неудобство.

— Меня обучала бабушка. Она прекрасно разбиралась в любых видах колдовства. — Я взглянула на крепостную стену. Теперь, когда даэвы овладели этой связкой знаков, им не составит труда завершить работу за час. Если, конечно, хватит внутренней силы. — И часто вы наносите печати вот так, вручную?

— Да нет. Вообще-то... Ты не слышала? — осведомился Дориан. Он представился сам, когда я только начала свои объяснения.

Я покачала головой.

— Говорят, к границам королевства движется отряд светлых.

По телу прошли мурашки. Мои предположения оказались верны. Но они доберутся даже раньше, чем я рассчитывала...

— Это значит, мы готовимся к сражению?

Дориан рассмеялся.

— Да какой там, — отмахнулся он. — Что они могут сделать нам на нашей земле? Это дипломатический поход. Всего десять человек. Отвлекают внимание, не больше. Ни на что другое они не способны, — довольно завершил Дориан.

— Не надо быть таким самоуверенным, — упрекнула его подруга.

— А когда светлых видели? — тем временем спросила я.

— Сегодня утром и видели. В Феросии много наших людей. Ворон прилетел несколько часов назад.

Значит, доберутся они за полтора дня...

— Сара, а ты откуда? Почему прикрываешь лицо?

Дориан протянул руку, чтобы сорвать платок. Я перехватила его ладонь.

— Не надо. — Подумав, добавила: — У меня на лице шрам.

Да простит меня богиня света за неоднократную ложь.

— Откуда? Неужели целители вылечить не смогли?

— От ревенанта.

— О-о-о! — Парень выпучил глаза. — Ничего себе. Ну, такие шрамы только украшают. Главное, что глаза красивые. Пойдешь со мной погулять?

Сказав это, он сразу получил тычок от подруги.

— Идиот. Она старше и опытнее тебя. Не стыдно?

— Ну, ненамного и старше...

— Намного опытнее, — поправила дэва. — Сначала печати научись нормальные создавать. И не стыдно с такими предками?

— Да что бы ты понимала, — отозвался див. — Ого, откуда она?

Лицо Дориана вытянулось — он, раскрыв рот, взирал в небо. Я проследила за его взглядом и тоже обомлела. В нескольких метрах над землей, только что перелетев крепостную стену, трепетала крыльями бабочка. Красавица замерла в нерешительности, а потом, постепенно окрашивая в алый крылья, полетела к нам.

Не задумываясь, я вытянула руку, и насекомое без страха село на запястье. И алый цвет вдруг разбавился небесно-голубым — ярким, чистым, непорочным, что кляксами лег среди красного, рисуя невиданный узор.

— А так должно быть? — раздалось рядом.

— Не знаю, — отозвалась, не заботясь тем, что мои новые знакомые могли узнать, кто я такая.

Их голоса будто отдалились.

Даже будь я трижды светлая, то, что мы видели, было необычно. Красный оттенок просто должен был стать светлее или, что вероятнее, приобрести грязный коричневый цвет из-за смешения двух видов силы близости.

Я опустила ладонь, заставляя бабочку взлететь. Она некоторое время обиженно порхала рядом, а потом улетела прочь.

Глашатаи избегали темных земель. И теневых дивов. Так уж вышло, что они тянулись к светлой магии. Но, скорее всего, из-за открытия нового портала в Исонии им пришлось залететь так далеко на север. Энергия Серого мира страшила их гораздо сильнее.

И в этом я была с ними полностью солидарна. Если закрытие раскола зависело от меня, как то утверждал Моран, то мой долг — исправить ситуацию как можно скорее.

Сколько за эти годы появилось таких, как мой отец? Людей, познавших жестокий конец и умерших ни за что.

Опустив руку и сжав ладонь в кулак, я тяжело втянула воздух и, быстро попрощавшись, ушла прочь.

Запряженные лошади стояли перед крепостью. Я подняла платок выше, скрывая лицо. Над головой, неестественно редко взмахивая крыльями, парили десятки воронов. Люций отдавал последние распоряжения, переговариваясь с советниками. Даэв в маске и доспехах лишь кивал — я так ни разу и не услышала его голос.

На боку, помимо кинжала, у меня висела сумка с готовыми печатями и писчими принадлежностями, ветки лаванды, компас со старой проржавевшей стрелкой и противоядия от яда ревенантов.

Ревенанты — не единственная проблема, в которую могла вылиться темная энергия. Чем больше ее становилось в какой-нибудь местности, тем сильнее возрастал шанс возникновения аномалий и жутких существ подобных тем, что заполонили Затерянные острова.

Однажды в Академии Снов я повстречалась с тварью, что заманивала к себе, гипнотизируя сиянием светлячков. Люди тихо пропадали, не сопротивляясь и до самой кончины не понимая, что шли навстречу своей гибели.

Беззащитным быть тяжелее всего. Неспособность повлиять на свою судьбу... Я всегда ее боялась. Однажды погрузившись в горе, желала уберечь столько, сколько смогу.

Но пропав на долгих двадцать семь лет, я нарушила обещание.

Мелькнула знакомая фигура. Дориан, с которым я познакомилась пару часов назад, подбежал к Морану.

— Дядя, ворон прилетел. Они покинули приграничный город в Феросии и движутся к границе.

Пока я осмысливала услышанное, испытал чувство дежавю, эти двое успели закончить разговор. Дориан повернулся. Хотел было уйти, но заметил меня, стоявшую поодаль.

— Сара! Ты так внезапно куда-то пропала, — широким шагом подошел он ко мне. Вдруг наклонился и, едва не снеся шляпу с моей головы, прошептал: — Спасибо за помощь. Мы быстро закончили только благодаря тебе.

Он схватил меня за руку, потряс со всем чувством, выражая признательность.

— Ты просто обязана пойти со мной погулять. Обещ... А-а-а!

Люций оттащил племянника назад, схватив за воротник, будто котенка.

— Поищи кого-нибудь под стать себе, — сощурившись, поучительно произнес Моран.

Он не сильно, но и без особой любезности оттолкнул Дориана в сторону.

— Эй, аккуратнее! — возмутился парень. — Если сам сухарь, не надо других губить. Иди дальше вздыхай на свои пор...

Взгляд Морана потемнел, и в его руке молнией мелькнула вспышка тьмы. Призрачная птица сорвалась с ладони, вспорхнула, а в следующую секунду полетела к юному даэву.

Тот попятился. И, пока не поздно, обвиняя родственника в подлости, убежал прочь, спасаясь от преследующего его создания тьмы.

— С каких пор ты такая терпимая? — недовольно процедил див.
— Разве тебя не разозлила его фривольность?

— Я не в том положении, — скупно отозвалась я.

— Не в том положении... — повторил Моран.

— Дядя?

— Он сын Норкрасса, но почему-то зовет меня дядей. Фактически мы братья, но отец Дориана когда-то отправил его ко мне на воспитание.

— Ты и воспитание... — протянула я.

— Иного выхода не было.

Люций замолчал. Отошел, отдавая еще несколько приказов.

Вскоре мы выехали за пределы крепости. Узкая дорога оказалась единственным не заросшим зеленью клочком земли. Стволы могучих деревьев были высотой с самую высокую башню покинутой нами цитадели. Лес был древним. Шумевшая над головой листва слова шептала, пытаюсь рассказать одну из увлекательных историй, выпавшими на его долю.

Копыта лошадей проваливались в мягкий чернозем, оставляя множественные следы за собой. Но когда мы дошли до развилки, в спину ударил резкий порыв ветра. Я обернулась, понимая, что все следы исчезли, уничтоженные магией из форта.

— Что хотел сказать твой племянник, когда назвал тебя сухарем? Ты не дал ему договорить, — невзначай произнесла я.

Люций задумчиво склонил голову.

— В последние годы я много упражнялся с кистью.

— Упражнялся?

— Писал картины. Для себя.

— Покажешь? — спросила, не уверенная до конца, хочу ли в действительности их увидеть. Ведь, зная Люция, я могу об этом и пожалеть.

Моран загадочно усмехнулся.

— Обязательно, как-нибудь, — пообещал теневой див, глядя вдаль, и добавил: — Когда выдастся подходящий момент.

Глава 16. Мертвый лес

Магия пронизывает весь Дэвлат, но не все желают это замечать.

Страх извращает силу, ненависть отравляет, безразличие обращает во тьму.

*«Записи исчезнувшего Ордена
Хранителей». Библиотека города Турис*

Уже к ночи, когда мы вышли из леса, на горизонте показались горы. Они пока еще неясными очертаниями виднелись вдалеке. Облака плотно окутали их, смягчая контуры.

В путь отправились шестеро даэвов, включая меня и Люция. Все выглядели довольно молодо и неопытно. Даже Регис, врачеватель из крепости, несмотря на его отстраненность и высокомерную манеру держаться, казался недавно выпустившимся учеником Академии Снов. Остальные трое были еще младше.

— Они не поступали в академию, — ответил Моран, когда я спросила.

— Почему?

— Их семьи этого не захотели. Такое бывает. Их обучение проходит прямо сейчас.

— Что? Получается, среди нас только два обученных воина?

— Да. Ты и я. Хотя остальные уже в четвертый раз отправляются на настоящую охоту.

— А-а-а... — Я повернула голову.

— Я обеспечиваю магическую защиту и лечение. Не люблю меч. Плохо им владею, — безразлично отозвался врачеватель.

— Скажи мне, что это неправда. — Я обернулась к Люцию, крепче сжимая поводья. — Ты едешь в место, по всей видимости, захваченное темными тварями. Но берешь с собой учеников? Это неразумно. Не зная до конца, с чем мы можем там столкнуться, нельзя так рисковать.

Рядом расхохотались.

Смех прекратился так же резко, как начался. Врачеватель вновь стал хмурым.

— Я бы боялся за кого угодно, но не за нас. Мы ничем не рискуем, — добавил он. Пользуясь временной передышкой, он достал из-за пазухи книгу и, держа в одной руке, а в другой поводья, читал.

— О чем вы?

Врачеватель оторвал взгляд от страниц. Хотел было ответить, как уже с другой стороны от меня раздался красноречивый кашель. Моран даже не попытался придать ему непринужденности.

— Кажется, я простудился. Все-таки вода в источнике оказалась слишком холодной, — как ни в чем не бывало произнес Люций.

Простудился...

Не то, чтобы я поверила, но последующий кашель показался уже более естественным.

— Наставник, а вы разве не жили долгое время в Северном храме? — спросила дэва (остальные два ученика были парнями).

Девушка потянула поводья, заставляя свою лошадь идти медленнее. На ее поясе висел довольно миниатюрный меч с тонким лезвием, напоминавший шпагу. С таким оружием обычно не вступали в бой открыто, а подкрадывались к противнику, используя эффект неожиданности. На лацкане ее мантии был вышит горный пик — она принадлежала к Северному ордену.

Скорее всего, воином девушка была слабым. Но наверняка она являлась сильным мортемом или скардом, компенсируя тем самым свои недостатки в бою.

— Жил.

Даже я в свои годы слышала про Северный храм. Он располагался на самом краю королевства Акракс, был возведен среди снегов из льда. Далеко не каждый даэв выдержит даже пару суток в подобных условиях, не говоря уже об обычном человеке. Туда отправлялись испытать себя и закалить дух. Медитации в том месте давали ясность ума и улучшали контроль дара. Но лишь единицы отваживались на это путешествие. Велик шанс замерзнуть насмерть в вечных льдах.

— Ассоль, мне уже лучше, вернись к остальным, — вежливо попросил Моран. Все присутствующие прекрасно поняли, что имела в виду ученица. Даэвы из-за своей природы практически не болеют, а уж

те, кто побывал в столь суровых условиях, точно не простудятся от какого-то озера с холодной водой.

Даже я в теле человека, пусть и перемерзла, но чувствовала себя прекрасно. Однако вопросы пришлось отложить. Схватив поводья покрепче, мы вскоре пустились вскачь — нам предстояло ехать до самого заката.

Когда мы наконец-то остановились на ночлег, я первым делом нанесла печати, те самые, что использовала в лесу с Майей. Дело в том, что «Кольцо света» — связка печатей светлых даэвов, и в руках темных оно было не то чтобы бесполезным, но малоэффективным.

Опустив кисть с киноварью, — этот материал в пути был удобнее чернил, — я оставила последний символ незавершенным, собираясь активировать знак уже перед отходом ко сну.

Будет ли знак вновь мерцать? Или станет как прежде?

Вокруг была лишь высокая трава и изредка попадавшиеся огромные булыжники песочного цвета. Постепенно дорога уходила ввысь, и уже завтра мы вновь войдем в лес. По обрывкам фраз я поняла, что лес тот был необычным — древним, с многовековыми деревьями. Такие сохранились только на самом юге и севере материка. Юг облюбовали фэйри и люди, создавшие одинокие людские поселения, что не присягали ни одному из королевств. Те территории считались свободными и не принадлежали никому. И гости туда забредали нечасто — территории были слишком опасны.

В этом же лесу жили призраки. По крайней мере, то, что от них осталось. Безвольные и неопасные. Большинство из них застыли в одном моменте жизни или вовсе не оформились, оставшись призрачными огнями и туманом, лежащим среди деревьев. Но об их присутствии сообщал гул голосов, в котором одни звучали тише, другие громче.

Лес Мертвых. Как и множество других загадочных мест Дэвлата, люди избегали его, огибали по главной дороге и уж точно не забредали в эти владения. Но если мы не хотели терять время, надо было идти напрямик.

Я отошла, оставив листы с печатями лежать на земле.

За это время в центре импровизированного лагеря успели развести огонь. Не для готовки еды, а для отдыха. Весь провиант, что был собран с собой, не нуждался в приготовлении.

В какой-то момент Люций вытянул руку, и с его пальцев сорвалась птица. Высокая, достигающая пояса трава вокруг покачивалась, словно выстроенные в ряды воины. А в нескольких метрах за спиной начинался лес.

Чуть отойдя к самой границе предполагаемого защитного круга, я достала нож, прихваченный в крепости. Помимо кинжала, одолженного у Рафаиля, я взяла в дорогу еще два и один узкий недлинный клинок. Ничего массивнее позволить себе не могла — в руках не хватало сил.

Срезав достаточно травы, я уложила ее на землю, создав куда более пышную лежанку, чем та, которой когда-то довольствовались мы с Майей. Так я могла поспать подальше ото всех. То, что я совсем недавно заснула в присутствии Морана, нехорошо. Надеюсь, он не видел моих приступов.

Когда я вернулась ближе к костру, Регис с Люцием отсутствовали, а ученики сидели вокруг пламени, не обращая ни на что внимания, будто собравшись на праздную прогулку. На меня они косились с любопытством и подозрением — с одной стороны, Моран разговаривал со мной как с равной, а с другой, перед ними было лицо человека, которого они наверняка уже встречали.

Увидев потревоженную траву, я вышла из расчищенного под ночлег круга. Пошла по чужим следам, подбираясь к границе леса. Идти тихо даже не старалась — в подобном месте это было невозможно, каждый мой шаг отдавался шорохом.

Когда я отыскала Морана с врачом, первый поднимался с камня песочного цвета, притаившегося среди растений. Небрежными движениями повязывая пояс верхнего одеяния, он, с полуулыбкой, повернулся ко мне.

— Соскучилась? — невинно поинтересовался он.

— Что вы делали? — не поддавшись на уловку, спросила я. Регис стоял за спиной Люция и выглядел мрачным и еще более сосредоточенным, чем прежде.

Меня и раньше насторожил тот факт, что теневой див пренебрег опытными воинами, но взял с собой врача. Только решив, что Моран все же позаботился об учениках, — на охоте ведь могло произойти что угодно — и успокоилась. Но похоже, зря.

— Ты правда хочешь знать? За столько лет у меня появилось много секретов. Точно желаешь узнать их все? — Бровь дива провокационно изогнулась.

— Нет, — повернулась я спиной и пошла прочь.

С одной стороны, это были его личные заботы, какое мне дело? Но с другой, пока Люций удерживал меня подле себя, я хотела знать все, что могло повлиять на меня в будущем. Контролировать ситуацию.

Я вспомнила слова Рафаиля о темной магии. Лишь теперь я глубоко задумалась о поступке Руньяна. Он бы не пришел ко мне, если бы не был действительно глубоко обеспокоен.

Вернувшись в лагерь и дождавшись, пока Регис и Моран тоже окажутся в кругу, я отправилась активировать печати. Знаки все еще мерцали, но уже не так часто, и их свет был гораздо ярче.

После этого я молча подошла к своей лежанке поодаль ото всех. На небе уже давно серебрилась луна, сияла среди облаков, словно внимательно наблюдая именно за нами.

Сев и закрыв глаза, я погрузилась в медитацию, чтобы успокоить мысли.

Магия все еще беспокойным водоворотом крутилась внутри. Но стоило сконцентрироваться на ней, и метаемые потоки умирались, а потом в сознании воцарялось чужое спокойствие. Майя уже спала. Даже на таком расстоянии, сосредоточившись, я могла дотянуться до нее.

Последние дни я много думала. Дар Морана увеличился, существа тьмы, что он создавал теперь, выглядели куда больше и сильнее тех, которые он творил в Академии Снов. Они были совсем как настоящие. Но вот огня жизни в них не имелось ни капли. И в этом виделось что-то зловещее.

Если Люций не соврал и мне достался светлый кристалл, тогда мой дар эмпыта тоже мог претерпеть изменения. У Морана было много лет, чтобы совладать со своей силой и раскрыть все ее грани, я же была этого лишена.

Эмпыты влияют на чужие эмоции, забираются в самую душу — так говорила Долорес, так считали люди. А теперь я отняла чужое тело, управляла им и с каждым днем все лучше чувствовала Майю. Ее переживания, радость или грусть — все это я могла ощутить и, если постараться, даже услышать то, что происходит вокруг нее. Последнее

я обнаружила лишь сегодня и пока не могла полностью контролировать.

Кто знает, какие границы у этой силы? Может, они куда шире, чем представляются сейчас. Любой дар необходимо развивать — лишь так до конца поймешь, на что способен.

Я открыла глаза, посмотрела на ладонь, на пухленькие пальцы, которыми Майя держала мое запястье, прежде чем мы поменялись местами. Услышав шорох за спиной, насторожилась и опустила руку.

— Спокойной ночи, Сорель.

— Спокойной, — слегка охрипшим голосом ответила я, повернув голову и наблюдая за вытянувшейся тенью, которую окружал оранжевый ореол от пламени костра.

Люций, помедлив несколько секунд, ушел. Я выдохнула, только теперь осознав, что затаила дыхание. Отблески пламени пропали — похоже, его засыпали землей.

Пройдя по магической защите взглядом, я задержалась на границе Мертвого Леса, где среди деревьев уже стелился молочной дымкой туман. Убедившись, что он не проберется за контур круга, легла на спину, сложила руки на животе и прикрыла глаза, почти сразу заснув.

Ночь выдалась на удивление спокойной. Кошмары никуда не делись, но они были лишены яркости. Я вновь видела лицо отца, но он, точно окутанный туманом, находился дальше, чем обычно.

Открыв глаза, я на миг загляделась на яркие лучи, прорывавшиеся сквозь траву.

В душе застыла безмятежность. Невольно возник вопрос: а сколько рассветов я еще встречу? Нет, умирать я не собиралась. Но жизнь не раз показывала, что все может завершиться неожиданно, так что и не сразу поймешь.

Я выдохнула и улыбнулась, а в следующую секунду опешила. Что-то коснулось моей спины. Точнее оно и до этого прижималось ко мне, но, лишь пошевелившись, я поняла, что что-то не так.

Отодвинувшись и перевернувшись на спину, коснулась рукой белоснежных волос, что рассыпались по успевшей подсохнуть траве. Люций лежал рядом. Совсем близко. Мы что, всю ночь проспали спина к спине?!

Поначалу я разозлилась, хотела было подняться, но потом передумала. Обычно я не переносила близости с кем-то. Конечно,

постоянно сражаясь, тренируясь и используя свой дар, прикосновений не избежать, но в остальных случаях все зависело от меня. Это было проблемой многих одаренных эмпатов — из-за дара вырабатывалась стойкая привычка держать дистанцию. Но, как и в вернувшихся воспоминаниях, когда Моран был рядом, я не ощущала ничего подобного. Никаких неприятных чувств. Даже наоборот.

В последних увиденных мною воспоминаниях я сделала важный шаг. По крайней мере, мне так казалось. В прошлом, сама того не признавая, я была высокомерна. Слишком строго судила всех вокруг. Не совсем понимала то, что действительно важно, хотя и сейчас до конца не уверена, что различаю это.

Может, мы с Люцием и вправду были друзьями? Мысль об этом постоянно лезла мне в голову в последние сутки. Он определенно меня волновал. Даже несмотря на всю мою нелюбовь к несправедливости, я бы не сорвалась с занятия, чтобы немедленно доказать истину, и точно бы не соврала.

Услышав копошение со стороны костра, я быстро поднялась — не хватало еще, чтобы нас увидели так близко. Недопонимания не избежать. Кинула последний взгляд на Морана, что перевернулся на спину, продолжая умиротворенно спать.

Белое и черное. Его облик так выделялся на зеленом ковре примятой травы. Черный простой меч с рукоятью, украшенной лишь белой подвеской-кисточкой с драгоценной бусиной. Лезвие было длиннее, чем у обычных клинков. Как раз по этой причине Люций пару раз проигрывал мне в схватке на втором году обучения в Академии Снов — не хватало роста, чтобы использовать все возможности оружия. Появлялись бреши в защите. Теперь же Моран стал еще выше, и такой проблемы быть не должно.

Услышав голоса, что становились громче, я поспешно отвернулась и принялась обходить лагерь по кругу, убирая печати. Когда закончила и вернулась к потухшему костру, Люций уже проснулся. Регис и он стояли около лошадей, собираясь отпустить их. Животных обучали не уходить далеко, так что на обратном пути, вернувшись к границе Леса Мертвых, мы вновь отправимся верхом.

Собрав свои вещи, мы двинулись в путь.

Стволы деревьев с мелкими серыми прожилками на шершавой коре казались почти черными. В то же время под ногами повсюду

росли цветы, напоминавшие на первый взгляд обычные колокольчики. Только их бутоны были в два раза больше, имели слегка голубоватый оттенок и светились сквозь устилавший все в округе плотный туман.

По словам Люция, мы окажемся на другой стороне через несколько часов.

Ворон то появлялся между деревьев, то снова поднимался ввысь — Моран следил за нашим движением с воздуха. Несмотря на слухи о призраках, пока ничего не говорило об их присутствии. Хотя здешняя обстановка все равно порядком настораживала.

— О, что это? — Один из молодых дивов склонился над зелеными зарослями. Раздвинув траву, он указал на плоский серый камень с древними знаками, наполовину скрытый обвившим его вьюнком. — Указатель?

— Сейчас посмотрим. — Люций подошел, я следом. — Можешь прочитать? — лукаво спросил он, очищая камень от растительности.

Знаки оказались мне знакомы. Но их высекли так давно, что местами камень раскрошился, и требовалось время, чтобы разглядеть все линии.

— Да, — произнесла я. — Не все. Отдельные... слова. — В горле пересохло, я сощурилась, неожиданно осознав. — Это... фларканский? Оглянулась на Морана.

— Да. — Веселья в его взгляде стало больше, но улыбка была мягкой.

— Я говорила на нем и сама не поняла... — прошептала тихо, склоняясь к камню и касаясь щербатой поверхности пальцами.

Нахмурилась. Это была проверка, когда Моран поздоровался со мной?

Это в очередной раз доказывало, что моя память не спрятана так глубоко. Но оставалось вопросом то, откуда я знаю древний язык. Тех, кто его знал, единицы, а тех, кто мог обучить меня, и вовсе... один?

Ответ был слишком очевидным и сбивающим с толку. Сколько времени надо потратить на подобное? Месяцы. Порою годы. Смотря с каким упорством заниматься.

— Прочитай. Мне не хватает знаний, — бросила, быстро распрямляясь и отходя.

Все что я узнавала, слишком противоречило тому, в чем казалось бы я совсем недавно была уверена. А способность Морана

подталкивать окружающих к нужным ему мыслям и действиям поражала. Не удивлюсь, если и мою просьбу отправиться с ним на охоту он предвидел.

Люций тихо усмехнулся.

«Скорее всего, так и было...» — вынесла вердикт я.

— Зачем вам этот камень? Идемте. Лучше как можно скорее выбраться из леса, — проговорил Регис, с подозрением оглядываясь по сторонам.

— Нам некуда торопиться, — протянул Люций. — Это место и правда особенное. Моя сила больше не может проникнуть за его пределы. — Все поняли, что это означает, — мы могли заблудиться, ведь никто теперь не отслеживал наш маршрут с воздуха. — Лучше не игнорировать то, что очень напоминает дорожный указатель.

— Можно мне попробовать? — выступила вперед Асоль.

— Попытайся, — великодушно позволил Моран и сразу потерял интерес.

Ученица подняла ладонь, но ничего не произошло. На ее лице отразилась растерянность, потом недовольство. А уже через несколько секунд она трясла рукой от досады, будто та была не частью ее тела, а крайне бесполезным предметом.

Похоже, девушка была мортемом. А сила действительно не отзывалась. Я прикрыла глаза, пробуя дотянуться до Майи, но не вышло. Магия словно не желала покидать тело. Ее что-то удерживало внутри.

И туман вокруг вдруг стал плотнее, закручиваясь кольцами, подбирался поближе. Бутоны загадочных колокольчиков почти потеряли свой образ, став блеклыми огоньками, усеивающими землю.

Ученики озадаченно озирались. Рука одного из дивов легла на меч.

— Не нравится мне все это. — Регис насупился. Уже с первого знакомства я поняла, что врачеватель обладал весьма тяжелым и упрямым нравом. — Так что там?

— Смерть одинока, но жизнь — не всегда. Возьмитесь по двое за руки, и пройдете путь.

— Что за ерунда? В самом деле так написано? — воззрился на Люция див, подходя ближе.

— Примерно так. — Моран распрямился. — Но куда более метафорично. Древние любили говорить загадками. Это сложно перевести дословно.

— И что ты предлагаешь? — спросила я, хоть и предполагала, что Люций нас просто дурачит. Но надеялась, что в нынешней обстановке ему хватит совести этого не делать.

— Все просто. — Он широким шагом приблизился ко мне. Туман, стелившийся, словно сотни змей, у его ног, взметнулся выше. И в этот миг слышались тихие голоса — неразличимые, сливающиеся в гомон. Поначалу я даже решила, что мне показалось. — Попробуем взяться за руки и пройти. По двое.

Сухие, прохладные пальцы схватили мою ладонь. Сжали. Я почувствовала кольцо, надетое на одном из них, — просто обжигающе ледяное, словно созданное не из камня, а из кусочка льда.

— Делимся по двое, — продолжал див, небрежно поторапливая остальных.

Он вскинул голову, наклонив вбок, взглянул на меня. Улыбнулся. Вновь с той же небрежностью. Люций дурачился, не воспринимал это место всерьез. Значит, он был уверен, что мы выберемся.

Ученики не стали перечить и тут же попытались разбиться на пары. Но их было трое, и кому-то предстояло встать вместе с Регисом, который, в свою очередь, вознамерился уцепиться за Морана. Но не получилось — тот уклонился.

— Почему я должен идти с учениками? Я с вами пойду, — упрямо заявил врачеватель.

— Надо по двое. Ты слышал перевод надписи с камня?

— Ты придумал его.

— Сначала проверь, а потом обвиняй, — парировал Моран. И, ловким движением вытащив из рукава печать, активировал ее. Символ загорелся бледно-голубым, в цвет тумана под ногами, заставляя его, словно испуганное животное, вдруг отползти на несколько метров.

Шепотки затихли. А я, кажется, стала догадываться, что это за место и как оно возникло.

Место гибели. Когда-то, много веков назад, здесь погибло большое количество людей. Кто знает, может, это было сражение. Или стихийное бедствие. Видимо, в истории тех событий и крылась загадка нынешнего леса. Не зря его называли Мертвым.

— Тогда я пойду с Сарой... — услышала я голос Региса. Он попытался, как Моран несколько секунд назад, схватить меня за руку. Но я инстинктивно спрятала ладонь, оставаясь на месте.

— Господин Регис, не думаю, что это хорошая идея, — сдержанно проговорила я. — Давайте уже не будем маяться бесполезными вещами и продолжим путь. Люди на той стороне ожидают нашей помощи.

Последние слова потушили все протесты. Див замер, потом посерьезнел — между его бровей пролегла складка — и кивнул. Все еще недовольный, но в то же время пристыженный, врачеватель с неохотой вышел вперед. Вскоре все выполнили необходимое условие.

На камне и правда было что-то написано про смерть. И один из знаков имел значение «узы», хотя какие именно, это уже оставалось загадкой. К тому же этот символ мог трактоваться как «нить».

Мы вновь двинулись в путь. Магическая печать выплыла вперед, скользя по воздуху самостоятельно и освещая дорогу. Пока шли, Моран стал пощипывать мою руку. Будто не знал, чем заняться.

— Хватит, — прошептала я.

— Регис выглядел таким расстроенным, — негромко произнес Люций, словно только и ждал, когда я заговорю.

— Просто у него есть совесть и воспитание, — спокойно отозвалась я, хотя это совсем не звучало как упрек. Скорее соблюдение ритуала — Моран дурачится, а я стараюсь наставить его на путь истинный.

Только мне интересно, с каких пор стало так? Я понимала, что привычка имеет корни в прошлом, и сейчас она просто вышла на поверхность, но и прекрасно помнила, сколько же негодования Люций вызывал у меня в первые месяцы обучения в академии.

— Совесть и воспитание? Ну тогда... — Див возвел взор к верхушкам деревьев. — Стоит сказать спасибо за это Ордену вечной зелени.

Я удивленно остановилась. Мой взгляд скользнул к врачевателю, что шел за руку с учеником, который постарался отдалиться от него настолько, насколько мог. Чувствовалась гнетущая атмосфера. Оба были не рады соседству.

Даже у меня вид дивов, державшихся за руки, вызывал противоречивые чувства.

Увидев Региса в обители теневых даэвов, я не сомневалась в том, что он темный.

Орден вечной зелени находился на самом юге Исонии, гранича с дикими землями. Говорят, несколько дней пути — и можно добраться до холмов фэйри. Но те, кто отправлялись к ним, больше не возвращались.

Орден был немногочисленным, но очень уважаемым, как раз из-за лекарского дара, который они совершенствовали благодаря накапливающимся знаниям о лечебных травах и зельях.

— Почему он здесь? Почему с тобой?

— Об этом спроси у него сама, — серьезно сказал Люций.

— Да к паршивому ревенанту все! — вскипел Регис, разворачиваясь. Его терпению подошел конец. — Моран, ты же издеваешься, да? Это все твои шуточки.

— Вы разве не видите? — произнесла я, когда мы приблизились к мужчине.

— Что не вижу? — заозирался див, но гнев его стал тише.

— Бутоны цветов. Они сияют ярче.

Как только Люций взял мою руку, появилась дорожка из огней, что извивалась среди деревьев. Словно небо опустилось, и звезды оказались под ногами.

— Да. Мы тоже видим, — сказала за двоих Ассоль — они ушли дальше всех.

Повисло растерянное молчание, которое, как всегда, прервал Моран. Он, пропуская локон своих волос сквозь пальцы, как бы невзначай заметил:

— Скорее всего, дело в том, что вы оба мужчины. Поэтому вы ничего не видите.

— Люци-и-ий. Ты ведь с самого начала это знал? Ты намеренно вынудил... — сделал Регис шаг к нам.

— Я не был уверен, — возразил Люций, и из его свободной руки вырвалось темное облако, что вмиг обрело облик птицы и улетело вдаль. — О, магия вернулась. Кажется, мы выбрались.

Глава 17. Кервель

*Жить — это делать постоянный выбор.
Правильный он или нет, никогда не узнаешь, тебе
остается лишь взять за него ответственность.*

«Личные записки Люция Морана»

Граница Мертвого леса очерчивалась цветами и туманом, что закручивался маленькими вихрями, не в силах продвинуться дальше. Мы вышли на старую дорогу, которая виляла, забираясь в гору. Покинув магическое место, мы все равно оставались среди деревьев, что плотно обступали уже давно не используемый тракт.

— Не похоже, что в том месте часто бывают гости, — заметила я, поправляя шляпу.

— К ним практически никто и не приходит.

— Тогда как они живут? Как дикие деревни на юге?

— Нет. — Моран улыбнулся. — Они собирают редкие травы в горах. И временами спускаются продавать свой товар. Мы часто у них покупаем и поддерживаем связь.

Регис поравнялся с нами, присоединяясь к беседе.

— В их местности можно найти морозию, — сказал врачеватель. — Ничего удивительного, раз по соседству место упокоения тысяч душ. Мы еще легко выбрались, если бы нас действительно хотели удержать, нам бы пришлось гораздо сложнее.

Див имел в виду Мертвый лес, который мы недавно покинули. Морозия — весьма своенравное магическое растение. Оно могло расти в самых непохожих друг на друга местах — в жаркой пустыне, пески которой плавятся от яркого солнца, или на верхушке горы, спрятавшись под толщей снега. Но все же, в виде исключения, в некоторых краях ее собирали регулярно — на землях, где сохранилась особая магическая атмосфера.

— У нас закончился запас, если удастся его пополнить, то я смогу вернуть твои звезды, — предложил врачеватель, глядя прямо перед собой и напуская на себя невозмутимый вид.

— Кто-то использовал весь сок на свою шею, неудивительно, что он закончился, — вымолвила я, кинув быстрый взгляд на Морана. Регис же удивленно оглянулся на меня.

А я сама не ожидала, что мои слова прозвучат столь иронично.

— Я всего лишь послушал одного близкого мне даэва, — жизнерадостно ответил Люций.

— Он сказал, что тебе надо истратить весь сок? — поинтересовалась и лишь потом вспомнила недавний рассказ Рафаиля. Задумчиво замолчала.

— Нет. — Моран странно улыбнулся. — Она сказала, что я очень похож на темного бога Фародея. По крайней мере, на то, каким его описывают легенды.

— Надо быть довольно смелой, чтобы сравнить кого-то с богом, — высказалась я, гадая, кто же мог быть Люцию столь близок. Прошло целых двадцать семь лет, это больше, чем вся моя жизнь, которую я провела вне сна. — Вряд ли я когда-нибудь смогла бы произнести нечто подобное... Что? — спросила, обернувшись.

Див смеялся, прикрывая рот изящной ладонью.

— Ничего. Не обращай внимания, — пробормотал Люций.

Регис хмуро добавил:

— Ты правда лучше не обращай внимания. В последние дни он слишком много смеется. Не в пример тому, что было раньше. Наверное, рад, что наконец-то появилась возможность закрыть портал в Серый мир.

«Закреть портал...» — повторила я про себя. Было в этих словах нечто завораживающее, немного отупляющее. Ведь это предстояло совершить мне, и пока я совершенно не представляла, каким образом.

Моран не стал ни опровергать, ни подтверждать слова врачевателя. С его ладони вновь сорвалась птица. На мгновение я заметила, как потемнели кончики пальцев дива. Ворон улетел дальше, приземлившись на плечо одного из учеников. Они умчались вперед, оказавшись слишком далеко от нас.

— Откуда взялось прозвище Ангел тьмы? — глядя на плоды его колдовства, спросила я.

— Люди придумали, — беззаботно отозвался Люций.

— О, придумывать в Исонии горазды, — согласился Регис.

— Но все же почему? Должны же быть причины.

— Они есть, — усмехнулся Моран. — Дело в магии. Если не повезет, скоро увидишь.

Если не повезет... Весьма красноречивое замечание. Что же произошло с его даром?

— Ты бы слышала все сказки. Некоторые люди в Исонии и Феросии верят, что если кто-то перевоплотился в ревенанта, то их проклял Ангел тьмы.

Мои брови взметнулись вверх, но не успела я ничего сказать, как Люций сообщил более поразительную новость:

— Да. И поэтому они защищаются фигурками и картинками с ликом Самоотверженной Сары. Думаешь, откуда в моей коллекции столько экспонатов?

Улыбка дива стала ироничной.

Дорога в гору становилась все круче. Воздух же был все свежее и холоднее.

— Хотел бы я посмотреть на лица тех, кто увидел бы его и тебя в твоём истинном теле рядом. — Сама идея уже заставляла Региса улыбаться как-то злорадно.

— Как вы с Люцием познакомились? — Раз врачеватель присоединился к нашему разговору, я собиралась узнать, как его занесло к теневым даэвам.

— Меня выгнали из клана. — Див помрачнел — видимо, события прошлых лет до сих пор вызывали у него сильные чувства.

— Ты сам ушел, — поправил Моран.

— Они сделали все для того, чтобы я покинул орден, — высокомерно бросил Регис. — Я больше не мог там оставаться.

— Но как же все-таки ты попал в Акракс?

— Я нашел его и привел.

— Да. Стоило мне только отойти от ордена на несколько миль. — Див поправил сумку с лекарствами на плече. — У Северного ордена имелся доносчик в моем.

— Мне нужен был врачеватель с даром. И я искал подходящего.

Выслушав всю историю, я вздохнула, одарив взглядом Люция.

— Насколько все удачно получилось, — протянула, прекрасно понимая, что одним стечением обстоятельств дело не обошлось.

Этот случай четко показывал, насколько надо быть осторожной с Мораном.

Внезапно похолодало, настолько, что свело зубы, я задрожала, мучаясь в этом хлипком человеческом теле. Из рта вырвалось облачко пара. На земле появилась изморозь.

— Глава!.. — крикнули впереди. Я прибавила шаг, чувствуя, как оживляется сила внутри меня. Она реагировала на энергию, обволакивавшую каждый листик в этом месте.

Дорога повернула, открывая вид на подобие улицы со старыми, потрескавшимися и посеревшими деревянными домами. Лишь пара построек появилась не так давно.

Ограждающей стены здесь не имелось, но из земли торчали столбы, на которых виднелись глубокие линии, складывающиеся в печати. Они почернели от многократного нанесения и ушли так глубоко, что достигли сердцевины бревна.

Всюду царили тишина и безмолвие. Энергия Серого мира подобно яду отравила и умертвила все вокруг.

— Ты не говорил, что здесь жил даэв, — прошептала я, бросив мимолетный взор на Морана.

Стена отсутствовала, потому что каждый раз находился тот, кто создавал магический щит вокруг поселения. Давая гораздо более надежную защиту. Насколько мощную, что темная сила не могла проникнуть снаружи, лишь изнутри.

— Разве это имеет какую-то важность? — сощурившись, ответил Люций.

— Без сомнения имеет...

Даэвы без ордена, зачастую одиночки, постоянно путешествующие по миру. Соседство с Мертвым лесом, страж, защищающий поселение от нечисти, все это делало Кервель весьма загадочным. И заставляло задаваться вопросом: а точно ли разгул Серой энергии случаен, как и то, что Люций, пренебрегая приглашением на празднество короля, лично отправился сюда?

А еще здесь обитало нечто, что смогло победить трех воинов, побывавших перед нами.

Оглядев наш отряд, состоявший из трех учеников, врачевателя, меня и лишь одного полноценного стража, я в который раз подумала, что это плохая идея. Существовали правила, при которых даже на поиски какой-нибудь зловредной вещи отправляли минимум двух даэвов, а зачастую трех.

Три. Мое любимое число, как и восемь. Восемь вообще символизирует нечто магическое. Хотя я и не верю в легенды, сочиненные или приукрашенные людьми. Кстати, именно восемь стражей отправляли на опасные задания. Но если в самом начале сюда послали такой маленький отряд, значит, никто не предполагал, насколько плохи дела.

Теперь же очищать Кервель прибыла донельзя странная группа. Но Моран не планировал сегодня умирать, а значит, был уверен, что мы с легкостью выберемся отсюда. А учитывая его недавние слова и то, что дива проклинал едва ли не весь материк, он действительно имел все шансы справиться с притаившимися поблизости монстрами.

— Сара, времена изменились и твари стали иными. Мы здесь можем столкнуться не только с ревенантами, но и с чем-то другим, не менее опасным, — предупредил Люций.

— Я уже это поняла. — О подобном меня и предупреждать не следовало.

Моя рука скользнула к поясу, проверяя кинжал. В который раз я вспомнила про Туманный. Сейчас он бы пригодился. Хотя силы и роста в этом теле явно не доставало, и мои движения были бы и вполтину не так точны и проворны.

— Замечательно. Прежде чем лезть в битву, убедись, что я где-то поблизости, — попросил див.

Я серьезно кивнула. В моем текущем положении все могло закончиться плачевно. Если эта оболочка умрет, пока я нахожусь в ней, то, скорее всего, именно я и отправлюсь в небытие. Майя же останется в нынешнем облике навсегда, правда, вскоре он изменится — без моей души тело неминуемо ослабнет.

Отправившись в Кервель, я желала увидеть изменения Дэвлата своими глазами. Узнать не по записям в хрониках, а почувствовать на себе. Лишь испытав, сможешь понять — эту истину я усвоила слишком рано.

— Что ты делаешь? — Я опешила, возмущенно уставившись на Люция, который только что погладил меня по волосам.

Жест привязанности и заботы. Если бы я хранила спящего Морана подле себя столько лет, то наверняка бы даже после пробуждения не сразу пожелала с ним расстаться. Время залечивает раны, меняет сознание, примиряет с врагами и погружает в одиночество. Именно

поэтому оно заставляет крепко держаться за тех, кто прошел с тобой этот долгий путь.

— Листик запутался. Идем, — отозвался он, уголки его губ были приподняты.

«Не беспокойся... Это сущая мелочь», — говорил его вид, но глаза... Порой, когда Люций улыбался, мне казалось, в них сверкали звезды.

Мой взгляд скользнул к пустым рукам Морана. Либо он уже выбросил лист, либо соврал. И я ставлю на последнее.

Мы двинулись по пустой улице. Несколько распахнутых калиток болталось на петлях, издавая протяжный скрип, сливавшийся в одну мелодию сплошь из высоких нот. Температура продолжала опускаться. Трава у дороги пожухла и пожелтела — холод в этом месте царил уже не одни сутки.

Люций задумчиво осматривал округу. Теперь он хмурился, складки, появившиеся на его переносице, свидетельствовали только о том, что охота предстояла непростая. Регис шел рядом, обеими руками вцепившись в ляжку сумки. С первого взгляда становилось ясно, насколько его поклажа была важной.

— Остановитесь, — произнес Моран ученикам, которые тут же замерли на месте. Каждый из них сжимал вынутый из ножен меч, готовясь к неожиданной атаке.

Люций приблизился к одному из юных дивов и вдруг наклонился к земле. Протянул руку, с которой вновь сорвался темный сгусток, и коснулся гриба с пухлой шляпкой, что неприметно рос из-под земли. Магия впиталась, а гриб вдруг увеличился в размерах, став в два раза больше.

— Это пылевик? — спросила я, подходя ближе. В своей привычной форме это было весьма безобидное растение. Наступишь на него — и в воздухе повиснет оранжевое облако спор. В детстве я нередко находила их в лесу и, не успокаиваясь, топтала, пока гриб не сравнивался с землей.

— Наверняка. Магия тьмы его изменила. — Люций оглянулся и, кивая на белую шляпку, бросил: — Регис.

— Понял. Иду.

— Отойдите подальше, — приказал Моран ученикам и попятился сам.

Регис подошел и, присев на корточки, накрыл рот кусочком ткани, что вытащил из сумки. Оттуда же див достал и длинную острую иголку, размером больше похожую на шило без рукояти. Только игла оказалась не из металла, а из черного полупрозрачного кристалла. Врачеватель аккуратно проткнул им шляпку, и цвет иглы изменился, сначала приобретя глубокий гранатовый оттенок, а потом стремительно изменив его на насыщенно-зеленый, цвет мха после дождя.

— Он ядовит, — распрямившись, сообщил Регис. — Но яд не смертельный. Вызывает видения.

— Понятно, — протянул Люций, поворачиваясь к ученикам. — Слышали?

Даэвы кивнули.

— Следите за тем, куда наступаете, — предостерег он.

Пылевики росли повсюду. И даже показывались из-под земли за пару секунд до того, как нога опускалась на место, где еще недавно была утоптанная жителями Кервеля дорога. Растения не только не пугал холод, казалось, они чуяли нас и теперь вели охоту, надеясь заманить в ловушку.

Кервель располагался прямо у подножья гор. Скалы вырастали позади домов, словно кто-то разрушил одну из гор и разбросал ее части по округе. Все жилища были низкими и одноэтажными, лишь храм с конусообразной крышей, видневшийся вдалеке, выделялся на фоне однообразных строений. Точно стражник, вырастающий из скалы, он был на защите этого места. Если кто-то и смог спастись, то только там.

Как бы все вокруг ни пытались убедить меня в непримечательности этого места, такие детали, как столбы с прогоревшими печатями и святилище, в создании которых наверняка поучаствовал кто-то из моего народа, настойчиво убеждали в обратном.

Ученики рассредоточились по обеим сторонам улицы, заглядывая в опустевшие дворы. На одного, громко кудахча, неожиданно выскочила курица, заставив юного стража попятиться и едва не придавить гриб.

Это не то, над чем стоило смеяться, но я невольно вспомнила свою первую охоту в Академии Снов. Это был лишь фрагмент, и

остальные события оставались смутными, но, видимо, та ситуация оказалась настолько запоминающейся, что даже спустя столько лет не желала меня покидать.

Монстр затаился на болотах, к нему было сложно подобраться, чтобы не увязнуть в грязи, и приходилось, точно белкам, перемещаться с одного дерева на другое. Сражаться мы тоже были вынуждены с высоты. И вот, когда мы запихнули в глотку твари несколько взрывающихся печатей, ту разорвало в клочья, но за долю секунды до этого ветка, за которую цеплялись я и еще один даэв, обломилась. Мы упали прямо в месиво из грязи и останков нечисти. Тогда мне явно было невесело, но теперь то событие казалось почти приключением.

В нескольких шагах от меня я заметила на земле темное пятно. Несомненно, это была кровь. Еще несколько капель уходило дальше, во двор дома.

— Людей нет, — произнесла, когда возле меня оказался Моран.

Солнце уже давно спряталось за горами, и потихоньку тени становились все более черными и зловещими. Наступало *их* время. Нечисть избегала светлого времени суток, особенно когда чуяла даэвов. Большинство монстров точно животные, самосохранение и голод — их главные инстинкты. Днем они таились от нас, а ночью, становясь сильнее, нападали. Нередко ревенанты, прячась от лучей, закапывались под землю, и как раз сейчас кровавый след обрывался возле свежевскопанного участка.

В воздухе стал витать сладковатый запах гниения. Смерд появился внезапно и теперь был везде. И самое главное — я видела призрачный, едва различимый след энергии Серого мира над вскопанной землей. Видела, а не должна была. Это прерогатива отнюдь не светлых даэвов, а теневых. Могущественных даэвов, в ком внутренней тьмы было так много, что она позволяла увидеть родственную магию.

Пока я размышляла над тем, как поступить, мимо меня стремительно пролетел магический сгусток. Тьма ушла прямо в землю, словно уж, скрывшийся между камней, а потом послышался противный хруст, и почва вдруг просела, будто внизу образовалась пустота.

— Что ты сделал? — обернулась я, хмурясь.

— Уничтожил, — признался Моран. А тьма вдруг вновь поднялась от могилы и скользнула к диву, исчезая в его руке. Но то, что вернулось, было значительно больше, чем изначально.

Я не только увидела это, но и почувствовала.

— Как? — Мой тон прозвучал требовательно. Да и все тело прошиб холодный пот. Я не могла контролировать себя так, как раньше.

Люций отвел взгляд.

— Я забираю тьму, что наплатила их плоть. Они больше не могут двигаться, их тела распадаются. Это конец, — твердо проговорил он. Выглядел при этом он отстраненным, но его рука, лежавшая на низком заборчике, поглаживала дерево, выдавая напряжение.

— Это *так* изменился твой дар? — выдавила я из себя. Меня тяжело было удивить, но последние несколько дней только это и происходило. Впору подвергать сомнению абсолютно все, что меня окружало.

— Да. Этому трюку я научился в первый год, — серьезно кивнул Люций. Если еще секунду назад его лицо показалось мне слишком сосредоточенным, то теперь его скулы расслабились.

— Есть и другие?

— Несколько, — ответил он, двигаясь дальше по улице.

Я направилась следом, отставать было нельзя. Над домами летали вороны. Десятки птиц, что были чернее ночи. Ни их перья, ни глаза не отражали ни света луны, ни сияния огненных печатей, зависших в воздухе, ни голубоватого мерцания грибов. Некоторые из воронов сидели на крыше и прыгали по земле, осматривая и исследуя каждый уголок поселения.

Для мортема создать одно-два небольших существа не проблема, но дальше начинаются трудности. Даже три — уже невиданное могущество. Все это время я гадала, как несколько даэвов создали ту стаю птиц по дороге из Тронга к границе. Но истина оказалась проста и одновременно нарушала все сложившиеся устои. Их сотворил один-единственный див.

При таком положении дел, если бы Люций действительно желал разжечь войну со светлыми, преимущество было бы на его стороне. Но он этого не сделал. Это уже говорило о многом. Раньше отец Морана,

глава Северного ордена, останавливал глупого короля Акракса от конфронтации с соседями — похоже, сын шел по тому же пути.

Я старалась не думать о семье Люция. Сейчас я жалела, что спросила у него про семью тогда, у крепости. Будто обвинила его в их смерти. Надо мной возобладали эмоции, которых я всегда избегала. Зачастую чувства подавлял дар, но порою, когда его влияние ослабевало, я сама их уничтожала. И теперь, постигая изменения в своей силе, я вновь пыталась подавить их, пусть пока и без должного успеха.

Мы почти добрались до храма, когда возникли первые шорохи. Они стремительно нарастали, и скоро можно было различить звуки движения.

Ревенанты часто передвигались на четвереньках — их конечности менялись, делая монстров быстрыми, неуловимыми для человеческого глаза, но те монстры, что находились здесь, были другими — медленными и осторожными.

Смрад разлагающейся плоти и крови усилился. Я потянулась к сумке, доставая из нее заготовленные печати.

— Надо добраться до храма. Вам лучше укрыться там. Я справлюсь сам, — тяжело проговорил Люций.

Я кивнула. Спорить не имело смысла.

Люций закатал рукава мантии, даже не притрагиваясь к своему мечу. Клинок одиноко висел на его поясе. Черное золото — так порой называли мечи теневых даэвов. Но металл, из которого они изготавливались, был гораздо дороже золота.

В памяти всплыло отчетливое воспоминание — Люций с разбитым виском, по которому стекала кровь. Мы были в пещере, а он занес меч, который, несмотря на окружающую тьму, сиял алым, вбирая в себя единственный источник света, льющийся из красных глаз ревенанта. Голова разболелась, а видение исчезло. Оставалось лишь гадать, какой фрагмент моей памяти оказался на поверхности.

— Ты бывал здесь прежде? — спросила я, видя первый силуэт приближавшейся твари.

— Бывал, — прошептали в тишине. А в следующую секунду Моран схватил меня за запястья, резко притягивая к себе. Слой земли взметнулся в воздух, а там, где совсем недавно стояла я, шарил черная рука. Вверх поднялось облако спор — я задержала дыхание.

Люций стоял прямо за моей спиной, одна рука покоилась на моей талии, другая зажимала рот. Он опасался, что я вдохну отраву. Я похлопала его по ладони, давая понять, что все в порядке.

Меня отпустили. Рука все так же шарилась по земле, а ядовитое облако стремительно рассеивалось. Вытащив кинжал и получив свободу, я быстро приблизилась к твари и воткнула лезвие в угловатую конечность. Кервель сотряс рев — высокие ноты били по перепонкам. Прежде чем монстр показался на поверхности, я отскочила прочь.

Сталь, отливавшая золотом и серебром одновременно на разных участках лезвия, пронеслась в воздухе, отсекая голову ревенанта, что, глухо упав, покатила по земле, давая еще большее количество грибов.

Вытащив из сумки чистый лист, на последних остатках воздуха в легких, я начертила печать воздуха и подняла ее перед собой. Подул ветер, что отнес споры пылевика дальше по улице.

Мы с Мораном сработали слаженно настолько, что у меня не было времени задуматься. Будто мы не раз сражались вместе, как одно целое.

— Прекрасный меч, — произнесла я, не зная зачем. Может, потому что раньше никогда не восхваляла сталь. Он нравился мне почти так же, как Туманный.

Люций странно посмотрел на меня и крепче сжал рукоять.

— Так и быть, можешь взять его как-нибудь с собой в кровать.

Я хмуро посмотрела на него. Кое-кто раскрыл мой секрет, а я не помнила, когда это случилось. Оставленный мне по прибытии в крепость кинжал был первой подсказкой.

— Какой прок? Он меня не слушается, — выдавила я.

После моих слов блики на лезвии стали ярче. Они играли на его гранях. Клинок являлся отражением своего хозяина и будто стремился что-то мне сказать.

Люций тихо хмыкнул.

— Вам пора, — проговорил он почти одновременно с тем, как раздался гневный крик.

Я обернулась на звук.

Один из учеников отбивался от ревенанта. К группе молодых даэвов подбиралась дюжина тварей. Монстры прибывали, и глаза их сияли алым, демонстрируя жажду.

Но черные вороны взвились в небо подобно стрелам, со свистом рассекающим воздух и карающим зло. Они пронзили отравленную плоть, просачиваясь в тела, опустошая, заставляя оболочки разваливаться и черным пеплом ниспадать на землю. После птицы, обратившись в самую тьму, возвращались к своему хозяину, проникая под кожу.

Я сглотнула. Моргнула, будто надеясь, что картина перед глазами рассеется подобно иллюзии.

Несмотря на все старания, возле учеников и подоспевшего к ним врачевателя повисло густое облако из спор. Регис быстрыми движения достал из сумки сосуд с водой, кинул внутрь какой-то порошок, смочил полученным раствором куски ткани и раздал их даэвам.

— Полагаюсь на тебя, — сказала я Морану и направилась к даэвам.

— Рад это слышать, — прозвучало в ответ. А я задумалась о том, как много энергии Серого мира может вместить его тело.

Тьма укрепляет тела теневых даэвов, но когда ее слишком много, она их и разрушает. В голове всплыло предупреждение Рафаиля. Люций способен переходить грань...

Я дошла до остальных, вновь задержав дыхание. Показала жестом на храм. Регис кивнул, и все мы направились к холодному каменному строению, возвышавшемуся над остальными домами.

Монстры нас будто не замечали, спеша к своему главному противнику. Победят его — и тогда мы станем легкой добычей.

Мы бежали, преодолевая десятки метров за несколько секунд. У храма и правда совсем не чувствовалась холода. Завихрения энергии Серого мира находились везде, но не там.

Еще немного времени заняло начертание печати на запертых дверях. Они распахнулись, впуская нас в жерло новой тьмы. Но это всего лишь отсутствие света, а вовсе не аура смерти.

Напоследок, перед тем как запереть нас, я оглянулась.

Шумно вдохнула, видя, что хаос воцарился на этой земле. В самом центре образовавшейся воронки из темного колдовства стоял Моран. За его спиной подобно крыльям сочилась теневая магия.

Ангел тьмы.

Я наконец-то поняла, что это значит. На мгновение я будто заснула. В голове, вырвавшись из самой глубины сознания, мелькнула

очередная нечеткая картина. Вечная ночь, гул, который сдавливает все тело так, что даже дышать невозможно, я лежу на земле, а жизнь стремительно покидает меня. Сознание тухнет, но перед тем как прикрыть глаза, я вижу среди этой Серости с черными сгустками приближающийся ко мне неясный силуэт.

— Сара! Закрой двери! — кричит кто-то, и я с хрипом, жадно вдыхаю, возвращаясь к реальности.

Двери громко захлопываются. Затворяются, делая шум битвы отдаленным. А когда я создаю очередную печать на деревянной поверхности, звуки становятся еще тише.

Я пячусь.

Что я только что увидела? Что я только что вспомнила?

Голова шла кругом. От потрясения я едва не валилась с ног.

Вид Морана меня не напугал, но он стал кем-то иным, и это больше невозможно было игнорировать. Только принять. И, несмотря ни на что, верить, ведь, как ни странно, на обратное я способна не была.

— Он ведь справится? — спросила я у Региса, оборачиваясь. Я знала, что Люцию это по плечу, но хотела, чтобы кто-то произнес это вслух.

— Несомненно, — ответил тот, и я кивнула. Значит, я не безумна и не одна испытываю эту на первый взгляд слепую веру.

Глава 18. Двое во тьме

Я делаю то, что должен. Но ты все еще можешь мной восхищаться.

«Личные записки Люция Морана»

Уняв волнение, я оглянулась, осматривая храм — пустынное помещение с фресками на стенах. Я прищурилась, не сразу распознав, что все они были расписаны незамысловатыми орнаментами — листья, бутоны, стебли. Что снаружи, что внутри все утопало в зелени.

Это оказался не обычный храм. Сразу и не поймешь, кому именно поклонялись в этом месте. Может быть, его использовали вовсе и не для этого.

Ученики шумно переводили дух, все еще сжимая тряпицы с зельем.

— Это что же получается... Все жители Кервеля стали ревенантами? — пораженно прошептал молодой див.

Уже один монстр вызывал проблемы, не говоря о том количестве, которое хлынуло на улицы, стоило зайти солнцу.

Я пошла вдоль стен, оглядывая камень. Поверхность, где отсутствовали фрески, была удивительно гладкой, словно ее тщательно отполировали, за исключением тех мест, где виднелись потухшие печати, — судя по изящным линиям, то сужающимся, то утолщающимся подобно руслу реки, их наносили кистью и делали это не так давно. Но с каждым разом знаки становились все мельче, а в черточках появлялись рваные бреши — у наносившего символы кончалась краска.

Дотронувшись до самой неприметной печати, я провела по контуру запекшегося и почерневшего символа, который был мне знаком. Точно такая же магия украшала столбы снаружи. Защита и скрытность. Первое ставило слабый барьер, а второе полностью скрывало запах людей и их ауры. Монстры чувствовали отголоски эмоций и духовную силу, которая имелаась абсолютно в каждом. Но эмоции человека ярче, разнообразней, а внутренней силы, способной

защитить тело от захвата, почти нет, поэтому из всех существ, населявших Дэвлат, они были самой желанной добычей.

Колонна, на которой ютился знак, разделяла две одинаковых фрески, что заканчивались у самого пола, обрамленные, как рамой, каменным бордюром, посеревшим от пыли. И именно в этом месте я заметила неожиданную странность — пыль, скопившаяся в храме, витала даже в воздухе, отчего тишина в зале уже пару раз нарушалась громким чиханием. На полу оставались следы: свежие от нашей обуви и несколько старых отпечатков кого-то из местных. Но каменная плитка, на которой стояла я, оказалась чистой, причем ровно по контуру.

— Вот и посчастливилось попасть на обучение к главе ордена... — пробурчал Эйдан. Он был самым низким из троицы учеников, отправившихся в это путешествие, но зато самым подвижным, не в силах слишком долго устоять на одном месте.

Я бросила на него спокойный взгляд.

— Главный урок нынешней охоты — это показать, что каждую битву надо обдумывать заранее. Бежать вперед с мечом наперевес — самое глупое, что вы можете сделать. Подумайте хорошенько, что бы вы делали, не окажись с вами главы ордена. И что вы должны были сделать заранее, — произнесла я, задумчиво топчась на одном месте.

Даэвы на время притихли. Регис тоже призадумался.

— Думаю, верным было бы сбежать и потом вернуться с подмогой, — предположила Ассоль.

— С одной стороны, правильно, — кивнула я, смотря себе под ноги. — Но что, если рядом много людей и твой побег гарантированно обречет их на смерть? Многое зависит как от обстоятельств, так и от твоих принципов.

Я вспомнила те крики и ярость, которыми был наполнен спор, разгоревшийся когда-то. Однажды я точно сталкивалась с подобной ситуацией, и поэтому теперь так безрадостно говорила о ней.

Вздохнула, поднимая голову, и в последний раз топнула по плитке. Раздался треск, и вдруг камень продавился, упал, а я рухнула вниз, замечая пронесшийся и мгновенно исчезнувший храм с пораженными лицами остальных. Несколько секунд катилась по узкому извилистому лазу, пока не упала в тоннеле, прокатившись по камню.

Сумка перекрутилась. Я лишь чудом не ударилась головой.

— Это уже входит в традицию... — сдавленно прошептала я, припоминая свое недавнее падение. Поднялась на руках, посмотрев на потолок. Используя кинжал, я могла попробовать забраться наверх, но лаз исчез. Словно растворился во тьме подземелья.

Потолок оказался сплошным, а весь ход был прорублен прямо в камне. Подозреваю, прямо сейчас я находилась где-то под горой.

Нечто впустившее меня выпускать совсем не собиралось. Наверное, требовался какой-то ключ — например, где-то был припрятан рычаг, или, что еще хуже, замок являлся магическим и отпирался печатью. Безуспешно опробовав несколько стандартных отпирающих символов, я задумалась.

Либо в этом месте использовали редкий знак, что хранился в секрете ото всех, либо связку ключ-замок создали заново. В обоих случаях самостоятельно выбраться представлялось сложной задачей, если только я не решусь грубо пробиться на поверхность, взорвав тоннель. Но это слишком рискованно.

Посмотрев в сторону удаляющегося коридора, я решила для начала все же исследовать пещеру. По всем признакам — отсутствию запаха гнили и энергии Серого мира — здесь монстров не было.

Я осторожно побрела вперед, оглядывая стены, на которых встречались насечки. Будто кто-то помечал для себя разные участки коридора. Определенно, здесь раньше бывали люди. Подняв ладонь, я прикоснулась к прохладному каменному потолку. Сложно было предположить, на какой глубине я оказалась. Но даже под землей я могла ощутить Майю. Она совсем не покидала спальни, и уже больше суток с ней рядом кто-то находился.

Складывалось впечатление, что девушку то ли держали взаперти, то ли просто охраняли. Наверняка светлые подобрались совсем близко.

Если Фредерик находился в Тронге, то расстояние между крепостью и приграничным городом должно быть достаточным для *той самой* печати. Она сможет связать два места. Раньше мы с братом довольно часто тайком использовали этот символ, пока нас не поймала с поличным его мать. Фредерика наказали, и с тех пор мы больше не использовали так опрометчиво тайную магию семьи Сорель.

Ход уходил все дальше. Левая нога после падения побаливала.

Я оглядела стены. Учитывая защиту храма, тьма сюда не проникла. Я все так же не ощущала ни запаха, ни энергии, ни холода.

Вдруг впереди промелькнула тень. Она быстро юркнула за угол, а я прибавила шаг, сжимая в руке лист с начертанным заранее символом.

Стоило лишь повернуть, и на меня обрушилось лезвие. Оно сверкнуло в мрачной темноте. Движение было топорным — оружием воспользовались как молотом, подняв и опустив, так что оно рухнуло вниз под своей тяжестью.

Я инстинктивно отпрыгнула назад, выставляя вперед огненный символ и останавливаясь за долю секунды перед тем, как активировать его.

Передо мной стоял старик. Даэв. Его ссохшиеся, с пергаментной кожей, руки дрожали, сжимая эфес клинка. Часть седых волос свободно ниспадала, а другая была заплетена в неаккуратный пучок. Некогда сиреневая мантия, обозначающая в нем врачевателя, была застирана до такой степени, что цвет поблек и посерел. Ткань давно потеряла свой прежний лоск.

— А ты кто такая? — хриловато удивился старик. — Я уже думал, все, конец, пробрались и сюда!

Даэв попытался поднять клинок, но металл, из которого выплавлялись наши мечи, не зря был магическим. Он практически не тупился и даже наоборот — становился тем острее, чем больше жизней монстров отнимал. Этот же меч застрял кончиком в каменном полу, войдя в него как в масло.

Выходит, старик передо мной не только врачеватель, когда-то он был великим воином.

— Давайте я вам помогу, — произнесла, подходя ближе и осторожно накрывая его ладони своими. Нельзя было касаться клинка напрямую, иначе он воспротивится, не признав во мне хозяина.

Даэв хотел было меня остановить, но передумал. Скоро лезвие вышло из камня.

— Выглядит как человек, — пробормотал себе под нос незнакомец, — но ведет себя как даэв. Да и что мог позабыть человек в нашем захолустье?

Его взгляд скользнул к печати, которую я вновь достала из кармана.

— Вы здесь один? — спросила, видя, что коридор за спиной старика расширяется. Похоже, дальше начинались какие-то комнаты.

— Нет. Есть еще люди. Они прячутся в другом конце пещеры, в самом сердце горы. Там безопаснее.

— А даэвы... Вам отправляли на помощь двух воинов.

Старик странно на меня взглянул, отвернулся и сгорбился.

— Идем со мной.

Таща за собой клинок, который стал слишком тяжелым для его ослабевших рук, даэв пошел дальше по коридору. Всего несколько метров, и мы вошли в пещеру с высокими потолками, одна из стен которой была покрыта кадками с растениями. Слабые зеленые стебли клонились к полу, изгибаясь над краями чаш с землей. Здесь же находились лампы, но вместо свечей внутри прятались специальные емкости с жидкостью, сияющей оранжевым, как закат, светом. Сок глимы. Тоже весьма редкое растение. В моем ордене им освещался лишь главный зал.

В центре пещеры имелся стол длиною в человеческий рост, который был завален различными склянками, сверкающими в золотом сиянии, маленькими свертками, конвертиками, некоторые из которых были открыты, а их содержимое в виде высушенных листьев рассыпалось по деревянной поверхности и полу.

На другой стене висело три полки с книгами. Судя по корешкам, одна из них была отведена под хроники — четыре из пяти фолиантов были покрыты пылью, и не составляло труда угадать, в каком именно велись последние записи.

Чуть дальше от полок обнаружился проход — похоже, именно отсюда тоннель уходил дальше в глубину. Неподалеку от темнеющего жерла коридора пол оказался чем-то заляпан, а из стены торчало четыре крюка с кандалами — по звеньям цепи вились мелкие, едва проглядываемые печати. Видимо, когда-то там держали ревенанта.

— Сколько вы здесь прячетесь? — постоянно оглядываясь, спросила я.

— Не знаю. Около двух недель. Я сбился со счета, — отозвался старик, копошась со склянками в углу.

— Вы не пробовали выйти днем?

— Пытались. Но они всегда узнают, когда вход в пещеру открывается. Выползают даже при свете дня.

Что ж, не удивительно. Монстры чуяли, что противник слаб, поэтому показывались даже в светлое время суток, когда их силы были гораздо меньше.

Я подошла к полке с хрониками. После пробуждения они манили как никогда.

— Можно? — спросила разрешения я.

Даэв, едва обернувшись, махнул рукой. Я взяла с полки фолиант, зная, что вряд ли записи поведают мне историю событий королевств. Но это поселение с первого взгляда показалось мне необычным, поэтому я захотела лучше узнать его.

Но прежде, чем я прочла хотя бы строчку, увидела лист, что выглядывал между страниц. Вытащила его, рассматривая портрет девушки. Мой портрет, выполненный чернилами.

В голове, словно рой пчел, закружили мысли.

— Вы тоже поклоняетесь Саре? — осведомилась у незнакомца.

Старик обернулся. Подошел. Полы его мантии волочились по полу. Наряд стал для него большеватым, отчего он напоминал большую дряхлую птицу.

Даэв заглянул в рисунок.

— Нет. Люди в этом месте никому не поклоняются. Они слишком умны, — ответил он, жуя свою нижнюю губу. Его напряженный взгляд изучал портрет. — Все эти святые — лишь такие же существа, как остальные, разве что сумели запомниться, зачастую своей трагичной смертью. Чему тут поклоняться?

— И то верно, — согласилась я.

— Но эта девушка не мертва. Хотя и живой ее не назовешь, — пробормотал он, собираясь отойти.

— О чем вы? — вскинула я голову.

Старик замолчал, долго раздумывая.

— Вряд ли мы выберемся отсюда, — сказал он себе под нос. — Она бывала у нас. Давно. Лет двадцать пять назад... Точно и не упомню. Лежала здесь, прямо на том столе. Вся черная, с ног до головы в скверне. Не веришь мне? — неправильно истолковал мой взгляд старик. — И правильно, об этом никому не стоит знать.

Он покачал головой.

— Расскажите. — Мой голос прозвучал сипло.

— Нет, — наотрез отказался он.

— Она была без сознания? Спала?

— Умирала.

— Вы же сказали, что она не мертва.

Старик досадливо поморщился, уже, видимо, жалея, что привел меня сюда.

— Какая теперь разница?

— Разницы никакой и мы здесь умрем, значит, вы ничем не рискуете, — убеждала я. Скажи я ему сейчас, что являюсь той самой девушкой, вряд ли старик поверит мне. Скорее замкнется, и тогда информацию и клещами не вытянуть.

— Какая настырная! Ее принес с собой даэв. Явился один, тоже весь во тьме, только эта тьма была не снаружи... — Он поднял сухую ладонь, что замерла у моей груди. — А в самом сердце.

Я сглотнула.

— Мы лечили их несколько лет. Парень оправился, тьма изначально была его природой. А вот в ней... — Он ткнул в портрет. — Раньше ее не было и грамма. Светлая. А по виду будто искупалась в самой бездне.

— Что было дальше?

— А ничего. Он ушел и ее забрал. Мы ничем не могли помочь. Девушка заснула вечным сном. Ее тело жило, подпитываясь магией, только и всего. Подобно монстрам, что не живы и не мертвы. А душа уже тогда, наверное, отправилась к предкам. — Он тихо отошел, возвращаясь к своим склянкам.

А я осталась. Услышанное потрясло.

— Ее следовало похоронить.

— Но он не похоронил... — прошептала самой себе. Все эти дни я думала о семье, зная, что моя гибель принесла немало боли. Но так или иначе, смерть позволяет отпустить и смириться, а надежда — нет. Терпеливо ждать моего пробуждения столько лет... подобное даже представить сложно.

Меня разрывали противоречивые чувства. Столько эмоций. Они сдавливали грудь, не позволяя нормально дышать. Прошли те времена, когда я могла унять ураган внутри себя благодаря одному лишь желанию. И как же я об этом жалела...

— Тогда нет. Но столько лет прошло... Да что уже говорить об этом. Лучше скажи, как сюда попала? Явно же не по своему желанию

забралась в горы.

— Я пришла не одна.

— Да? Ну, вряд ли кто-то выживет снаружи, — бросил старик.

Вдруг стены пещеры сотряслись, с потолка посыпалась каменная крошка.

— Скажите, что здесь произошло?

Див помрачнел, отвел взгляд, поджав губы.

— Это я во всем виноват, — пробормотал он себе под нос. Старик, видимо, так часто проводил время в одиночестве, что привык разговаривать сам с собой. — Все началось с истории, которую я рассказал. Тогда я увидел, как кто-то просто извлекает тьму из тела. Не всю, а ту, что собирается на поверхности. Спустя годы меня посетила мысль: что, если научиться собирать Серую энергию из воздуха, не позволять ей накапливаться и захватывать людей? Тогда можно было бы создать абсолютно безопасные города, куда бы тьма не проникала. Это стало бы спасением... Но энергии необходимо пристанище, не получив жертву, она не рассеется. Эту роль могли бы исполнить кристаллы.

— И у вас получилось? — В былые времена я бы осудила за подобные эксперименты. Но к чему сейчас это? Все вокруг ищут выход из сложившейся в Дэвлате ситуации.

Вспомнились слова наставника из Академии Снов. Он говорил, что если когда-то откроется второй раскол, то, скорее всего, мы все умрем. Судя по всему, его предсказания оказались не так далеки от истины. Мир и правда в шаге от гибели.

— Какой там. Кристаллы оказались нестабильными. Я спрятал их, закопав под землю. Но я ошибался... Они были не просто нестабильными, они в некоторой степени исполняли свою роль, но не только впитывали тьму, а еще и притягивали ее. А потом не выдержали и в конце концов выпустили всю наружу. Сначала заразилась вода, потом растения и животные. Поначалу это происходило медленно, а потом вспыхнуло как спичка. Яд быстро распространился, убитые поднялись, и всего за ночь тварей стало уже несколько десятков. Это я их погубил. — Даэв, пошатнувшись, сел на стул и схватился за голову.

Старик застыл будто статуя. Скорбь захватила его бледное морщинистое лицо, взгляд устремился в пустоту.

Но вновь раздавшийся грохот привел его в чувства. Мужчина встрепенулся. Кто-то пытался прорваться в пещеры, и это могли быть как ревенанты, так и даэвы.

— Нам лучше уходить, — обращаясь в слух, прошептала я.

— Согласен. — Старик наконец-то перестал копаться со склянками. — Держи.

— Жидкий огонь? — поняла я, замечая печать на стекле. Стоило разбить бутылек, и магия активируется, поджигая смесь внутри. У мужчины на боку висела сумка, куда он убрал еще два взрывчатых сосуда.

— Да. Я уже не могу держать меч, твои шпажки тоже надолго ревенантов не удержат. Их слишком много.

— Верно, не удержат. Но из-за огня мы можем задохнуться в этих тоннелях, — хмуро проговорила я, даже не желая представлять запах горелой плоти, который въедается в кожу настолько, что еще долго преследует тебя повсюду. — Используйте осторожно.

Мы пошли в противоположное ответвление. По пути старик рассказал, что спасшиеся жители остались в глубине горы. Ходы были прорыты еще в древние времена для добычи руды, некоторые из них обвалились, как и тот, что мог вывести на поверхность с другой стороны. Все это время они занимались тем, что разбирали завал, но еда почти закончилась, и сил оставалось все меньше, как и надежд на то, что они сумеют выбраться.

— Ты говорила, что пришла не одна. Сколько даэвов осталось снаружи?

— Пятеро, — сообщила я, хотя впору было сказать, что один.

— Что? Всего пятеро?! — фыркнул старик. — Твоих товарищей наверняка уже пожрали монстры.

— Сомневаюсь.

— Чего тут сомневаться? Если в твоём отряде нет главы Северного ордена, то они давно мертвы, — отозвался див. Я уставилась на него — несмотря на смуту, царившую в моей голове, это заявление развеселило. — Бедные, бедные дети.

— Вы его знаете? Главу?

— Эм-м. Встречался мельком однажды, — замялся он. — Видел издалека.

Врал врачеватель неубедительно, даже если бы я не знала правды, то все равно засомневалась бы.

Люций, как ты жил все это время?

Чем больше я узнавала, тем больше вопросов возникало. История прошлого была многослойной и горькой. Снимаешь слой за слоем, но легче не становится. Вот я вроде уже начинаю понимать, а уже через мгновение все переворачивается с ног на голову. И я уже опасалась того, к чему могу прийти в конце своего пути.

«Разочарование? Грусть? Может быть, испытаю облегчение?» — гадала я, и одновременно в сознании возникали другие, более значимые вопросы. Что я значила для Морана? Он ждал меня, потому что знал, что лишь я могу спасти Дэвлат, или... не только по этой причине?

— Подождите, — вскинула я руку, предостерегая. Старик недоуменно застыл, а я прислушалась. Смутное чувство тревоги стиснуло грудь. Только что я почувствовала, как холод прошел сквозь тело. Энергия Серого мира.

Магия Морана была немного теплее, в отличие от этой, от которой мороз шел по коже, заставляя дрожать. И она не вызывала инстинктивное желание бежать.

Воздух в этой части тоннеля был свежее и нес с собой отголоски того смрада гнили, что окутал Кервель. Мы находились близко к поверхности.

— Что т... — Грохот, сотрясший стены, прервал старика, а с потолка посыпалась крошка. Не успели мы сделать и шага, как удар повторился, стена впереди разрушилась, и внутрь хлынул серебристый лунный свет.

Время словно остановилось, когда я увидела, как видоизмененная конечность с неестественно длинными пальцами легла на булыжники, некогда бывшие стеной, а множественные силуэты заслонили проход, — монстров было несколько, путь вперед оказался отрезан.

— Обратно, бегом! — крикнула я, хватая старика под руку и используя свой жидкий огонь, только не на тварей, а на пол.

Оглянувшись, убедившись лишь, что огонь волной растекся и преградил проход. Это должно было выиграть нам немного времени.

Мы побежали обратно, слыша за спиной копошение и голодный рык монстров. Они давно не пробовали плоти, запертые в этом месте.

Возможно, Мертвый лес не позволял им покинуть подножие горы — они не могли учуять направление и выйти к людям. Или все же чувствовали, что где-то рядом прячутся живые, и изнывали от желания полакомиться плотью все эти дни.

— Я... не могу так быстро, — прохрипел даэв совсем скоро. — Оставь меня.

— Нет. Идемте.

— Оставь, — проговорил он. — Ты же проникла сюда через храм? Держи. — Он сунул мне в руку не активированную печать на клочке бумаги. — Там есть еще один ход, приложи к стене, он откроется. Хотя бы выберешься на поверхность. Это лучше, чем умереть в этой могиле. Попробуй сбежать.

— Идемте, — с силой повторила я, не собираясь его бросать. Раз у него имеется ключ, нам просто надо вернуться в храм.

Потащила его, слыша, как звуки позади становятся громче. Достав бутылку с взрывчатой смесью из сумки старика, вновь швырнула на пол жидкий огонь. Но здесь тоннель оказался шире, и в коридоре осталась брешь, не объятая пламенем.

— Зачем ты это делаешь? Ведь это я во всем виноват, — причитал див.

— Не вы.

— Что?

— Виноваты не вы, — процедила я.

Расколы. Всегда они всему были виною. Эта тьма. И даже не Люций Моран, открывший портал. Что-то случилось в прошлом, что привело к этому кошмару, воцарившемуся на землях Дэвлата.

Лучше бы кристаллы света и тьмы никогда не были найдены. Что в древности, что теперь они принесли с собой одно лишь несчастье. Именно они проклятье этого мира!

Мы минули пещеру — там уже не осталось ничего ценного. Остановившись, я вытащила кисть из своей сумки.

— Надеюсь, нас не завалит, — прошептала я, рисуя сложный знак.

Даже оставшись одна, я не успела бы добраться до другого конца тоннеля, нам необходимо было выиграть время. Ревенанты проникали в пещеру, когда я дорисовала печать почти наполовину. Монстры лезли один на другого, пытаясь вырваться из узкого прохода. Клацанье их

зубов становилось громче. Выросшие после перевоплощения когти царапали камень, оставляя борозды.

Ревенанты проникли в пещерную комнату и остановились, готовясь к атаке, а старик вдруг как безумный кинулся им навстречу. Одна из самых кровожадных тварей прыгнула, собираясь вцепиться ему в плоть.

Я метнула кинжал, и тот, рассекая воздух, врезался в раскрытую пасть. Брызги черной крови окропили плечо даэва. Ревенант упал, но такая мелочь неспособна была его убить.

Дело обретало дурной оборот.

Даэв, держась за плечо, кряхтел, едва не ваясь на пол и отступая к своему клинку, который оставил в пещере перед уходом. Но в нынешнем состоянии он вряд ли сможет его даже поднять.

Я завершила печать, но не активировала, смотря на его спину.

Глубоко вдохнула и взялась за короткий меч, прихваченный с собой в это путешествие. Но не успела я обнажить лезвие, как вдруг мимо пронеслась тьма, — она змеей скользнула в пещеру и врезалась в грудь ревенанта, растворяясь в нем. Монстра сотрясло, он кулем свалился на каменный пол прямо возле ног старика.

Ревенанта затрясло, а потом он вновь поднялся. И, скаля зубы, кинулся на других порождений тьмы, оказавшись сильнее.

Удушающий запах гнилой плоти повис в воздухе.

Я замерла, наблюдая за разворачивавшейся картиной. Ладони вспотели. Я никогда не видела, чтобы монстры так яростно и целенаправленно сражались друг с другом. За спиной из темного коридора раздались тихие, легкие шаги. Ступни идущего будто едва касались каменного пола. В этом присутствовала своя зловещая магия, словно предупреждающая меня о том, что стоит мне обернуться, и я увижу нечто, что осознать будет крайне сложно.

Так и вышло.

Фигура, вышедшая из мрака, словно не принадлежала этому миру. Его тело вновь полностью покрыли тени, что заставили идеальную алебастровую кожу посереть. Пепельные волосы облепили плечи дива. Дымчатые всполохи теневой магии кружили около него языками пламени.

Небрежно подняв руку, Люций жестикулировал в воздухе, будто дергающий за нити кукловод. Каждое движение — приказ. Разрывать,

уничтожать, так, чтобы от остальных монстров ничего не осталось.

Мне не пришлось долго гадать о случившемся, интуитивно я сразу все поняла, только принять было сложно. Люций Моран перешагнул через грань, позволил тьме поглотить себя. Что для одних являлось смертью, для него было лишь способом приобретения силы.

Но нельзя так заигрывать с темной магией, рано или поздно она все же возьмет верх. Через года, десятилетия, может быть, века... Но это произойдет.

Див поравнялся со мной и замер, глядя прямо на ревенанта, что почти завершил свой бой, разорвав остальных монстров на части. Люций напоминал статую, холодную и бездушную. И мне это решительно не нравилось.

Пусть лучше улыбается, смеется, будет таким же, как раньше. Никогда я еще не испытывала настолько эгоистичных желаний.

— Сара... Ты все так же готова жертвовать собой, лишь бы спасти других. Из нас двоих не изменилась только ты, — раздался низкий скрипучий голос.

— Ошибаешься, — произнесла я, хватая его за опущенную руку, сжала крепко пальцы.

Когда моя внутренняя сила коснулась его, тьма отпрянула. Отступила выше, прячась под одеждой. Раньше это были лишь упрямые слова, а теперь я знала наверняка — личность Морана осталась прежней.

— Достаточно.

Движения другой руки стали резче, словно делая последние штрихи. Сгусток тьмы сорвался с его пальцев, вновь умчавшись к монстру. Теперь я слышала лишь не прекращаемый хруст костей и вой.

— Теперь да.

— Идем.

Он крепче сжал мою руку, только теперь заметив, что теневая сила отступала. Бровь Морана изогнулась.

Ревенант позади, разделавшись со всеми и следуя команде, точно пес, поднялся с четверенек на ноги. Рубаха на его теле, оставшаяся еще с того времени, когда он был человеком, разорвалась, оголяя впалый, точно у гончей, живот. Монстр подхватил успешного свалиться в обморок от боли в руке старика и с остекленевшим взглядом потащил его вслед за нами.

Ладонь Морана оказалась все же теплой, и к тому моменту, когда мы добрались к еще одной прорехе в стене, тьма уже делила его лицо и шею на две половины — светлую и темную. Тьма отступала, и похоже, именно мне удалось ее прогнать.

Прошло больше часа, когда небо окрасилось первыми лучами рассвета. Повсюду была разруха и тела монстров, ученики занимались их сжиганием, отчего на улицах Кервеля в рекордное время оказались возведены несколько кострищ, и запах горелой плоти поднимался в воздух темными клубами дыма.

В окнах домов впервые за долгое время горел свет. Немногие люди смогли выжить, и я видела их слезы, когда они, выбравшись из пещеры, впервые увидели небо. Их голоса врывались в сердце, а эмоции прожигали его, оставляя следы.

Я отвернулась, не в силах долго смотреть. Отошла ближе к лесу, наблюдая за тем, как золото перетекало в яркий ультрамарин. Казалось, будто этот рассвет был предзнаменованием чего-то нового. Смотрела на сияние, растекшееся ореолом над верхушками деревьев, и чувствовала, что времени почти не осталось. Пора было уходить, а я медлила.

Возможно, желала попрощаться?

— Звезд почти не видно. — Люций встал рядом, запрокинув голову. Его губы бесшумно шевелились, и вскоре я поняла — он считает. — Сколько звезд насчитаешь на рассвете, столько и счастливых лет проживешь.

— Ты придумал это только что. — Див вновь выглядел как прежде. Но его взгляд показался мне грустным. Точно он догадывался о том, что я собиралась уйти.

— Верно. Но я уже насчитал больше десяти. Неплохо, не так ли? Целых десять лет счастья... — протянул Моран и опустил голову, повернувшись ко мне. — Я давно понял кое-что. Если во что-то непоколебимо верить, оно обязательно сбудется.

Я промолчала. Одновременно смутно догадываясь об истинном смысле его слов и в то же время ничего не понимая. Мое настоящее все так же неразрывно было связано с прошлым.

— Ты сказал мне, что не можешь создавать ревенантов, но то, что было в пещере... — Я не договорила, и так было все ясно.

— Я не соврал. Я не создаю, а лишь беру захватываю. Можно забрать тьму один раз, пять и даже десять. Но энергия Серого мира не рассеивается, а остается во мне. Я не могу вечно просто лишать тварей силы. Гораздо эффективнее использовать их против друг друга. Не беспокойся, — вдруг добавил он. — Я контролирую ситуацию.

Вновь на некоторое время воцарилась тишина. В конце концов я вздохнула, посмотрев на дива.

— Возможно, мы правда были когда-то друзьями, — произнесла я, видя, как переменялось выражение его лица — удивление, растерянность, сменившееся легким весельем с налетом тоски. — Надеюсь, в следующую нашу встречу я наверняка буду знать, кто ты для меня, Люций Моран...

Договорив, я почти падаю на землю — Моран подхватывает меня, не позволяя удариться, и аккуратно садится прямо на траву. Тело перестает слушаться. Моя сущность утекает прочь, она давно желала вернуться в настоящее тело.

Руки Люция лежат на моих щеках. Я не ожидала, что перемещение будет медленным. Словно нахожусь сразу в двух местах. Чувствую аромат хвои, которым пронизан воздух возле крепости, и в то же время ощущаю прохладу ладоней Морана, вижу серые глаза и бесконечное небо. Бархатное зарево, знаменующее новое начало.

Моя голова покоится на его коленях. Моран словно удерживает меня, заставляет сомневаться. Мужские пальцы скользят по щеке, тревожно и осторожно.

Теневой див наклоняется, его взгляд предельно серьезен.

— Если желаешь уйти, уходи. Я могу подождать еще, — шепчет он, вдруг стягивая полупрозрачное кольцо со своего пальца и надевая на мой.

Целует в висок, который сразу же обжигает леденящим холодом, подобный которому я еще не испытывала.

— Но не верь ему, Сара. Никому из них не верь...

Его сила проникает внутрь, занимая место среди круговорота моей собственной магии.

На долю секунды воцаряется тьма, а после я будто вновь открываю глаза после долгого сна. Вижу перед собой девушку из столовой. Алексис. Она смотрит на меня с настороженностью. Я лежу на полу — упала прямо возле кровати. И я вернулась в свое тело.

Наши с дэвой взгляды пересекаются. Я отчетливо вижу тени, взметнувшиеся за окном, — вороны заметались, несколько птиц врезалось прямо в окно.

Моя рука устремляется вверх, хватая девушку за ворот мантии, а другая, обернувшись материей, вытаскивает ее меч и откидывает прочь. Тот со звоном врезается в стену. Этот маневр возможен, пока клинок еще не распознал подмены, не больше доли секунды.

Мы меняемся местами, теперь дэва на полу, а я сверху зажимаю ей рот, не позволяя закричать.

В воздух поднимается существо воплощения. Она мортем и только что пыталась атаковать меня своей магией. Но тьма проходит сквозь, будто мое тело нематериально, и я стала призраком.

Моя ладонь касается ее лба. Я чувствую искру, что пробегает по пальцам. Мне тяжело сдерживаться, чтобы вновь не поменяться местами.

— Спи, — говорю я, и девушка обмякает.

Встаю. Иду решительно, сразу находя взглядом Туманный. Он лежит на подставке под белой тканью, там же, где я его оставила. Подхожу, убирая материю. Касаюсь рукояти. Меч приветливо отзывается холодом и жаром. Он изменился вместе со мной. Не свет и не тьма. Мы с ним застыли где-то посередине.

Как только я осознала это, еще тогда, во время медитации в читальне, связь между нами стала стремительно возвращаться.

Стук в окно усиливается. Снаружи вместо раннего рассвета вдруг снова разливается тьма. В коридоре слышатся крики. Я торопливо подхожу к двери, что ведет в уборную, перешагивая дэву, которая в позе звезды лежит на ковре. На миг останавливаюсь, чтобы прихватит чернила, одиноко лежащие в шкафу. Проверяю на ходу, на месте ли кулон, подаренный когда-то отцом.

Зная, что вернусь, я оставила все самое дорогое у Майи и испытала немалое облегчение, поняв, что она справилась со своей задачей.

Я отчетливо помнила ту печать, пусть и создавала ее всего несколько раз в жизни. Печать Сорель — нить, способная связать членов их семьи. Но необходимо соблюсти два условия — быть на расстоянии не более дня пути, и начертание точно такого же магического символа на другой стороне.

Фредерик. Он знает, что делать. Если брат пришел за мной, то печать сработает. Мы много раз обговаривали этот план еще в юности, на случай, если кто-то из нас окажется в плену. Правда, я бы не назвала время, проведенное рядом с Люцием, заточением.

Сжав кисть, я рисую печать. Она сложная, с множеством линий, которые выются словно лоза, пересекаясь друг с другом. Завершив последний штрих, я, затаив дыхание, смотрю на черные линии на светлом дереве.

Слышу тяжелые шаги — кто-то приближается. И вдруг печать вспыхивает — ярко, почти ослепляя. Лицо обдаёт жаром. Магический огонь прожигает дерево настолько, что в спальне повисает аромат костра.

Моя ладонь ложится на дверную ручку, и я открываю дверь одновременно с тем, как в комнату врывается Рафаиль. Вместе с даэвом в доспехах и маске. Наши взгляды пересекаются лишь на мгновение, а потом я ныряю в белоснежное зарево энергии, оказываясь совсем не в уборной.

Это общая гостиная, одна из тех, которые бывают в богатых гостиничных дворах. В комнате трое даэвов — двое из них в светло-голубых одеждах, но наряд последнего практически блистает серебром из-за вышивки, что украшает его мантию. Волосы сияют золотом не так, как в юности, но он все равно выделяется.

Фредерик сидит на диване. Он только отнял руки от лица, и его ладони застыли на полпути, так и не опустившись. Его глаза широко раскрыты, в них будто плещется море. Весь голубой океан.

Дверь за моей спиной рассыпается пеплом, не выдержав магического огня.

Мое сердце подскакивает. Мы отмираем одновременно. Идем навстречу друг другу, шаг за шагом. Перед глазами будто проносится вся жизнь.

Фредерик обнимает меня крепко, мои руки тоже оказываются на его спине...

— Сара, — шепчет он. Голос его изменился, стал глубже, и появилась мужская хрипотца.

Но заходящееся сердце вдруг успокаивается. Я должна быть рада, но кольцо на пальце, которое невероятным образом переместилось

вместе с моей сущностью, омрачает мои чувства. А в голове будто наяву вновь вспыхивают слова Люция Морана.

Не верь ему, Сара. Никому из них не верь...

Конец!

notes

Примечания

В переводе с фарсидкого языка (языка старых королевств) — «День настал». Форма приветствия, где тот, кому адресованы слова, символизирует солнце, осветившее тьму. В былые времена так встречали лишь тех, встречи с кем действительно ждали.

В переводе с фарсидского языка (языка старых королевств) — «Потухли звезды». Вторая форма приветствия. Один из закладываемых смыслов — ночь ушла, рассеялась тьма, где тьма — это силы зла. *Прим. автора: Сара не знает полного значения приветствия. Но вот Люций Моран — да.*